

ГОРБАЧЕВ-ФОНД

ГОРБАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ:

ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

М.С. ГОРБАЧЕВА

**ПЕРЕСТРОЙКА КАК ОПЫТ ПРЕОДОЛЕНИЯ
ТОТАЛИТАРИЗМА: ВЫВОДЫ ДЛЯ БУДУЩЕГО**

МОСКВА 2003

Горбачевские чтения: Проблемы внешней политики М.С. Горбачева; Перестройка как опыт преодоления тоталитаризма: выводы для будущего. — М.: Горбачев-Фонд, 2003. — С. 205.

**Под редакцией *О.М. Здравомысловой*
Компьютерный набор *А.Л. Трейвис***

ISBN 5-86493-128-4

© Горбачев-Фонд, 2003.

© Оформление. Эслан, 2003.

Сдано в набор 10.11.2003. Подписано к печати 08.12.2003.

Формат 60x90/16. Объем 13 п.л. Тираж 700 экз.

Международный фонд социально-экономических и политических исследований (Горбачев-Фонд)

Отпечатано в ООО «Связь-Принт»

Новый проект Фонда — «Горбачевские чтения» — обращен к тем, кто размышляет и пишет о современной России.

«Горбачевские чтения» — это дискуссии об истоках и развитии демократических преобразований, начатых в 1985 году, об изменяющемся положении России в современном мире, о роли интеллектуалов в этих процессах. В Чтениях принимает участие Михаил Сергеевич Горбачев, исследователи из России и из-за рубежа, общественные деятели, политики, журналисты.

Проект разрабатывается на базе архива и библиотеки Горбачев-Фонда, где собраны уникальные свидетельства периода перестройки и многочисленные материалы последующего времени. В читальном зале Фонда регулярно работают российские и иностранные исследователи. Большинство из них — молодые ученые, студенты и аспиранты.

Общее руководство деятельностью проекта осуществляет Президент Фонда М.С. Горбачев. Оргкомитет «Горбачевских чтений»: Ольга Здравомыслова (руководитель Общественного политического Центра Горбачев — Фонда), Сергей Кузнецов (директор Научно-информационного Центра Горбачев-Фонда), сотрудники Фонда Игорь Аверин, Екатерина Давыдова, Татьяна Михайловская, Анна Трейвас.

«Горбачевские чтения» проводятся два раза в год. Мы предлагаем вниманию читателя материалы дискуссий «Проблемы внешней политики М.С. Горбачева» (2002 г. июнь) и «Перестройка как опыт преодоления тоталитаризма: выводы для будущего» (2003 г., март).

Очередные «Горбачевские чтения» состоятся 16 декабря 2003 г. Их тема: «Становление демократии в России: от Горбачева до Путина»

О ПРОЕКТЕ «ГОРБАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Задача, ради которой создавался в 1992 году Фонд — исследование процессов, связанных с историей перестройки, ее итогами, ее политикой, позитивными и неожиданными переменами и потрясениями, вызванными ею. Наш новый проект, цикл дискуссий «Горбачевские чтения» продолжает сложившуюся в Фонде традицию осмысления недавнего прошлого и настоящего. Проект нацелен на участие в нем маститых и начинающих исследователей из России и других стран.

Перестройка привела в движение исторические процессы в нашей стране, вызвала массу споров о современности и тысячелетней истории России. Поэтому стержневая тема «Горбачевских чтений» — «Россия: вчера, сегодня, завтра».

Это тема, которая пользуется спросом и в России, и на Западе. Факт сам по себе, по-моему, позитивный: люди стремятся понять, что произошло, хотя бы знать первоисточники, чтобы делать собственные выводы. А эти выводы, несомненно, нужны и общественности, и политикам. Подтекст Чтений именно таков: показать истоки перестройки и раскрыть ее влияние на настоящее и будущее России.

Другая часть проблемы — международный контекст, в котором жила в то время страна, и то, как повлияла внутренняя перестройка на внешнюю политику и мировое развитие.

Правда, до сих пор остаются люди, которым все ясно. У них нет никаких сомнений. Они однажды и навсегда заняли свои позиции, и настаивают на том, чтобы общество их поддержало.

Мы, однако, принадлежим другому кругу людей. Мы уверены, что еще не выбрались из перестроечного времени. Перестройка, как я говорил когда-то, еще только начинается. Она положила начало целой эпохе и будет продолжаться долго. От этого никуда не уйти ни России, ни миру. Мы от многого не избавились, чтобы жить в новом мире, в новой стране и создавать новую страну. Это касается и людей моего возраста, и бо-

лее молодых — тех, у кого нет груза прошлого, хотя им легче и проще.

Мы начинаем Чтения с самыми добрыми намерениями. Наш принцип — никаких идеологических постулатов: идет научно-исследовательский поиск, а результатом его может быть как пересмотр взглядов, так и утверждение в той или иной позиции. В этом смысл, который мы придаем своей работе: заходишь в Фонд Горбачева — чувствуй себя совершенно свободным — идет интеллектуальный поиск.

М.С. Горбачев

Содержание

Проблемы внешней политики М.С. Горбачева .....

Историческое и перспективное значение
внешней политики М.С. Горбачева

Доклад *А.С. Черняева* .....

Дискуссия по докладу *А.С. Черняева* .....

Материалы, подготовленные участниками проекта:

Страны «Восточного блока» в 1989 году:
контуры нового политического вектора.

Задорожнюк Э.Г. .....

Устойчивый миф об истоках нового
внешнеполитического мышления.

Селезнева Л.В. » .....

Перестройка как опыт преодоления тоталитаризма:

выводы для будущего .....

Дискуссия по теме .....

Материалы, подготовленные участниками проекта:

Эволюция конкретно-исторического
содержания тоталитаризма».

Маслов Д.В. .....

Политическая трансформация в России и Китае
и тоталитаризм: опыт сравнительного анализа.

Бородич В.Ф. .....

Историографическая феноменология десталинизации
в период перестройки.

Лукьянов Д.В. .....

Заметки об исторической правде. «Сталинизм».

Чечель И.Д. .....

Перестройка и национальный вопрос:
взгляд через десятилетие.

Барсенков А.С. .....

Проблемы внешней политики М.С. Горбачева

28 июня 2002 года

Историческое и перспективное значение внешней политики М.С. Горбачева

Доклад А.С. Черняева

Замысел моего выступления – попытаться показать безальтернативность внешнеполитического выбора, который сделал Горбачев, и обратить внимание на востребованность этого выбора уже в наше время.

Он «угадал» оптимальный вариант движения мира к новой эпохе.

Слово «угадал» употребляю потому, что в самом начале не была, конечно, сформулирована в более или менее целостном виде политика «нового мышления».

Но «угадал» - это не значит сфантазировал. Такая политика была выбрана в результате анализа давно изменившихся обстоятельств внутри и вне страны. И она не сразу была очищена от догматической, идеологической инерции.

Главным «обстоятельством» тут была невозможность продолжать то, что он унаследовал.

Я не собираюсь подробно и последовательно излагать концепцию и практику внешней политики перестройки.

Ограничусь некоторыми проблемами, к которым – исходя из национальных интересов и во избежание ядерной катастрофы – не могло быть иного подхода, разумеется, ответственного подхода.

Итак:

Надо ли было прекращать гонку вооружений? Надо. Не откладывая – и для снятия угрозы ядерной, мировой войны, и для сокращения бремени ВПК, которое давило на все отрасли хозяйства, калечило экономику, снижало и так низкий уровень населения. Надо было и для переключения ресурсов и мозгов на гражданское производство, т.е. на экономическую реформу, которая давно назрела. Закостеневшие формы функционирования экономики и рычаги управления ею уже 30-40 лет обнаруживали свою неэффективность. Страна шла в тупик.

Мало того, в самой гонке вооружений нас стали обгонять по причине нашего общего отставания. Таким образом, она теряла свое политически-устрашающее значение.

Раз так, надо было выходить на новые отношения с Америкой, потому что мировая политика, стержнем и импульсом имела гонку вооружений, определялась отношениями двух сверхдержав.

Это означало вместе с тем перемену отношений с Западом вообще, прекращение нашей самоизоляции от наиболее развитой части международного сообщества. В противном случае мы были обречены на деградацию во всех смыслах (она, впрочем, все равно случилась, «в отложенном», правда, варианте, потому что была заложена в недрах советской системы, которой история отвела определенный срок, и срок этот истекал).

Чтобы выйти из изоляции, надо было разрушить «железный занавес», а это было невозможно без деидеологизации внешней политики. Такая задача была провозглашена и она осуществилась как естественный результат внутренней деидеологизации.

Нужно было уходить из Афганистана? Нужно. И потому, что за 6 лет обнажился полностью преступный и нелепый замысел этой интервенции. Уходить по материальным соображениям – 6 млрд. руб. в год. И главное, - по моральным причинам: жертвы и потери ничем нельзя было оправдать. Население в подавляющем большинстве, несмотря на все усилия спрятать правду, вопреки лживой пропаганде, отвергло и осудило афганскую авантюру.

Уходить нужно было и потому, что иначе никто всерьез не поверил и не принял бы нашего курса на перемены. И не возник бы один из важнейших побудительных мотивов идти нам навстречу.

Объединение Германии. Какую иную позицию можно было занять, когда немецкий народ (и прежде всего в лице наших союзников, ГДРовцев) заявил о нетерпимости далее сохранять «стену» и делить нацию по-живому? Пустить танки, повторить «1968 год»? Это означало бы европейскую войну и крах всех намерений вывести собственную страну на путь современного прогресса.

Тормозить этот процесс, принимавший тогда, как вы помните, обвальный характер, шантажировать, «драть семь шкур» с немцев? Многие предлагали такое и до сих пор держатся этой точки зрения. Но в этом случае (если, конечно, не идти на вооруженный конфликт) объединение произошло бы все равно, **произошло бы без нас и против нас**. И мы получили бы в лице объединенной Германии не дружественную, а враждебную державу, еще более мощное, чем прежде, орудие холодной войны.

Кстати, я писал однажды в одной из своих статей: если бы не развалили Советский Союз, можно было бы рассчитывать на образование своего рода «оси Москва-Бонн (Берлин)» с огромным потенциалом европейской и мировой политики.

Объединение Германии (при решающей роли СССР) ликвидировало «железный занавес». Холодной войне пришел конец. Это настолько значительное событие, что до сих пор, в течение 13 лет после Мальты и падения Берлинской стены, президенты и прочие политики заявляют претензии на патент в решении этой задачи. А журналисты и политологи никак не могут успокоиться насчет дат. Хотя, казалось бы, есть очевидные факты: холодная война имеет четкие хронологические рамки, ее отличают

совершенно определенные черты, главные среди них – гонка ядерных вооружений и не просто идеологическая борьба, а жесткая и провокационная всеохватывающая конфронтация. И то, и другое прекратилось при Горбачеве и благодаря Горбачеву.

Восточная Европа. В принципе ситуация такая же, что и с ГДР. Но с большой разницей в конкретике. Достаточно поставить вопрос: а нужны ли нам были послушные, принудительно удерживаемые союзники, фактически сателлиты в условиях прекращения холодной войны и конфронтации? Были ли они нужны в новых условиях? Наверное, правильно решил Михаил Сергеевич, сказав однажды: «Мы им поднадоели, и они нам поднадоели. Поживем по-новому, ничего страшного».

Подразумевалось, правда, что в благодарность за свободу «друзья» повернутся к нас своим новым социалистическо-демократическим лицом. Но это оказалось заблуждением и коренилось оно, конечно, в великодержавном самомнении, в идеологической зашоренности, которые, кстати, на протяжении многих лет и десятилетий мешали нам правильно оценивать то, что там происходит и что неизбежно произошло.

Агрессия Ирака против Кувейта и война в Персидском заливе.

В условиях надвигающейся глобализации (хотя этот термин еще не был в ходу) надо было поворачивать мир в иное русло, где нет места агрессии и где предполагалась совместимость национально-государственных амбиций и интересов. Конечно, крайне усложнял эту эпохальную задачу неожиданно бурный процесс повсеместной этнической и исторической идентификации.

Прекращение холодной войны позволило приступить к решению этой задачи. Главная ответственность ложилась тогда на сверхдержавы плюс другие, более-менее великие. В подходах к этой проблеме впоследствии было наломано много дров. Тем не менее...

Совместная акция международного сообщества во главе с США и СССР вместе с ООН по обузданию агрессии Хусейна явилась важным **прецедентом мировой политики новой эпохи**, по сути новой эры – политики сотрудничества, взаимодействия, солидарности ради общих ценностей цивилизации.

Горбачев занял единственно возможную позицию. Его усилия покончить с агрессией мирным путем не увенчались успехом, но это не отменяет принципиальной правильности его поведения.

В контексте прекращения холодной войны и колоссальных проблем и трудностей на пути реформирования собственной страны потеряла смысл по сути и имперская политика в зоне так называемого «национально-освободительного движения». Идеологический компонент ее выдохся давно, еще до Горбачева. В ЦК и в Правительстве давно понимали, что нам морочат голову, изображая из себя твердых марксистов-ленинцев, строящих социализм. Действовали мы там в сугубо стратегических соображениях и в рамках холодной войны.

Таковы наиболее значительные акции и события внешней политики Горбачева, которые инициировали коренное изменение всей ситуации на мировой арене.

Теперь я обозначу основные политические идеи нового мышления и методы его реализации. Одни из них были применены впервые, другие трансформировались и приобрели другой характер.

Идея ядерного разоружения. Горбачев предложил ликвидировать ядерное оружие к 2000 году. Не получилось. Может быть, впрочем, потому, что за 10 лет до этой даты исчез Советский Союз. Но произошло гигантское, принципиальной важности сокращение ядерных арсеналов. Ядерное оружие выведено из первого ряда инструментов мировой политики. Так что идея Горбачева оказалась плодотворной, востребованной и она работает.

Открытость миру. Установка на включение страны не только в мировую экономику, но и вообще включение ее в мировой цивилизационный процесс не в качестве антагониста, а органичной составной части. Такой поворот был результатом понимания стремительно растущей взаимосвязанности и взаимозависимости всех частей международного сообщества. Эта идея была исходным пунктом нового мышления.

Интеграция в Европу. Горбачев реанимировал общеевропейский процесс на новой основе. Его идея «общеевропейского дома» - предмет нескончаемых насмешек – пустила-таки корни. Туго, нехотя, с трудом, но «процесс пошел». Во всяком случае, это еще Советский Союз, при Горбачеве, проложил первые камни по дороге к Европейскому Сообществу (Союзу - теперь), к Совету Европы. Россия при Ельцине лишь унаследовала неизбежное для нее участие в делах и институтах Европы.

Нормальные и по возможности добрые отношения по всем азимутам. Несомненны заслуги Горбачева здесь – и по новизне идей, и по конкретным шагам. Он первый у нас оценил роль Азиатско-Тихоокеанского региона и наметил пути выхода страны в этот великий регион мира. Он положил начало новым отношениям не только с большинством западноевропейских государств, но и с Индией, Китаем, Японией, Индонезией и другими некоторыми государствами Азии, а также Латинской Америки. Все это была политика с дальним прицелом. И начатое им востребовано и работает сейчас.

Горбачев буквально навязал государственным деятелям и общественности **диалог** как главную форму взаимного узнавания и объяснений по кардинальным проблемам современной жизни. Он превратил диалог в чрезвычайно действенный канал доведения до внешнего мира своих подлинных намерений. Тем самым решающим образом способствовал возникновению такого мощного фактора мировой политики и мироустройства, как **доверие**. При нем **личные отношения** между лидерами государств начали играть по-новому существенную роль в международном процессе. Диалог, доверие, личные отношения – эти эффективно использованные Горбачевым «инструменты» внешней политики –

востребованы в XXI веке и, как мы видим, продолжают служить международному сообществу.

Горбачев (а не Ельцин, как утвердилось в нашей пропаганде) вышел на «большую семерку» и участвовал в ее Лондонской сессии летом 1991 года.

Горбачев первый установил формальную связь с Международным валютным Фондом и подписал с Камдессю соответствующий документ в 1991 году.

Именно Горбачев начал размывать жупел НАТО – организации, которая, как нам долго внушали и убеждали, вот-вот устроит нам либо «41 год», либо «Хиросиму». При Горбачеве впервые Генсек НАТО (Манфред Вернер) посетил Москву в июле 1990 года, а министр иностранных дел СССР выступал в Брюсселе на Совете НАТО.

Потом, правда, Россия опрокинула это начинание, как и многое другое из наследия Горбачева. Сколько было ненужной полемики и безнадежных ультиматумов, просто комичного шантажа по поводу расширения НАТО! Хотя никто толком – ни политики, ни профессионалы-военные, ни журналисты – так и не объяснили народу, почему приближение НАТО, скажем, на 100 км ближе к границам создает смертельную угрозу нашей стране при наличии и у них, и у нас ракет, которые с одинаковой точностью летают на тысячи километров.

Пришли же теперь, при Путине, к тому, что с самого начала было ясно по окончании холодной войны: никакой угрозы Альянс для нас не представляет, он не носитель инициативной агрессии, с ним не только можно, но и нужно сотрудничать.

Я считаю, что Путин – разумеется, в совершенно новой обстановке и по-своему, с учетом новых моментов, которых не было при Горбачеве, - воспроизводит и продолжает, в принципе, внешнеполитический курс, начало которому положил Михаил Сергеевич своим «новым мышлением».

И так же, как тогда, в основе этого курса – две простые вещи: здравый смысл (народный, конечно, а не политиканский, не идеологический) и принцип «по одежке протягивай ножки».

Ожидаю вопрос и реплику: ну, хорошо... Но ведь дело не только в идеях и намерениях, не только, что делалось, но и как делалось, с какими прямыми и косвенными, попутными результатами.

На эту тему еще долго будут спорить, ругаться, клеить ярлыки и предъявлять обвинения.

Я на это реагирую так: не забывайте, в каких условиях Горбачев начинал и действовал, а также то, что сделанное им все-таки было впервые в мировой истории.

Он добился спасительного перелома в мировом развитии. А преподнести счастливый и спокойный для всех мир не дано никому и никогда ... по природе вещей.

Тот факт, что многое из тех идей, форм и методов внешнеполитической деятельности, которым дал путевку в жизнь Горбачев, востребованы и

продолжены, доказывает, что они **шли в русле объективной логики приближения мира к XXI веку.**

Горбачев заложил основы неконфронтационной внешней политики. И ей нет альтернативы в XXI веке, если человечество собирается продолжать жить.

Дискуссия по докладу А.С. Черняева

Лебедев В.П. (Вопрос)

Сейчас России переданы 20 млрд. для ликвидации тех вооружений, которые были накоплены за время существования СССР и несколько позже. Как проконтролировать то, на что они, в действительности, уйдут. Сегодня западная пресса высказывает соображение, что большая часть этих денег будет прикарманена чиновничеством.

Как бы Вы ответили на вопрос, на что пойдут эти деньги?

Черняев А.С.

На такой вопрос я действительно ответить не могу. У нас, согласно черномырдинской формуле, все бывает «как всегда». Может быть, и здесь будет «как всегда». Я к государственным структурам не имею отношения. Но полагаю, что те, кто дал деньги, добьются создания какой-то системы контроля за их использованием. Просто так там не принято тратить деньги. Кстати, опыт есть. Мы не с сегодняшнего дня начинаем ликвидацию ядерного ракетного оружия. Скажем, ликвидация СС-20 прошла под контролем и ни у кого никаких сомнений не вызвала.

Так что надежда у меня какая-то есть, но гарантировать не могу.

Горбачев М.С.

Я добавлю. Это вопрос актуальный и серьезный. Я недавно встречался с Владимиром Владимировичем Путиным, и этот вопрос обсуждался. Это ведь была его инициатива. Сначала он ее обговорил с представителями «восьмерки», европейцами, затем с американцами. Американцы, в том числе американский Конгресс, всегда ставят вопрос так: Америка понимает, что ситуация требует общими усилиями избавляться от страшного оружия. Но конвенция выполняется медленно и пока плохо, хотя найдены уже технологические решения, способы контроля. Правда, дело это дорогое: один завод по уничтожению химического оружия стоит миллиард. На создание ядерного оружия затрачены десятки и сотни миллиардов. Теперь средств понадобится, естественно, меньше, но тоже нужны миллиарды, чтобы уничтожить такое оружие.

В связи с этим родилась формула, которую выдвинул наш Президент «10 + 10». Она опирается на реальные проработки наших ведомств. Это хорошо знают американцы, хотя у них вообще все дороже обходится, потому что там другая зарплата, другие составляющие. И тем не менее, вопрос ясный. Инициатива с формулой «10 + 10» как бы развязывает руки и выводит на понимание того, что надо от ядерного оружия избавляться. Это касается и подводных лодок с ядерными установками, выведенных из военного использования. Их накопилось более двухсот. Кстати, на заключительном этапе существования Советского Союза этот вопрос обсуждался на Политбюро, разрабатывался проект стоимостью 5 миллиардов только по подводным лодкам. Так что работа велась давно и есть реальные проработки.

Теперь все-таки подключились европейцы, и это очень важно, облегчает прохождение вопроса в Конгрессе США. Я бы сказал, что заявление президента США говорит о его доброй воле и понимании. Думаю, не случайно. Он, видимо, консультировался. Нельзя же себя поставить в такое положение, что вернулся с важнейшей, встречи, где такие крупные вопросы обсуждались, заявил там что-то, а потом

в разных структурах и в Конгрессе все будет дезавуировано. Вряд ли можно подозревать, что тут была какая-то продуманная игра: вроде сделал вид, разыграл какую-то позицию, а на самом деле заранее знал, что ее кто-то где-то на каком-то этапе завалит.

Что касается второй части вашего вопроса, то опыт уничтожения ядерного оружия, ракет средней дальности показал, что это возможно и это подконтрольно. Более того, не просто будут перечисляться деньги, они будут перечисляться под конкретно выполненные работы. К примеру, американцы дали нам грант для строительства вот этого здания Фонда. Мы этих денег не видели. Но объем работ контролировала консалтинговая компания. За выполненные части работы и перечислялись деньги. Более того, 10 процентов прикинули на нашу неорганизованность, исходили из того, что мы будем просить еще, что нам не хватит, поэтому 10% выплат по гранту оставляли для завершающего этапа. Так что механизмы контроля существуют, порядок есть.

Что касается ядерного, химического, бактериологического оружия, все это находится под тщательнейшим контролем всех систем, включая и разведку. Могу проиллюстрировать. Здесь присутствует живой свидетель – Павел Палажченко, который в Кемп-Дэвиде присутствовал на моих переговорах с Джорджем Бушем–старшим. Буш сказал: «Михаил, до нас доходят сведения из разведки, что вы все-таки бактериологическое оружие продолжаете производить, и вы не выполнили обязательства». Я ответил, что к нам приходят такие же сведения об американцах. Причем о том, что в США ведутся мощные исследования по медицинским программам и очень трудно определить грань, где создается препарат для борьбы с болезнями и т.д., а где бактериологическое оружие. «Думаю, - говорил я Бушу, - нас с тобой могут одинаково водить за нос, а могут просто подбрасывать липу, потому что беспокойство кое у кого есть. Вношу предложение: пусть специалисты, которые этим заняты - а они все знают и знают друг друга - вместе этим займутся. Наша делегация приедет к вам и ваша к нам и проверят на месте все объекты. Мы знаем хорошо, где они у вас расположены, какие у них коммуникации на земле и под землей. Вы тоже знаете. Не зря разведка работает». Подумав, Буш сказал: «Хорошо. Мы обдумаем это предложение».

Позже он сообщил, что сначала американцы хотели бы приехать к нам. Я понял, что значит не все у них в порядке. Наверное, наводить порядок надо и в Америке.

Мы проверили, что же у нас в Советском Союзе происходит с этим, что можно сравнивать, с каких позиций обсуждать. И начались знаменитые поездки специалистов, связанных с бактериологическим оружием. Тема эта то вспыхивает, то затухает. Кто-то уехал на Запад, хочет себя «подороже продать», начинаются домыслы: мол, программы не закрыты, хотя все решения по их закрытию приняты. Возникают какие-то сомнения и т.д.

Но, заверяю вас, контроль в этих делах существует очень серьезный и основательный. Поэтому надеюсь, что средства (по два миллиарда в год на 10 лет), предназначенные на уничтожение ядерного оружия, не постигнет судьба тех четырех миллиардов перед дефолтом, которые до сих пор не нашли.

Это я говорю с уверенностью, поскольку был включен в эти процессы поисков, контроля. Кстати, на стадии подготовки решений по тем или иным вопросам американцы были очень настроены в пользу контроля, даже этим нас шантажировали, а мы вроде бы не уделяли ему должного внимания. Но когда дело дошло до реальных постановлений, договоров, соглашений, то самыми жесткими требованиями были именно с советской стороны. Поэтому и сейчас СНВ-1 включен в механизм нового договора по сокращению ядерного оружия как такой документ, принципы и подходы которого будут соблюдаться и использоваться при решении задач уже сегодняшнего дня. Это требовало огромной работы.

Я много слышу в СМИ легковесные оценки всех этих сложнейших вопросов - любят поиграть на чувствах, лишнюю сенсацию подкинуть. Это абсолютно безграмотные суждения.

Думаю, может быть, надо созвать экспертов и поговорить с ними в присутствии журналистов и ученых, которые берутся освещать такие вопросы. Может, стоит этому посвятить одну из встреч на наших Чтениях.

Недавно я прочитал беседу Китаева, который работал в ЦК и курировал оборонные вопросы. Он описывает всю ситуацию с разоружением: какая борьба шла между ведомствами – КГБ, МИД, Министерством обороны, как возникла комиссия Зайкова (гениальное, он говорит, изобретение – «большая пятерка»). А нам навязывают глупость: мол, вот Горбачев подмахнул, что подсунули, и решение готово. Делают это люди, абсолютно не сведущие в том, как готовились такие решения, как прорабатывалась каждая деталь, как учитывались все нюансы. Но Горбачев не может заставить людей перестать болтать, о чем они не знают, надавить на них. Была тяжелейшая работа и борьба, в центре которой были, конечно, интересы страны. Что ни говори, мы тоже долгое время были сторонниками арифметического стратегического баланса. Это была общая болезнь. Считали каждую ракету – чтоб сколько у них, столько и у нас было. И оказывалось в результате, что, если сложить весь ядерный потенциал нашей страны, Америки и других стран, то тысячной доли его достаточно, чтобы уничтожить все живое на Земле.

Поэтому, когда ты, руководитель страны, знаешь ситуацию, а именно – что до Москвы две минуты полета «Першинга-2», а до Волги пять минут, тогда понимаешь, что это приставленный к виску страны пистолет. Тогда ты решаешь: сделать все, чтобы снять эту угрозу, уничтожить ее в первую очередь.

Сколько было дебатов, сколько страстей! Ну, наверное, такая судьба у политика. Так что в этих вопросах очень жесткий подход был и есть. Думаю, что и на этот раз будет так. У меня сомнений нет. Хотя вопрос вы правильный поставили. Все будет под контролем. Будут отчитываться перед мировым сообществом. Не дай Бог, если у нас в этом святом деле перед необходимостью обезвредить целые пространства, регионы, избавиться от того, что осталось в наследство, проявят безответственность и нечестно подойдут к использованию средств объединенной группы народов, желающей помочь России ликвидировать страшную угрозу.

Раньше мы этого не допустили. И сегодня, думаю, будет так же. А завтра – посмотрим. Нужен самый жесткий контроль.

Бессмертных А.А.

Во-первых, американцы со времен горбачевской эпохи научились доверять и одновременно проверять, как говорил президент Рейган. Ничего абсолютно, ни одной копейки не будет израсходовано без жесточайшего контроля. Механизм контроля был заложен уже в ту эпоху. Договор СНВ-1 в отличие от всех договоров мировой практики содержит наиболее развернутую, тщательнейшим образом скомпонованную систему контроля. Она, правильно Михаил Сергеевич сказал, признается как эталонная. Она будет применяться во всех тех случаях, когда это востребуется.

Миллиарды выделяются на уничтожение оружия массового уничтожения и утилизацию того, что накопилось. Это сотни атомных подводных лодок, сотни атомных реакторов. Например, в северных морях у нас 102 подводных лодки и 300 атомных реакторов. Так что наш простой нормальный человек, осознав, что речь идет о радиоактивном бульоне вокруг России, конечно, будет за то, чтобы деньги действительно шли на то, на что они выделяются. Это первое.

Второе. За все эти годы Запад привык к мысли, что проверять надо десятикратно, когда деньги уходят в Россию. С этим столкнулись и немцы, когда они выделили 4 млрд. долларов на обеспечение людей, пострадавших от фашизма, - деньги вначале куда-то исчезли. То есть недоверие к Советскому Союзу базировалось на его закрытости. А недоверие к новой России базируется на ее отношении к чужим деньгам. Так что здесь не удастся никому ничего утянуть.

Хотел бы добавить такую мысль об уничтожении ядерного оружия. До сих пор мы уничтожали только носители, а все ядерные боеголовки до сих пор хранятся. Более того, ни одна ядерная боеголовка – ни в Соединенных Штатах, ни в Советском Союзе, ни в России – еще не была до сих пор уничтожена. Поэтому нам предстоит уничтожить десятки тысяч ядерных боеголовок. Но уничтожать не просто, сами знаете, эта задача очень сложная, а утилизировать их, разжижать уран для атомных электростанций. Это громадная задача. И вот здесь будет проблема контроля. Поскольку ни одна сторона допускать другую к самой процедуре пока не очень склонна. Хотя последние 10 лет мы раскрылись сильно. Я был в Новоуральске - это крупнейший центр урановой промышленности, где создавались наши ядерные боеголовки. К своему удивлению, увидел там группу американцев. Так что доверие здесь уже выросло в определенной степени, но, конечно, контроль должен осуществляться тщательно.

Я как сопредседатель Международного фонда «Курск» скажу, когда мы занимаемся утилизацией подводных лодок на северных морях, ни одной копейки не позволено было уйти куда-то. Только точечная передача средств. Так что, я думаю, здесь беспокоиться не придется.

Константинов И.В. (вопрос)

Вы очень коротко сказали о взаимоотношениях Советского Союза с восточноевропейскими странами в то время. Я прошу поподробнее рассказать о том, как принималось решение о роспуске Варшавского Договора, какая была мотивация. Кто выступал инициаторами? Как проходили переговоры? Были ли какие-то взаимные обязательства? Принимались ли какие-то двусторонние договоры взамен расторгаемого общего договора? То есть подробно механизм распада Варшавского Договора. Спасибо.

Черняев А.С.

Это долгая история. Началось с того, что венгры и чехи потребовали вывода наших войск. Сопrotивляться этому не было никакой возможности. Не было никаких аргументов и оснований. Уже одно это ставило под вопрос существование Варшавского пакта. Румынская позиция на этот счет была давно известна.

Была большая дискуссия, каким образом закрывать Варшавский Договор. Ведь заключали этот договор на высшем уровне. Пришли к выводу, что сильно подставимся, если в совершенно новой обстановке, чем 35 лет назад, на уровне Горбачева и других глав государств, принять такое решение. Лучше, если бы это сделали на этот раз министры обороны и министры иностранных дел. Так и поступили. Съехались и договорились о роспуске Варшавского пакта. Смысл его существования исчез после окончания холодной войны. Это был естественный результат.

На Лондонской сессии НАТО говорилось о политизации этого блока, о необходимости заключения договора между двумя блоками, между двумя альянсами. Но из этого ничего уже не могло получиться – Варшавский Договор стихийно распался и остановить этот процесс никто не мог. Поэтому самым естественным было подчиниться неизбежному, что и было сделано довольно аккуратно, без особой потери лица. В конце 1989 года – начале 1990 года Варшавский блок перестал уже de-facto существовать как организация на что-то способная.

Бессмертных А.А.

Распад и исчезновение Варшавского Договора были продуктом общего процесса демократизации, который начинался в нашей внешней политике, в первую очередь, в отношении Восточной Европы.

Ситуация была такая, что только Чехословакия и Венгрия шли достаточно впереди в процессе демократизации и реформирования себя. Остальные в застывшей форме сидели и ждали, что делать дальше. Именно тогда советское руководство подталкивало

эти государства к тому, чтобы они начали себя менять. Я не забуду встречу после Мальты, которую собрал Михаил Сергеевич. Лидеры восточноевропейских стран съехались в Москву на следующий день после нашего возвращения с Мальты. Михаил Сергеевич доложил всем лидерам восточноевропейских стран (там половина была уже новых лидеров), что эти страны обладают свободой выбора, в том числе и выбора своей социально-экономической системы.

Более того, в Мальте было заявлено то, о чем почти никто не упоминает, поскольку ничего не знает, за исключением тех, кто за столом там сидел. Михаил Сергеевич уточнил, что принцип свободы выбора означает и свободу перемены выбора. То есть, сделав выбор в сторону, скажем, развития социалистической системы, они потом могут поменять этот выбор на другой выбор. Это было очень важное заявление.

Так что это был процесс демократизации этого региона плюс продукт нашей общеевропейской политики. Если создается Общеевропейский дом, если мы стремимся ликвидировать разделительные линии. Речь шла о блоках. Причем не только о Варшавском Договоре, были интенсивные переговоры на всех уровнях и о реформировании НАТО. Однако события пошли быстрее, чем ожидалось.

Восточноевропейские страны начали требовать замены военной организации - Варшавского Договора. Они хотели его сохранить как политический договор. Это было близко мысли, которую мы высказывали в отношении НАТО: НАТО должна быть политической структурой, с выемкой из нее военной структуры. Они поторопились и первыми поставили вопрос о ликвидации военной организации Варшавского Договора, сохранении ее политической структуры.

Тогда Михаил Сергеевич принимает решение. Министр обороны Язов и я как министр иностранных дел поехали, и подписали документ о ликвидации военной организации Варшавского Договора. Но Варшавский договор продолжал существовать. Так сказать, скорлупа его политическая сохранялась.

Было принято решение, что президенту страны нет смысла ехать на эти похоронные операции. На конференцию руководителей стран поехал Янаев. Были достигнуты договоренности о том, что Варшавский Договор, в общем, может еще и существовать, хотя де-факто он уже не существовал. Но не было документа о том, чтобы «разогнать» Варшавский Договор.

Когда шло объединение Германии, одним из вариантов нашего подхода был: Германия должна оставаться членом одновременно НАТО и Варшавского Договора, хотя из Варшавского Договора уже было вынута нутро. То есть мы сохраняли его как определенный контрбаланс, как игровую карту в европейской внешней политике, но она уже была крапленая и поэтому сама по себе уже не играла.

Исчезновение Варшавского Договора все равно потребовало обеспечения оборонительных интересов Советского Союза. Тогда была принята концепция – заменить коллективный Варшавский Договор двусторонними договорами, которые содержали бы в себе обязательства по обеспечению национальной безопасности друг друга. Мы начали процесс переговоров со всеми восточноевропейскими странами и с одной из них уже успели этот договор подписать. В статье 3-ей были точно прописаны взаимные обязательства друг перед другом, фактически совпадающие с обязательствами по Варшавскому Договору.

Первой страной была Румыния. На подходе было несколько других стран. Но тут Советский Союз исчез, и договора не были заключены, а новое российское руководство вообще о них не вспомнило. Вот такая была история.

Горбачев М.С.

Здесь ничего не понять, если этот вопрос рассматривать вне контекста.

Естественно, наступило другое время. Мальта позади. Были сделаны все эти заявления, что положен конец холодной войне, что наши страны не считают друг друга

противниками, врагами - и пошел процесс, которому мы придавали особенно большое значение. (Кстати, при объединении Германии он оставался как бы уравнивающей стороной этого процесса.) Я имею в виду продолжение европейского строительства, строительство новой Европы и создание новой европейской структуры безопасности.

В этих условиях для того, чтобы придать значимость всем процессам, происходящим в Европе, советское руководство внесло предложение - это была моя идея, ее в Политбюро подхватили и после консультаций мы открыто высказали нашим партнерам. А именно: провести встречу в верхах в Париже.

Этому предшествовали объединение Германии (октябрь месяц), завершение работы в Вене по сокращению обычных вооружений и войск и шел вопрос о политической платформе будущей Европы.

В это же время уже сделали заявления и тот, и другой блок об изменении военной доктрины. А потом начались события, о которых здесь упоминали, говоря о придании этим организациям политического характера, чтобы сокращать военные элементы и наращивать политические, - и знаменитое заседание Совета НАТО в Лондоне.

Все эти процессы были связаны. Когда состоялась встреча в верхах, была принята Парижская хартия, там же были подписаны Венские соглашения на высшем уровне. Это означало, что мы переходим уже в другую эпоху строительства другой Европы.

Я думаю, что Александр Александрович Бессмертных прав: если бы мы не похоронили Союз, то эти процессы продолжались бы в плане трансформации, в двусторонних обязательствах военно-политического характера, сотрудничества и т.д.

Время показало: не стало Советского Союза - многое было отброшено. К Парижской хартии только сейчас возвращаются. Теперь упоминают, в частности, на Стамбульском саммите, что, оказывается, был такой документ.

Теперь, когда мы говорим о строительстве новой объединенной Европы - а именно так она может сыграть свою роль в мире, в мировой политике - то, я думаю, что это как бы перекличка идей, возвращение к тому, какой должна быть архитектура безопасности.

Сейчас, когда меня спрашивают, говорю, что я не в восторге, что создана «двадцатка» и совет. Но это все-таки шаг, который дает России возможность сразу по десяти крупным, важнейшим пунктам участвовать в разработке и принятии решений. Но я по-прежнему придерживаюсь идеи создания общеевропейской структуры безопасности при участии всех европейцев.

Я думаю, то, что сейчас делается, это какой-то шаг в этом направлении.

Ворачек Э.

Были ли в период перестройки знания о динамике социально-политических процессов в Центральной и Восточной Европе достаточны для того, чтобы определить политику в отношении этих государств?

Господин Черняев сказал: «Мы им поднадоели и они нам поднадоели». Но дело не только в том, что наверху находилась какая-то догматическая верхушка. Это был вопрос жизни для десятков миллионов жителей, у многих из которых были позитивные представления о социализме. Происходила ли демократизация? Можно сказать – да. Это был позитивный и очень важный момент.

Кроме того, закончилась холодная война. Да. Но идеологическая война продолжалась. Об этом никогда не надо забывать. Поэтому хочу спросить: чем можно было помочь тогда просоциалистическим силам в Центральной и Восточной Европе?

Черняев А.С.

Я попробую кое-что сказать на эту тему. Когда я, Вадим Загладин и другие работали в Центральном Комитете, в его международном отделе, мы очень часто и много общались со своими коллегами из центральных комитетов восточно-европейских стран. Мы дружили с ними, были очень откровенны, говорили о таких вещах и так, что если бы

наше начальство знало, нам бы не поздоровилось. И мы заметили, давно заметили, что, да, они - члены своих партий, они дисциплинированные, идеологизированные (одни больше, другие меньше дисциплинированы, немцы от венгров, например, очень сильно отличались в этом смысле), тем не менее, главным компонентом в их рассуждениях о будущем своих стран всегда был национальный компонент. Мы чувствовали, что эти люди, даже верные марксисты-ленинцы и верные члены партии, понимали, что в конце концов, ситуация, когда они, не произнося этого слова, остаются сателлитами, не может долго сохраниться.

Если в аппарате партии, в элите партии такие настроения были, то можете себе представить (мы это понимали), что происходило среди интеллигенции, в рабочих слоях.

Второй момент. Экономическое развитие. Оно не удовлетворяло. Я вспоминаю Пленум ЦК 75-го года, где выступал секретарь ЦК Катусhev, тогда отвечавший за курирование восточно-европейских стран. Он дал совершенно убийственную картину экономической ситуации в странах Варшавского Договора и экономических отношений между ними и Советским Союзом. Это 75-й год, это за 10 лет до начала перестройки. Я хочу сказать, что нашему руководству хорошо были известны настроения в странах Восточной Европы. Другое дело, конечно, что при Брежневe, при Андропове представить себе не мог никто, чтобы мы отказались от своего имперского принципа, чтобы мы отказались от Содружества Социалистических Государств и распустили бы эту систему. Но пошел процесс демократизации, началась перестройка.

Михаил Сергеевич был в руководстве партии не с 85-го года, а за семь лет до этого, и он знал все эти обстоятельства. Поэтому при первой же встрече с лидерами восточных государств во время похорон Черненко он им сказал: отныне вы самостоятельные, вы отвечаете перед своими партиями, перед своими народами и не бегайте в Москву за советами. Я не буду давать эти советы – и он четко и последовательно всегда держался этой линии. Осенью 1985-го года произошла официальная встреча руководителей восточно-европейских стран, наших союзников. На ней эта тема была четко зафиксирована Горбачевым. Он исходил из того, что если они хотят нормально жить и развиваться, то должны опираться на собственные силы - да, конечно, при сохранении союзнических отношений. Он по существу дал им понять, что понимает их национальные потребности, и пусть они сами отвечают за все, что у них происходит. Так что эта фраза (что «поднадоели друг другу») появилась не случайно.

Вы говорите, что руководство – одно, а народ – другое, но мы знали и настроение в народе, знали уровень авторитета руководителей восточно-европейских стран, видели, что многие совершенно не адекватны своей должности, что народ их не принимает. Михаил Сергеевич остро чувствовал это, когда бывал в Чехословакии, в Венгрии, в Польше, тем более в Германии. В качестве своих собственных наблюдений я хочу вам об этом сообщить.

Горбачев М.С.

Главное, вообще говоря, происходило здесь, в Москве, от этого зависело все остальное. К тому времени, когда новое руководство СССР оказалось после смерти Черненко у власти, накопилась уйма проблем в развитии нашего Содружества. Во-первых, оно пользовалось возможностями Советского Союза получать дешевую и стабильную энергию, энергетические ресурсы. Это для каждой страны имело решающее значение. Но что касается новых технологий, то страны Содружества искали их на всех направлениях. Болгары решили делать «болгарское чудо» по примеру Японии, и одна за другой туда ездили делегации. Другие – в других направлениях. Короче говоря, Советский Союз, как центр этого объединения, технологически не устраивал своих союзников. Именно технологически, потому что в научном плане мы не только для них были на высоком уровне, – но даже и Америка обращалась к нашим достижениям в науке, и сэкономила миллиарды, пользуясь нашими «мозгами», добывая их известным путем. Но, повторяю, – что касается братских стран – технологически мы их не обеспечивали, хотя должны были

делиться с ними. Соглашение о сотрудничестве и интеграции в рамках СЭВ существовало, но оно осталось мертвым. Получалось, что отсюда (из Центра) на «социалистическую периферию» не поступало то, чего там от нас ждали.

Мы подсчитали (тогда по заданию Политбюро была проведена такая работа и появилась книжечка на руках у всех, у меня она и сейчас есть) – сколько же получают от нас валютных товаров страны СЭВ и сколько мы от них. Оказалось, что мы отправляем на 17 миллиардов, а получаем 3,5-4 миллиарда. Здесь у нас тоже возникли вопросы – ведь это огромные ресурсы, которые можно было повернуть на пользу нашему народу. Ясно, что это выросло из той ситуации, из того противоборства, в рамках которого развивалась вся вторая половина XX столетия. Поэтому ко времени, о котором мы рассуждаем, произошло очень много такого, что надо было осмысливать.

Я друзьям сказал: у нас с вами записано во всех документах, что каждая из наших стран независимая, вот отныне мы и будем строго придерживаться этого принципа. Исключено повторение того, что было в предшествующие годы, особенно чего-то подобного событиям в Чехословакии. Между прочим, можно было (это не венгерские события 56-го года, хотя и там все было очень сложно, двумя фразами не осветишь) отнестись с пониманием к инициативам и идеям Пражской весны. Ведь главная идея там была – социализм с человеческим лицом: человек свободен, а значит, имеет право на политическую, духовную и частную инициативу и т.д. Вот, собственно, в чем замысел был.

Между прочим, когда один из инициаторов и руководителей Пражской весны Зденек Млынарж вернулся из изгнания, сохранив свои прежние позиции, но его новые демократы не приняли, отвергли. Это было для него настоящей драмой. Самый активный деятель того времени, как говорят, правая рука Дубчека, принимавший самое активное участие в формулировании политики и прочее, оказался не нужен. И то, что он создавал, и партия его потерпели поражение, а потом встретили полное отторжение. Задним числом, к сожалению, но мы можем признать, что в Чехословакии рождалась новая идея, которая открывала возможность для движения вперед. Мы задушили ее. Кстати, Брежнев очень долго раздумывал и колебался. Надо отдать ему должное. Но были яростные сторонники интервенции, в том числе среди руководителей братских стран. Акция осуществилась, и пошла политическая реакция по всему Содружеству, в том числе и у нас. Это я хорошо знаю по своей деятельности секретарем крайкома партии, помню, как у нас проходили судилища, как избивали тех, кто выступил с осуждением того способа решения проблемы, какой был избран руководством КПСС. Потом мне пришлось извиняться перед людьми. Я об этом говорил публично и написал в книге, это лежало на моей совести.

В 1969-м году мы с Егором Кузьмичом Лигачевым ездили в Чехословакию. Целых десять дней колесили по стране. Среди многих встреч мне запомнилось посещение в Брно крупного завода, на территорию которого за год до этого напрямую были введены наши войска, так как рабочие протестовали против интервенции. Мы встречались там и с членами партийного комитета, с другими лицами. Главное, что мне запомнилось: когда мы пошли по заводу, чтобы в цехах поговорить, мы оказались как в мебельном магазине: мебель стоит, и ты ее рассматриваешь и больше ничего. Мы шли по заводу, а к нам люди спиной поворачивались, никто не хотел разговаривать с нашей делегацией. Пережить такое нормальному человеку, который, в общем-то, не безразличен ко всему этому, не просто... В Словакии нас вообще проигнорировали. И нашелся только знакомый Петровичева (зам.зав.Орготделом), который на второй день все-таки приехал к нам. А так сидим в гостинице - и никаких контактов, никто не хочет с нами общаться.

Единственно хорошая встреча была с крестьянами, там душу отвели. Крестьяне держались с нами нормально, хорошо с ними выпили, вспоминали про 1945 год, песни пели... Но на политическом уровне, среди рабочих, интеллигенции – острейшее отторжение и обида за то, что унизили. Если ты все это пережил и был участником всех этих событий, это остается в душе. И когда, будучи Генсеком, мне пришлось говорить о

том, как будем вести дела дальше, тогда и было сказано, что каждая партия отвечает за все перед своим народом. Да, подтверждаем свои обязательства, будем их выполнять. И, кстати, выполняли. Другие бы не делали этого в подобных случаях. В самые острые периоды, когда ситуация то в Польше обострялась, то еще где-то, мы выполняли свои обязательства. И я считаю, мы правильно поступали. Но попытки нас втянуть в рассмотрение внутренних вопросов мы отводили. По международным вопросам мы с ними консультировались на всех уровнях – аппарата, министров, министерства обороны, других ведомств. Это были консультации, мы действовали согласованно, договаривались всегда по общим для всех вопросам.

Трудно было с Николае Чаушеску. На многосторонних встречах все всегда знали, что в перерыве Горбачев обнимет Чаушеску, уйдут они на час, вернутся и скажут: «договорились о том-то». Так все шло. И никакого насилия, никакого давления. «Давили» на аргументы. Когда начались там известные процессы, Кадар приезжал в Москву посоветоваться по кадровым вопросам. Мы ему сказали: мы вас уважаем, знаем ваши заслуги, все то, что вы пережили, страдая за социализм, доверяем вам, и вы сами решайте. Я думаю, что мы поступали правильно. Дав своему народу право выбора, впервые за тысячу лет, в том числе право выбирать людей, которые должны управлять страной, выбирать строй, открыв такую возможность у себя, мы не могли занимать другую позицию по отношению к союзникам. Поэтому, когда демагоги кричат, адресуясь персонально ко мне: «отдал Восточную Европу», «продал ГДР», «почему не вмешался», все это – ерунда. Все это несерьезно и идет или от незнания, или от большой самоуверенности, особенно когда перед тобой молодой человек, вроде свежая молодая голова, надежды подает, но уж встал на позицию «мне все ясно».

Однако не хочется реагировать на это в режиме «молота и наковальни». Опять я возвращаюсь к тому, что мы породили свободу слова, гласность, право на свободное изложение своих мыслей. И пусть люди говорят, что думают. Мы остались верны этим принципам. И говорили «друзьям»: перестройка нужна нам, Советской стране, никому ее не навязываем. Живков мне в ответ: «Мы свою перестройку сделали в 56-м году». Хонеккер сказал: «17 лет назад мы сделали свою перестройку». Чаушеску заявил: «У нас вопрос решен о демократии, у нас простой народ принимает решение, мы проводим собрания рабочих». И так далее. Я им говорю: «Ваше дело так считать». Но потом, когда перестройка начала работать всерьез у нас, когда начались у нас демократические процессы, Чаушеску, например, вообще больше десяти строк не опубликовал за все годы о том, как и что мы делаем. Вы знаете, что происходило с нашими газетами и журналами в ГДР, мой доклад на Пленуме (январском) 87-го года не публиковался. Прежде чем опубликовать доклад в Болгарии, три раза собиралось Политбюро БКП. Да, не просто все это было, но мы до конца вели себя порядочно и проявили уважение к «друзьям».

Не просто у них идут дела и сейчас. Я только что был в Болгарии, давал там два интервью на всю страну (в одном случае слушали три с половиной миллиона, в другом – четыре миллиона), отвечал на любые вопросы. Встречался с внучкой Живкова. Все сказал людям, как есть и как было. Это было для них потрясением. Мифы–то ведь навязаны везде, они не только у нас гуляют. И, надо сказать, много мифов навязано там визитерами из России.

(Обращается к чешскому профессору, который сидит в зале). Я в контакте с вашим премьер-министром, скоро опять буду у вас, мы договорились встретиться. В контакте я с поляками – с Михником, с Ярузельским, весь спектр политиков стараюсь охватить. И с «Восточными» немцами очень много контактов. То же и с венграми. Кстати, Кадар сказал однажды по телефону: «Большой друг! Советский Союз – большой друг, очень большой». И этим все было сказано. Он умел двумя словами определять суть. Тяжело шло развитие стран – наших союзников. (И никто, между прочим, не отказывался брать деньги, заявляя о союзнических отношениях и т.п.). К перестроечному времени это уже были организмы, тоже нуждавшиеся в перестройке. Главное – надо было начинать с того, чтобы дать

людям самим определиться в отношении власти, в вопросе о системе, по всему комплексу вопросов.

«Бархатные революции» прошли действительно бархатно. Страны, где они произошли, находят свой путь реформирования, модернизации. Я думаю, что отдать надо должное руководству Советского Союза, которое тогда избрало именно такой, а не иной подход к своим союзникам и соседям. И никакой иной! Я убежден в этом и остаюсь на этой позиции.

А сейчас уже многие там говорят, что поискали, мол, счастья на Западе. И надо возвращаться, пока еще сохранились реальные связи, еще помнят о многом хорошем и политики, и бизнесмены, и простые люди, интеллигенция. Это я от болгар слышал, от венгров слышал, хотя у них лучше рыночная ситуация и связи с Западом. Немцы сегодня – и прежняя правящая коалиция в ФРГ, и нынешняя, и та, какая будет, – они все за то, чтобы использовать потенциал Восточной Германии для развития связей с Россией.

Речь не идет о том, что мы какую-то «империю» должны восстанавливать. Речь идет о том, чтобы использовать тот капитал, который накопился за многие годы. Это же потрясающая глупость – все закрыть, от всего отказаться. В СНГ мы тоже ничего не делали, чтобы сохранить наш рынок, все в хаосе. И только сейчас, при Путине начинаются какие-то разумные действия на этом направлении.

Наверное, нас ждут новые времена, новые отношения и новые формы сотрудничества. Это надо всячески приветствовать, на Западе для стран бывшего Варшавского Договора большого рынка нет. Там есть рынок только для предприятий, которые оказались уже в западной собственности. Их купили полностью или взяли под контроль, модернизировали и продукцию продают и для этих стран, и чуть за пределы. Но большого рынка там нет. Поэтому остаются огромные возможности для сотрудничества с Россией.

Весь этот процесс, конечно, сложный. И тот, кто пытается его упрощать, не прав.

Опять едут на курорты в страны Восточной Европы, едут в Болгарию. В прошлом году там было 270 тысяч россиян. Правда, когда шенгенские визы введут, будем расхлебывать последствия. Но разговор с президентом Болгарии показал, что он очень глубоко этим занимается. Я выдвигаю сейчас идею о важности продолжать сотрудничество со странами Восточной Европы. Мы ведь европейцы не только географически, не только культурно, а теперь и политически. И вообще говоря – от России многое зависит. Руководители Западной Европы, руководители стран ЕС практически одного мнения, что без участия России, тем более против России, не состоится будущее Объединенной Европы. Правда при этом всегда добавляется (и правильно), что остаются и должны быть нормальными, естественными, взаимовыгодными отношения между европейцами и Америкой. Кстати, сейчас именно на этом направлении (ЕС – Америка) кипят большие страсти. Новый Договор, еще один Договор о сотрудничестве ЕС и России мало что даст. Первый Договор долго сочиняли, три года ратифицировали, и он закончился, почти ничего не дав. Впрочем, может быть, пригодятся какие-нибудь наработки по формулировкам этого Договора, например, на тему партнерства. Партнерские отношения, действительно, должны быть.

Я предлагаю и везде говорю, бывая за границей, везде – в парламентах, в прессе, перед широкими, очень широкими аудиториями, что нужно дать России статус ассоциированного членства в ЕС. Думаю, что полными членами мы вряд ли когда сможем стать. Несварение желудка будет у ЕС. Это абсолютно точно. Но ЕС заинтересовано в сотрудничестве с Россией еще потому, что она через такое более активное сотрудничество, как бы потянет за собой своих естественных партнеров, соседей в Азии, где мы тоже ищем более активные формы сотрудничества. Поэтому через Россию образуется для ЕС выход на большие поля экономической взаимозависимости. Но чтобы играть эту роль, Россия должна чувствовать себя уверенно. Кроме того, ассоциированное членство снимало бы и вопрос о шенгенских правилах.

По-моему, мы вступаем в новый этап. Я с пониманием отношусь к нашему президенту, он занял позицию, держит ее твердо, несмотря на то, что много нашлось критиков его курса по наращиванию сотрудничества с ЕС, с Западной Европой, с американцами. Я думаю, его позиция вписывается в те процессы, которые происходят в Европе и в мире. Такова судьба ведущих – они должны быть чуть-чуть впереди. Далеко отрываться нельзя, а уж если оказался позади – тогда нужно просто уходить с работы.

Борко Ю.А.

Концепции нового политического мышления и Общеввропейского дома имеют непреходящее значение. Я полагаю, что этот курс и сейчас лежит в основе всей нашей политики.

Тем не менее, проблема состоит в том, что между концепцией и практикой существует огромная разница, потому что практика определяется несколькими вещами – умением сочетать концепцию с практическими программами. Что у нас происходит с ЕС? - У нас с ними стратегическое партнерство. Теперь поговорите с практиками, двумя зам.министрами – с Максимом Медведковым, как зам.министра Грефа по торговым вопросам, по экономическим связям с ЕС и с Иваном Дмитриевичем Ивановым, бывшим зам.министра иностранных дел. Оба они с зубовным скрежетом говорят о своих партнерах по Европейскому Союзу, потому что более жесткого неуступчивого переговорщика, чем ЕС, чем брюссельские чиновники, не найти в мире. Это не только наше впечатление. Это – реальность. И это определяется несколькими обстоятельствами.

По сей день, при всех разговорах о стратегическом партнерстве степень недоверия Запада к России еще очень велика. Это ощущается постоянно, во многих ситуациях. То, что мы встаем на путь определенной социально-политической стабилизации - худобно, не быстро, но все-таки встаем - повышает рейтинг доверия к нам. Но доверие зарабатывают годами и десятилетиями.

Суть нашей политики должна заключаться в том, чтобы продолжать линию нового политического мышления, но быть неуступчивыми в практических вопросах, когда это нужно. Мы должны продолжать движение к Общеввропейскому дому, но оно должно подкрепляться хорошо рассчитанными практическими шагами, последовательным развитием экономических и политических реформ.

Медведев В.А.

В годы перестройки в составе партийного руководства мне привелось заниматься разными вопросами: экономикой (по своей профессии), идеологической сферой. В качестве секретаря ЦК КПСС по взаимоотношениям с социалистическими странами я принимал непосредственное участие и в международной деятельности. Естественно, не был в стороне и от выработки и обсуждения общих подходов, новой системы приоритетов и ценностей внешней политики страны.

Хотелось бы прежде всего подчеркнуть, что новое мышление родилось не вдруг, как внезапное озарение. В кругах интеллектуальной элиты страны зрели настроения в пользу перемен. Более того, они вылились и в несколько очень важных актов в области внешней политики – таких, как первые шаги в ограничении стратегических вооружений, как хельсинкский акт и некоторые другие. И всё же это была лишь корректировка традиционной внешней политики, которая не затрагивала ее глубоких основ, вытекающих из противостояния двух блоков и двух мировых систем. Идеологические догмы прочно сидели в сознании партийно-государственного аппарата, партии, да и широких слоев населения.

Март 85-го года открыл шлагбаум для проявления новых идей, но путь им предстояло пройти непростой – полный преград и препятствий. В этой связи я хотел бы напомнить о том, что одной из первых кадровых перемен, которые произошли вначале перестройки, было перемещение Андрея Андреевича Громыко на пост Председателя

Президиума Верховного Совета СССР. В дальнейшем этот шаг многими комментировался в том духе, что это была плата Громыко за его активную позицию на мартовском Пленуме при выдвижении Горбачева на пост Генерального секретаря.

Не буду спорить против этого, но (субъективно или объективно) этот шаг решал и другую задачу: он создал предпосылки для коренных перемен во внешней политике. Вряд ли Андрей Андреевич стал бы сопротивляться проведению новых идей, но и инициатором их он быть не мог. Это был человек другой эпохи, носитель другой идеологии, другой внешнеполитической стратегии. В период Брежнева он полностью находилась в его руках. Это была одна из главных опор брежневского режима – наряду с Минобороны и ВПК во главе с Устиновым, и КГБ во главе с Андроповым. Туда никто не имел права вторгаться, кроме самого генерального секретаря, – ни правительство, ни секретари и отделы ЦК.

Откровенно говоря, у меня в ту пору сложилось представление, что Андрей Андреевич, заняв высший государственной власти, рассчитывал не выпускать из своих рук и внешнеполитическую деятельность, продолжать её курирование с учетом того, что ни генсек, ни новый руководитель МИДа не обладают опытом дипломатической деятельности. Но это оказалось иллюзией. Внешнеполитическая сфера с самого начала была твердо взята в руки Генерального секретаря. В этом сыграло свою роль и неожиданное для всех назначение Шеварднадзе руководителем МИДа.

Я не могу не сказать и о том, что сам Горбачев (Михаил Сергеевич может поправить меня, если я ошибаюсь) и все те, кто его окружали и вместе с ним искали новые подходы, в том числе к проблемам международных отношений, не были тогда свободны от старых идеологических догм и представлений.

Я хорошо помню, как рождались и горячо обсуждались идеи, которые легли в основу нового политического мышления: о целостности мира и взаимозависимости стран, о приоритете общечеловеческих ценностей, о деидеологизации межгосударственных отношений и переводе их на почву национальных интересов страны с учетом национальных интересов других стран, о нахождении необходимых и возможных соглашений на этой основе. Спорили до хрипоты, до тех пор, пока Михаил Сергеевич не напоминал, кто здесь решает вопрос, и не вносил окончательный вердикт по основным выводам.

Так, шаг за шагом формировалось новое политическое мышление. На этой основе началась выработка конкретных внешнеполитических инициатив и решений. Это – и заявление Генерального секретаря в январе 86-го года, содержащее программу и страстный призыв к ядерному разоружению и движению к безъядерному миру. Это – и придание мощного импульса советско-американскому диалогу, который положил начало реальному сокращению ракетно-ядерного оружия, освобождению Европы от ракет средней и меньшей дальности. Это – и отказ от доктрины Брежнева в отношениях с социалистическими странами. Это – и решение о прекращении афганской авантюры. Это – и нормализация отношений с Китаем. Это – и поворот нашей политики на Корейском полуострове, связанный с признанием Республики Корея. Это – и изменение отношения к странам «третьего мира», прекращение рассматривать их, как разменную монету в борьбе двух блоков и двух систем. Это и курс на преодоление локальных конфликтов и т.д.

Новое политическое мышление, мне думается, сложилось в основных своих чертах к 89-90-му году. Но именно в это время начинаются критические налеты на политику Горбачева не только по внутренним аспектам перестройки, но и по внешнеполитическим проблемам. Они шли как со стороны радикально-либеральной оппозиции, так и особенно со стороны коммунистического фундаментализма. Первое время на Горбачева, наверное, не все решались поднимать голос, и основные удары пришлось по Шеварднадзе. Он начал очень сильно нервничать. Но одновременно, это, дало повод для того, чтобы Эдуард Амвросиевич стал представлять, что он – чуть ли не главный архитектор советской внешней политики и ревниво воспринимать любые, не исходящие от него внешнеполитические шаги, будь то Ближний Восток или восстановление

дипломатических отношений с Южной Кореей. Отсюда его срыв и скандальное заявление об отставке прямо на заседании Верховного Совета.

Сегодня в нашей дискуссии поднимался вопрос о судьбе Варшавского Договора. Сама постановка вопроса «не поспешили ли мы с его роспуском» - странная. Ведь это произошло после того, как совершились «бархатные революции» в странах Восточной Европы (правда, не везде они были «бархатными»). Пакт вообще уже превратился в нечто такое, что не только не играло никакой положительной роли, но и служило источником раздражения у наших соседей.

Судьба горбачевского внешнеполитического наследия неоднозначна. Несмотря на все стремление ельцинской администрации противопоставить себя перестройке и Горбачеву, игнорировать новое политическое мышление было невозможно. Сохранилась приверженность России линии на ядерное разоружение и налаживание нормальных отношений с западными государствами, которые стали очень часто, к месту и не к месту, обозначаться «партнерскими». Несмотря на все усилия, в 90-е годы не удалось выстроить и альтернативную линию внешней политики, если не считать так называемой козырьщины – попыток приспособления к политике сильных мира сего и, прежде всего США, воскресить идеологизацию внешней политики, но с обратным знаком. Это привело к крупным просчётам и ошибкам во взаимоотношениях со странами СНГ, Центральной и Юго-Восточной Европы и в других регионах мира.

У меня, я думаю и у многих, вызывает чувство глубокой горечи ослабление позиций России в мире в 90-е годы, действительности ее внешней политики, неспособность оказать существенное влияние на многие процессы на международной арене, неоднократные факты унижения национального достоинства страны.

Конечно, общий фон, как здесь уже подчеркивалось, возник в результате распада Советского Союза. Посмотрите на карту. Раньше контуры Советского Союза были одним из национальных символов, а теперь географический силуэт России очень редко удается видеть, да и смотреть на него не очень-то приятно. Россия отодвинута с Запада на Восток, с Юга на Север. На Западе остался только Калининградский анклав с абсолютно неясной и, по всей видимости, с очень трудной судьбой, на Юге – Северо-Кавказский и Прикаспийский протуберанец, соединенный с основным российским массивом 400-километровым перешейком между Луганской областью Украины и Западным Казахстаном. И этот анклав тоже находится далеко не в благополучном состоянии. Россия никогда не знала таких границ, это вообще вопрос очень сложный с точки зрения исторической перспективы.

Считаю, что нынешняя, послеельцинская администрация более активно и последовательно следует исходным положениям, которые лежали в истоках нового политического мышления и внешнеполитического курса перестройки, поправляет ошибки во внешней политике, допущенные в 90-е годы, исходя из национальных интересов России. Это относится и к сотрудничеству с Западом, и к шагам, предпринятым по совместной борьбе с международным терроризмом. Это относится и к нашей политике в отношении ближайших соседей в Центральной и Юго-Восточной Европе, на Корейском полуострове, на Ближнем и Среднем Востоке и, конечно же, к взаимоотношениям с новыми государствами, возникшими на территории Советского Союза.

В заключение хочу высказать уверенность в том, что воздействие горбачевского нового мышления и его идей на российскую внешнюю политику будут усиливаться, и наша внешняя политика от этого только выиграет.

Загладин В.В.

Перестройка во внутренней и во внешней политике началась в момент, когда назрели преобразования не только у нас в стране, но и в мире. Мировая система созрела для того, чтобы быть преобразованной, потому что конфронтация подвела к рубежу, когда

дальше уже могла произойти катастрофа. Перестройка началась сознательно, с учётом прежде всего внутренних, но одновременно, и внешних обстоятельств.

Понимание её необходимости (Вадим Медведев прав) росло постепенно. Но уже в момент, когда произошла смена руководства, Горбачев со всей ясностью сказал о том, что надо обновлять политику (это было в ночь, когда умер Черненко, перед избранием Горбачева Генеральным секретарем), что необходимо обновление политики и внутренней, и внешней. А затем тут же публично было сказано, что преемственность в политике должна быть, и мы будем выполнять решения предыдущих съездов и пленумов ЦК.

Казалось бы, это было очень большим противоречием или даже лицемерием. Нет, это не было лицемерием, это было результатом того, что Михаил Сергеевич прекрасно понимал – невозможно сразу совершить крупный поворот. Да и не всё еще было ясно – как, какой поворот осуществлять. А если осуществлять, то надо убедить людей в его необходимости, убедить даже ближайшее окружение Генерального секретаря, которое во многом еще придерживалось старых взглядов, старых подходов. Надо было это делать постепенно. И тут очень важную роль сыграло толкование преемственности, которое предложил Горбачев. Он сказал тогда, что преемственность органично включает в себя обновление, что одно без другого невозможно. И обновление началось.

Еще я хочу подчеркнуть, что обновление в области внешней политики началось и развивалось гораздо быстрее, чем в области политики внутренней. Фактически именно в области внешней политики сразу начались крутые повороты. Если взять интервью Михаила Сергеевича «Правде», которое было опубликовано 8 апреля 1985 года, - это сразу поворотный документ, в нём было сказано о том, что мы прекращаем дальнейшее размещение наших ракет и готовы к переговорам с конструктивными результатами. И сказано было о том, что мы должны идти вперед именно по такому пути.

Потом в книге «Перестройка» Михаил Сергеевич писал о том, что смена внутреннего курса неизбежно влечет за собой и смену курса внешнеполитического. Для того, чтобы эта смена произошла, нужен был новый взгляд на мир. Потому что исходить из старого взгляда на мир, значило бы продолжать старую политику.

Вадим Медведев говорил о том, как развивалось новое мышление, не буду его повторять. Но что важно подчеркнуть в этой связи? Что сами задачи внешней политики были сформулированы иначе. Внешне очень похоже на то, что было и до 1985 года: эти задачи – мир, содействие внутреннему развитию государства. Но подход к ним был совершенно иной.

Роль и место страны, роль и место Советского Союза – эта тема впрямую никогда не ставилась, но фактически проходила через очень многие выступления Михаила Сергеевича. Их смысл сводился к тому, что, да, Советский Союз – это, безусловно, великая держава. Но великая держава без имперских претензий и без мессианизма. С этим тесно связана была и постановка вопроса о том, что каждый народ обладает свободой выбора. Мы сами обладаем такой свободой, но и все другие обладают такой свободой выбора, а потом было добавлено «и свободой изменения выбора».

Этот подход к определению места страны в мире, как великой державы, но державы не имперской, не мессианской, сразу дал возможность перейти к следующему тезису, который заключался в том, что внешняя политика страны, исходя из этого, должна строиться, безусловно, из ее национальных интересов, но одновременно и с учетом интересов всего мира и всех других стран.

Надо сказать, что эта идея появилась у Михаила Сергеевича уже в 1985 году в мае месяце, когда, выступая в связи с 40-летием победы, он сказал: «Наша задача - поиск оптимального соотношения интересов национальных, государственных с интересами общечеловеческими». Это вызвало тогда (я хорошо это помню) большие споры – какие там еще общечеловеческие, что это еще за выдумка, классовые интересы должны быть впереди. Но именно это единство наших национальных интересов, государственных и общечеловеческих и стало ключом к политике Горбачева и к успеху этой политики.

Из этой постановки вопроса вытекали новые подходы к вопросу об отношениях с социалистическими государствами, с социалистическим содружеством, о чем здесь уже говорилось. Отсюда поворот и в отношении к мирному сосуществованию. Внешне и тут тоже полная преемственность. И раньше мы говорили о мирном сосуществовании, и сейчас говорим о мирном сосуществовании, но само толкование этого понятия и его наполнение реальной жизнью оказалось совершенно другим.

«Нельзя смотреть на мир только через призму борьбы двух систем». Это был ключевой тезис, который в 1987 году был произнесен, но фактически был руководством к действию уже и раньше. Отсюда и новый подход к мирному сосуществованию – не конфронтация, не вооруженное соревнование.

Во-первых, мирное сосуществование, именно мирное сожительство - это объективная необходимость. Альтернатива этому – катастрофа.

Во-вторых, мирное сосуществование – это тенденция развития, обусловленная взаимозависимостью, взаимосвязанностью мира, и это игнорировать невозможно.

И, наконец, в-третьих, - это уже тезис, который развивался в выступлении Горбачева в ООН, - мирное сосуществование – это фактически проект всемирного сотрудничества. Мы обречены на партнерство, говорил Михаил Сергеевич, начиная с безопасности и кончая проблемами развития человеческого сообщества в целом.

Выступление в ООН и последующие выступления - это была сущностная эволюция идеи мирного сосуществования. Это было предложение проекта сотворчества, соразвития, основного проекта для тогдашнего и тем более для нашего времени.

С этим связано было и введение определенных новшеств в методологию политики и ее осуществление. Если мы исходим из такого понимания мирного сосуществования, как проекта сотрудничества, партнерства, то тогда, безусловно, методы политики должны соответствовать этому. Если мы отвергаем военное соревнование, силовое соревнование - а новое мышление фактически было приговором силовой политике - то это значит, что наши методы должны быть политическими, переговорными, прежде всего, и они должны применяться и использоваться на основе учета интересов всех, интересов общечеловеческих и наших, на основе баланса различных интересов. А отсюда - переговоры должны быть направлены на достижение конкретных целей.

Проблема методов встала буквально в день избрания Михаила Сергеевича Генеральным секретарем, потому что на следующий день должны были начинаться очередные переговоры с американцами по ядерному оружию. Переговоры шли долго, но безрезультатно. Этот порочный круг следовало разорвать.

Это надо было как-то отразить в речи. Нужен был новый подход. И в речи появились очень спокойные слова о том, что необходим конструктивный результат, необходим курс на результативность переговоров. А значило это очень многое. Одно дело, когда ты ведешь переговоры ради переговоров, не надеясь на конкретный результат, и совсем другое дело, если ориентировка должна быть на достижение именно конкретного результата. Какой результат должен быть достигнут? Было ясно, что нужно прекратить гонку ядерного оружия, прекратить конфронтацию. Добиваться достижения именно этих целей. А для того, чтобы добиваться этих целей, нужно слушать другую сторону, принимать во внимание ее аргументы.

И, выступая в Министерстве иностранных дел в 86-м году (по-моему, в мае), Михаил Сергеевич как раз говорил о том, что мы не должны более вести политику «мистера нет». Мы не должны создавать тупиков в переговорах, должны пытаться развязывать эти тупики. Это была очень важная постановка вопроса. А что значит развязывать тупики? Значит, находить какие-то взаимоприемлемые решения, достигать компромиссов. Каковы направления или пределы этих компромиссов?

Предел компромисса простой – достижение целей, которые поставлены. Если цель заключается, скажем, в том, чтобы ликвидировать, убрать угрозу со стороны американских ракет средней дальности в Европе, то значит надо делать все, чтобы этого

добиться, и идти на те уступки, которые для этого необходимы. Так и было сделано, и, в конце концов, цель была достигнута.

Мера уступок. Мера уступок и определяется поставленной целью. Цель была действительно великой, и ради этого пришлось идти на уступки, которые были сделаны, в том числе, пришлось кроме уничтожения ракет среднего радиуса действия, согласиться уничтожить и ракеты меньшего радиуса действия.

По сути дела, мне кажется, что теория, методология и практика политики нового мышления, политики Горбачева, стали реальной альтернативой проводившейся до того времени во всем мире политике конфронтации. Курсу, который по существу, даже если стороны не хотели этого, мог подвести к военному столкновению и к катастрофе. Эта теория, методология и практика политики отвечали реальностям нового мира, который возникал. Эти реальности не были замечены вовремя, но с перестройкой их начали замечать. Перестройка взяла курс именно на этот новый мир, который должен быть создан. Такой курс, совершенно очевидно, актуален и сегодня.

Критики политики Горбачева было много. И были, конечно, моменты, которые могли подвергаться критике. Не бывает так, чтобы все было абсолютно идеально. Но основная критика, которая была раньше и которая сейчас существует, безосновательна. Возьмите любые материалы, почти любые статьи и книги, посвященные тому периоду, и вы найдете там массу критики. Но когда читаешь ее как человек, который в то время жил и работал, немножко смешно становится. Потому что, с одной стороны, люди (многие из тех, которые пишут сегодня) не понимают и не знают ситуации, которая тогда была, не ощущают напряженности политической борьбы, которая тогда шла, прессинга времени - например, в германском вопросе. Тогда просто физически не было времени. Процесс воссоединения Германии пошел. Немцы сами его начали. Что делать? Ответ должен быть дан немедленно.

Другая сторона, определенная группа людей и тогда, и сейчас просто-напросто отторгает те позиции, ту политику, которая проводилась перестройкой. Они до сих пор ориентируются на старые взгляды - взгляды, которые не дали ничего хорошего ни стране, ни миру ни во внешней политике ни во внутренней. И, к сожалению, эти старые взгляды существуют и сегодня. Больше того, критика политики, которую проводит сегодняшнее российское руководство, очень напоминает ту старую критику Горбачева. Во многих случаях повторяются те же самые повороты мыслей, те же самые штампы полемического характера, которые употреблялись тогда. В одном случае призывают Россию быть великодержавной страной, имперской. В другом случае предлагают давать силовой ответ на любые действия, которые предпринимаются другой стороной, призывают не учитывать интересы другой стороны. Все, что оттуда исходит, все неправильно, все плохо и все надо отвергнуть. На все дать ответ - лучше всего силовой.

По существу внешняя политика президента Путина подвергается такой же критике, как и в свое время политика Горбачева. Но здесь надо сказать следующее. Политика того периода отразила потребность нашей страны в переменах внутри и вовне, отразила потребность всего мира в переменах самого климата в международных отношениях, в подходах к международным отношениям. Эта политика показала ориентиры нового в международных отношениях, показала, что может и должно быть достигнуто. И, мне кажется, что модель мировой, международной политики, которая была предложена в годы перестройки, продолжает оставаться актуальной и сегодня. И не случайно, что на Западе многие начинают обращаться к тому периоду и к его опыту. У нас тоже, но еще, пожалуй, недостаточно. Нужно, конечно, и продолжение размышлений на эти темы, и продолжение анализа сегодняшней ситуации, которая, безусловно, вносит много нового. Однако основные идеи, которые были сформулированы тогда, остаются актуальными и нужными сегодня.

Славин Б.Ф.

В докладе А.С.Черняева была произнесено, что суть нового мышления состоит в отказе от ядерной войны как средства международной политики. В этой связи я ставлю вопрос: насколько этот тезис сегодня принимается государствами? Сегодня мы слышим очень много разговоров о том, что во имя демократических ценностей можно начать ядерную войну или, например, ядерную бомбежку Ирака. Вообще, можно ли начинать ядерную войну во имя защиты демократических ценностей, насколько сама идея демократии соответствует такой постановке вопроса? Не происходит ли здесь идеологизация наоборот, как об этом говорил Вадим Андреевич Медведев?

Я в свое время защищал кандидатскую диссертацию по проблемам войны и мира и делал вывод о том, что формула Клаузевица в отношении мировой ядерной войны не работает. Это было в 70-м году, тогда еще политическое руководство не осознавало в полной мере то, что нельзя использовать ядерную войну как средство решения международных споров. Эта проблема исторически очень интересна. В Программе КПСС со времен Хрущева существовало определенное противоречие между тем, что СССР борется за мир, с одной стороны, а с другой стороны – считает, что, если ядерная война будет развязана, империализм в ней погибнет. Это противоречие носило существенный характер. Оно делило политическую элиту на два разных лагеря: ястребов и голубей. Первые считали приемлемой ядерную войну в качестве инструмента достижения политических целей, вторые – нет. И только новое мышление дало ответ на этот вопрос: ядерную войну нельзя использовать в качестве средства политики. Отсюда следовало, что ее тем более нельзя использовать в качестве средства классовой борьбы. Это была принципиальная новизна, против которой выступал ПУР и, в частности, Волкогонов, рецензировавший мою работу.

Данная проблема, мне кажется, актуальна до сих пор. Как мы относимся к войне вообще, и ядерной, прежде всего? Насколько я знаю, многие политологи Соединенных Штатов Америки до сих пор продолжают молиться на формулу Клаузевица, который считал, что война есть продолжение политики иными, а именно насильственными средствами. То есть американцы продолжают считать, что ограниченная ядерная война может служить неким политическим целям. В этой связи я еще раз ставлю вопрос: каково ваше отношение к данной проблеме? В прошлом ли эта проблема, или она продолжает быть актуальной до сих пор? Это первое, что я хотел сказать.

Второе - тоже методологическая проблема, к которой подошел в своей реплике наш чешский коллега. Напомню, что новое мышление началось все-таки по инициативе СССР, т.е. социалистической страны. Мы сейчас по-разному относимся к тому, был ли это подлинный социализм или нечто иное, но как бы это общество не называть, именно от него исходила инициатива о возможности достижения мира и исключении ядерной войны из приемлемых средств решения международных проблем.

Почему я это говорю? Михаил Сергеевич привел пример с Млынаржем: его – реформатора и деятеля Пражской весны – не хотела признавать новая либеральная власть. Но аналогичные вещи были и у нас. Например, историк Рой Медведев во время Перестройки считался социал-демократом и реформатором. Но после прихода к власти неолибералов его стали называть консерватором, красно-коричневым и т.п. Нечто подобное произошло и с Михаилом Сергеевичем, когда он вернулся из Фороса и стал говорить о продолжении Перестройки. Ему сказали, что он приехал в «другую страну» и речь о Перестройке уже не актуальна. В этой связи я ставлю еще один вопрос. Возможно ли было сохранить начатую Перестройкой эволюцию советской, во многом авторитарной модели социализма в сторону демократического социализма? Можно ли вообще создать «социализм с человеческим лицом»? Ведь советский социализм – это не только ГУЛАГ: от него исходят многие гуманистические и миролюбивые инициативы в международных отношениях.

Я поставил этот вопрос перед З.Бжезинским при обсуждении книги «Конец холодной войны», и он мне категорически ответил – «нет, это невозможно». То есть невозможно существование «социализма с человеческим лицом»: он обязательно должен быть с авторитарным или с тоталитарным лицом. Но тут получается любопытное противоречие: если невозможно обновление социализма, то зачем говорить о необходимости Перестройки? Если система «нереформируема», в принципе, значит, ее перестройка заранее обречена. Или все-таки советскую систему можно было реформировать, можно было придать ей демократический импульс и «человеческое измерение»? Я лично считаю, что такая возможность была, есть и будет. Нельзя заблокировать истории те или иные ходы. В истории многое и возможно, и необходимо. История совершается аналогично тому, как растет лес: многие ростки погибнут, прежде чем вырастет лес. Итак, если советский социализм был неформируем, то тогда зачем было начинать Перестройку? Я лично считаю, что ростки «демократического социализма» зарождались у нас и во время нэпа, и в годы хрущевской «оттепели», и во время Перестройки. Их можно увидеть во время Пражской весны в Чехословакии, в требованиях китайских студентов – демонстрантов на площади Тяньаньмынь в 80-е гг. и т.д. Об этом не говорят, но китайские студенты хотели не устранения социализма, а его сталинской версии, т.е. тоталитарной модели социализма.

Данный вопрос мне кажется чрезвычайно важным. Беседуя с Михаилом Сергеевичем, я задавал ему этот вопрос напрямую. Он мне отвечал, что пока этот вопрос остается «открытым».

С прекращением Перестройки и падением СССР в мире многое изменилось, причем не всегда в лучшую сторону. Одно дело, когда такая мощная сила в лице Советского Союза отстаивала мир, и другое дело, когда этой силы нет, в результате чего возможности предотвращения обычной и мировой ядерной войны резко уменьшились. Сегодня бороться за мир стало гораздо сложнее. О необходимости всеобщего мира почти не говорят. Движения «за мир во всем мире» отсутствуют, во всяком случае, их не слышно.

«Новое мышление», мне кажется, остается до сих пор перспективой далекого будущего. Мало того, «старое мышление» сегодня во многом возродилось и начинает доминировать в мире. Его проявление, например, я вижу, когда говорят, что во имя «демократических ценностей» следует, положим, бомбить Сербию или Ирак. Или во имя демократических ценностей, то есть «свободы» и «справедливости», применить ядерную бомбу. Насколько, вообще, эти и им подобные, на мой взгляд, каннибальские рассуждения реальны?

Черняев А.С.

Я имел в виду – и убежден в этом, – что ядерное оружие перестало быть орудием, инструментом мировой политики. Да, оно может быть инструментом внешней политики того или иного государства – Пакистана, Индии, даже Америки. Но как орудие развязывания мировой войны, как главный источник угрозы мировой войны, то есть как орудие мировой политики, оно перестало существовать. Вот, что я имел в виду. Не считите, что я занимаюсь схоластикой.

Теперь относительно вашего второго тезиса. Я больше согласен с Бжезинским. Тут есть сторона теоретическая, идеологически-теоретическая. И рассуждать можно, манипулируя понятиями. Однако была совершенно конкретная историческая ситуация – социализм был настолько замаран, настолько пронизан сталинизмом, что такой социализм, который мы имели тогда, реформировать, превращать в общество с человеческим лицом было невозможно. Здесь я, к сожалению, вынужден согласиться с Бжезинским.

Загладин В.В.

Я хотел бы добавить к этому. Мне кажется, что вопрос не в том. Исторически – да, такой вопрос стоит: мог быть реформирован, не мог быть реформирован социализм. Михаил Сергеевич говорил, что это открытый вопрос. Он действительно открытый. Но вопрос состоит по существу более широко.

Возможно ли построить общество социалистического типа при соблюдении свободы, справедливости, солидарности или нет. И проблема здесь не в свободе и не в солидарности. Проблема в другом – в экономической основе этого общества. До сих пор история не дала более эффективного инструмента, чем рынок, для развития экономики и поднятия жизненного уровня.

Главный вопрос состоит в том, можно ли добиться создания общества, где рынок сочетался бы со свободой, справедливостью и солидарностью. Пока проблема действительно открыта. Никто ее не решил. Попытались решить наши друзья-социалисты на Западе – и тоже ничего не получается. Упираются либо в ограничения рынка, который уже гипертрофирован сейчас, либо в то, что подавляется свобода. Это вопрос открытый, но он обязательно должен быть решен. Потому что иначе перспективу другую, чем нынешнюю, мы не найдем.

Горбачев М.С.

Я выступал на конгрессе Социнтерна, куда меня пригласил Вилли Брандт. Я там высказался в том смысле, что, история, в общем-то, не подтвердила революционное учение марксизма. И неизбежность гибели капитализма история тоже не подтвердила... пока не подтвердила и, по-моему, уже не подтвердит. Он адаптировался, цену люди платили большую, тем не менее он адаптировался, должен был усваивать и собственные уроки, и опыт того, что происходило в мировом историческом процессе. Это первое.

Второе. Моя точка зрения сегодня такова: вопрос о будущем общества надо решать, исходя не из альтернативы, дихотомии: капитализм-социализм. Я вижу, что будущее общество другим. Кстати, это заметно, и в Америке, – не зря президент там заговорил о третьем пути и начал встречаться с левоцентристскими лидерами Европы. Я думаю, что речь пойдет о чем-то совсем новом – я не знаю, как назвать это будущее общество, но, мне думается, что в нем реализуется великая идея Ленина: общество будущего впитает в себя и освоит все богатство, которое выработало человечество за тысячелетия своей истории, культурное, духовное, материальное...

В любом случае, уверен, что без ценности свободы, без идеи справедливости, присутствующей в политике и в жизни, без солидарности, без моральных ценностей - общество будет или тоталитарным, или авторитарным.

Я думаю, что к диким формам такого типа государств мир уже не вернется, они изжили себя. Но авторитарные формы правления еще могут появляться. Вообще говоря, когда мы ставим вопрос о свободном человеке, о свободном обществе, то имеем в виду, что, прежде всего, за человеком сохраняется главное – выбор. И он должен выбирать. Но из чего? Даже тогда, когда трудно обнаружить различия в программных документах разных партий, которые всегда будут соревноваться своими проектами, человек должен выбирать. А проекты программ будут отражать непрерывный процесс развития реальности. Всегда будет появляться необходимость корректировок, акцентов, баланса ценностных установок: то больше, например, нужно сделать упор на социальные программы, то на экологию, которая, волнует все общество, весь мир берет «в объятия».

Кто лучше сумеет выразить постоянно развивающиеся и возникающие вновь проблемы, отразить трудности и сложности реальной жизни, тот и будет получать большее доверие. Раз мы признаем плюрализм – политический, интеллектуальный, религиозный, – то общество должно иметь право выбора, и оно выбирает. И заранее сказать, что вот этот строй «самый хороший», будет, думаю, трудно, – вопрос всегда будет решаться в конкретном контексте. Из этого вытекает самый главный вывод:

будущее общество не может быть тем, что мы уже пережили - ни капиталистическим, ни социалистическим, особенно в том виде, в каком мы их знали.

Но при этом всякая борьба с принципами солидарности и справедливости обречена. Чтобы уничтожить идею и стремление к справедливости, надо уничтожить самого человека. Пока он существует, он будет стремиться к справедливости. И вся история - от Христа до наших дней - это стремление к справедливости. Интересно выразился Вилли Брандт - убежденный социал-демократ, один из главных инициаторов знаменитого конгресса Социнтерна, принявшем Гейдельбергскую программу, в которой социал-демократия отмежевалась от марксизма. Он сказал: я не считаю социал-демократом того, кто не выговаривает слово «социализм».

Похороны социализма – сколько их было в XX веке! – бесперспективны. Сейчас либералы считают, что они победили социализм. Когда я, Генсек и Президент, общался с лидерами Запада, они, наконец, признали, что Запад тоже должен меняться. Я им говорил: «Мы меняемся и вы должны меняться». Теперь же те, кто пришел им на смену, вдруг заявляют: а зачем нам меняться, мы победили!. И вновь начались геополитические игры, борьба за сферы влияния и т.д. Поэтому, мне кажется, в рассуждениях некоторых философов и политиков о смерти социализма мы имеем дело с попытками скрыть узкие интересы определенных влиятельных групп – не более того.

Но мы идем к свободному обществу, которое базируется на многих ценностях. Мы не можем, как это было в недавнем прошлом, замыкаться на суперидее. Люди разные, поэтому возникают партии, союзы, корпоративные организации. Разные люди, разные интересы, разные привязанности, разные установки - с этим мы реально имеем дело. Кто ожидал, что в России появится социал-демократия – несмотря ни на что, после того социализма, в котором мы жили? Мы сильно рисковали, создавая такую партию.

Я хочу сказать нашему чешскому другу, который настаивает на желательности социализма: да, мы тоже хотим социализма, но мы хотим, чтобы это было общество, в котором присутствовали бы и либеральные, и социалистические ценности. А это значит – справедливость и солидарность, христианские и демократические идеи и понятия. Ибо, если моральным считается только то, что работает на коммунизм, если весь опыт человеческий перечеркивается, и все общечеловеческое, включая совесть, превращается в мусор - ничего не получится. Мы идем к другому обществу. Я убежден в этом, и весь мой личный опыт подводит меня к такой мысли.

Строиллов П.В.

Мне очень нравится то, в какую сторону сейчас ушла дискуссия, поскольку я как раз собирался поднять эту тему. Каким образом повлияла внешняя политика Горбачева на судьбу социалистической идеи, социалистической философии, социалистических ценностей, если угодно, в мире? Ведь, казалось бы, все это должно было выглядеть совершенно иначе. Самые радикальные, самые последовательные социалисты получили в свое распоряжение огромную страну и в течении 70 лет пытались реализовать там свои идеи. У них ничего не получилось. И это должно было бы, наверное, стать крахом социалистической идеи.

Произошло все ровно наоборот. В последние десятилетие мы видим, как в большинстве западных стран идея «третьего пути», то есть несколько модифицированная социалистическая идея, торжествует, находится на подъеме. Основы этому, – к такому выводу я прихожу благодаря изучению документов архива Горбачев-Фонда, – были заложены как раз советской внешней политикой периода перестройки.

Сейчас строится Общеввропейский дом. Он строится по преимуществу именно социал-демократами. Можно сказать, история показала, что социал-демократическая модель более реалистична, чем коммунистическая.

В этом свете хотелось бы поговорить, о возможных альтернативах. Конечно, даже тогда уже было очевидно, что вопрос объединения Германии – это вопрос времени. Но вопрос времени тоже иногда бывает очень важен.

Альтернативой мне видится как раз такое воссоединение, которое произошло бы не на западных условиях, как это фактически случилось, а на таких условиях, которые традиционно выставлял Советский Союз, то есть нейтрализация, демилитаризация и, фактически, социализм. Последнее означало бы, конечно, именно социал-демократическую модель объединенной Германии.

Что касается стран Восточной Европы, то здесь, наверное, тоже дело было только во времени. Выбор, который стоял перед этими странами – это извечный выбор между Востоком и Западом. Если бы Восток и Запад выступали заодно, если бы общеевропейские интеграционные процессы уже шли полным ходом, развитие там, бесспорно, пошло бы совершенно иначе.

Горбачев М.С.

Объединение Германии произошло не на западных условиях. Кстати, летом и осенью 1989 года все западники и мы сами полагали, что проблема объединения Германии – проблема XXI века. Да, мы признали тогда, что таковы чаяния народа – вернуть в лоно одного государства всех немцев. Но это, мы думали, дело будущих поколений. И вот появляются те самые «условия», вы говорите, что они – западные, а на самом деле это такие условия, когда вся Восточная Германия вышла на митинги.

Обратитесь к хронике событий: отпраздновали Новый год, 1990-й, и начиная с 3-го января каждый день шли стотысячные выступления по всей Восточной Германии с требованием немедленного объединения. Немцы не согласны ни на какие валютные союзы, ни на какие конфедерации – объединение и все! Слияние в одно государство! Больше того. Люди пяти земель, примыкающих к Западной Германии, шли через границу и ставили вопрос так: мы сами, немцы, будем решать, как жить. Политики были единого мнения: объединение – дело будущего. Никто не хотел спешить. Но мощное движение немцев заставило всех взглянуть на реальности, которые возникли. Модров звонит мне и говорит: «Михаил Сергеевич, уже никто не принимает идею двух Германий, идею постепенного сближения и т.д. Все за единую Германию – и немедленно». При этом все, и немцы в первую очередь, хорошо понимали, что «ключи к объединению лежат в Москве». (Это выражение, кажется, Аденауэра.) Понимали, что позиция Советского Союза, присутствие ее войск и т.д. имеет решающее значение. Если Советский Союз согласится с возникшими новыми обстоятельствами, они станут реальностью. Иначе вообще неизвестно, что может произойти в Европе!

И вот 26 января в моем кабинете в ЦК состоялось узкое заседание основного состава советского руководства. Присутствовали Шеварднадзе, Рязанов, Яковлев, Крючков, Фалин, помощники, маршал Ахромеев. Остро обсуждалась ситуация. Это было до приезда Коля, Бейкера в Москву. Все видели, что происходит в Германии: она как бы расплывается, начинается хаос, новые ГДР'овские руководители, пришедшие на смену Хонеккеру, да и Коль очень боялись, что развяжется такой хаос, с которым невозможно будет справиться. Все участники того совещания в ЦК были единого мнения – надо исходить из того, что Германия, народ Германии, немцы не отступят от требования объединения. Поэтому надо принимать решение – менять политику, возглавить этот процесс, поддержать волю народа.

Почему советское руководство действовало так уверенно? Потому, в частности, что произошли огромные изменения по отношению к немцам в нашей стране. Сначала в ГДР появились «наши немцы» - в ФРГ оставались «чужие немцы» (старшее поколение помнит эти определения). Мы знали, какие важные демократические перемены произошли в ФРГ. Руководство Западной Германии вело себя лояльно по отношению к СССР. Вместе с тем налицо была дискредитация режима Хонеккера, который блокировал

любые перемены. Если бы он вел себя иначе, процесс объединения мог бы принять другой характер. И учитывая то, что произошло с ГДР, мы вынуждены были придти к выводу, что главный игрок в начавшемся процессе и главный наш партнер будет Коль, ФРГ. Тем не менее, решено было вести разговор интенсивно и одновременно как с Коелем, так и с социал-демократами ФРГ, и с ГДР'овским новым правительством.

Вот как выглядели «западные условия», о которых вы сказали. На том совещании договорились также о механизме «2+4» или «4+2» – т.е. о постоянно действующем институте в составе представителей 4-х стран-победительниц и двух немецких государств. В его рамках должны были решаться международные проблемы, возникающие в связи с объединением Германии. Эту идею особенно продвигал Анатолий Черняев.

Вообще–то в крупных событиях всегда много появляется героев. У нас ходил анекдот о субботнике 1919 года, в котором участвовал Ленин. Оказалось потом, что бревно несли с Владимиром Ильичом около двух тысяч человек. В таком случае оно должно быть длиной в полтора километра. Сейчас много объединителей Германии. Но на самом деле в этом историческом деле два главных героя – советские, русские люди, и немцы. И те, и другие прошли тяжелый путь после войны, и сумели пойти навстречу друг другу. Тогда уже начала работать история. Одни покаяться, другие простили. Это и есть история.

Бессмертных А.А.

Я должен сказать, что поднятая тема - внешняя политика периода эпохи Горбачева – исключительно важна, и этой теме должно быть посвящено несколько серьезнейших «круглых столов» или такого рода заседаний. Если послушать, то получается порой, что все было достаточно ясно, гладко, решения принимались в соответствии со складывающимися обстоятельствами, и они, как правило, были верными и т.д. Но мы все прекрасно знаем, сколько, труда, поисков, ошибок, неверных шагов было сопряжено с тем, чтобы вывести внутреннюю и внешнюю политику на тот уровень, на который они были выведены. Это целая тема для разговоров.

Прежде всего первая ремарка общего порядка. Получается, что Михаила Сергеевича, даже в тех оценках, которые здесь высказывались, делают ответственным фактически почти за все, что происходило во внешней политике. Главная, я считаю, гениальная линия, связанная с ролью Михаила Сергеевича в мировой политике, состоит в том, что он первый и единственный, кто понял с самого начала, что нельзя реформировать страну, идя по демократическому пути, в условиях «холодной войны». Поэтому совершенно отчетливо выстраивалась стратегия: впервые на каком-то историческом отрезке времени приоритет отдавался внешней политике по сравнению с внутренней политикой. Некоторых это удивляет, поскольку не понимают: как же так могло быть. Некоторые приписывают это увлеченности Михаила Сергеевича этой сферой и т.д. В действительности это было тончайшее стратегическое решение: «холодная война» должна была быть демонтирована для того, чтобы развивалась страна.

Второе. К общим достоинствам внешней политики Горбачева можно отнести создание совершенно новой философии внешней политики: освобождение ее от идеологии, приоритет общечеловеческих ценностей. Кстати говоря, эта тема приглушена сейчас, ее побаиваются, стали все больше и больше говорить о национальных интересах - как будто бы эти две позиции полностью противоречат друг другу.

Третья общая ремарка - о преемственности, о которой здесь уже говорили. Это тема не просто научная, это тема чисто оперативная на сегодняшний момент. Потому что в 90ые годы в России сложилась официальная доктрина преемственности, которая очень интересна своей композицией. Она состоит в том, что российская внешняя политика декларативно увязывается с прошлым, но это прошлое все время доходит до одного единственного перекрестка – 1985 года. Хотя все очень легко связывается с внешней

политикой императорской России. Кстати, сторонники этой доктрины преемственности просто «замучили» светлейшего князя Горчакова.

При приходе Путина многие люди, занимающиеся внешней политикой, стали говорить о возможности преемственности с советской эпохой. Иллюстрацией того, что это действительно происходит, было признание роли Громыко в политике нашей страны. И опять тот же самый перекресток. То есть, совершенно очевидно: официальная доктрина преемственности в России доходит до одного момента – до 1985 года. И нигде, ни в одном официальном заявлении или научной работе, написанной официальными или полуофициальными лицами, вы не найдете ссылки на внешнюю политику Горбачева, на внешнюю политику нового мышления, на деятельность Москвы в это время. Как будто между Громыко и 92-м годом ничего не было.

Выпал исторически важнейший период развития в мировой политике, в российской политике. Об этом говорится только в воспоминаниях, мемуарах, многочисленных книгах на Западе. Поэтому задача всех ученых, аналитиков, всех тех, кто участвовал в это время в политике – развернуть эту тему по-настоящему, во всей ее глубине, поскольку совершенно понятно, что президент страны определял не только общие стратегические направления, но и очень часто тактические. Возникает интереснейшая тема – Горбачев как дипломат, ведущий переговоры.

Теперь несколько замечаний по конкретным темам, которые здесь затрагивались.

Восточная Европа. В частности, в вопросе одного коллеги звучала тонкая мысль: а действительно ли вы знали все о том, что там происходит? Я думаю, здесь надо сказать совершенно отчетливо. К великому сожалению, мы не знали (по крайней мере, я говорю с позиции Смоленской площади) всего, что происходит (я имею в виду с точки зрения политической динамики) в восточноевропейских странах.

Восточная Европа была в нашем государстве дитем при нескольких няньках. Ею занимался Отдел ЦК, немножко Международный отдел ЦК, Министерство иностранных дел, КГБ и т.д. До семи няnek навверняка досчитать можно. Внутренняя динамика не очень учитывалась даже нашей разведкой, не улавливалась. Единственное посольство, по моему, которое более или менее имело дело с оппозицией, было наше посольство в Венгрии. Поэтому они хоть знали в лицо тех, кто может придти к власти. Больше почти нигде никто не знал тех, кто придет к власти. Когда произошли «бархатные революции», мы ошеломленно смотрели на эти новые фигуры.

Может быть, ошибаюсь. Это мое мнение. Я не занимался Восточной Европой, когда был заместителем министра. Я помню, приезжал к нашим послам и спрашивал: «Где вы черпаете информацию?» Посол гордо говорил: «Вот, стоит телефон, я всегда связан с первым лицом». А первые лица соцстран очень часто дезинформировали Москву через советских послов. И перепроверки этих сведений никогда не было. Только один раз я столкнулся с этой ситуацией, когда приехал в ГДР, побеседовал с Хонеккером, и когда мы ехали назад, первый заместитель министра ГДР мне сказал в машине: ничего подобного нет, все цифры, которые он тебе сообщил, дутые. Я был поражен.

В наших посольствах, разведках очень часто вскармливали руководство страны дутой и неточной информацией. Поэтому эта тема исключительно загадочная. Сейчас на Западе вышла книга о Восточной Европе, она называется «Великие загадки». Никто не может понять, что произошло в Восточной Европе, какова была линия, стратегия нашей страны.

Теперь хотел бы еще сделать несколько замечаний о Германии. Интересная тема поставлена. Мы немножко гадательно заставляем себя мыслить в отношении того, какие могли бы быть варианты развития ситуации. Я думаю, что ГДР была обречена самим фактом изменений, происходивших в нашей политике и в Европе. ГДР могла сохраниться только в одном случае: когда все меняются, а ГДР заморозили в каком-то специальном холодильнике.

Первоначальная причина существования ГДР – ее роль быть противоположностью ФРГ. И как только мы начали их сближать, она была обречена. Она не могла существовать реформированной. Реформа для ГДР была смертельной. Она не могла жить в атмосфере реформ. Поэтому когда мы подталкивали Хонеккера к реформированию, естественно, мы его обрекали. Он это понимал и поэтому ничего не хотел делать. Но исторически это должно было произойти. Другое дело, что можно было другую цену получить. Сейчас здесь можно много гадать. Но линия советской дипломатии, даже при Сталине, - это объединение Германии.

Многие западные державы говорили, как, например, Британия: не надо допускать объединения Германии. Это будет великой ошибкой. Вообще, Германию нужно сохранить в тисках, в конечном счете, хотя бы на год и т.д. Сейчас это то самое, что составляет суть российской стратегической линии в Европе, если я правильно понимаю, российско-германскую ось.

Что касается вопросов, связанных с разоружением и т.д., то я должен здесь сказать, что действительно Советский Союз стоял во главе этого процесса. И американцев мы постоянно подталкивали. Знаменосцем разоружения, ликвидации ядерного оружия был, был Горбачев. После января 1986-го президент Рейган в Рейкьявике уже почти пришел к мысли о ликвидации ядерного оружия как такового.

Россия очень многое восприняла из эпохи Горбачева, из ее внешней политики. Но она пользуется этим наследием «исподтишка», не признаваясь в этом публично.

Почти все взято, кроме одного вопроса, крайне важного. Это вопрос о судьбе ядерного оружия в политике России. Полный разворот на 180 градусов, то есть ядерное оружие является теперь основой национальной безопасности России, без учета того, что оно не может быть основой национальной безопасности.

Я считаю, что этот разворот в сторону поддержки системы ядерного оружия как базы национальной безопасности таит в себе угрозу. Именно эта позиция России открыла возможности для распространения ядерного оружия. Движение против ядерного оружия заглохло.

В заключение одно конкретное предложение. В Фонде создан прекрасный архив. Я чувствую, что там много материалов. Надо создавать, мне кажется, единый архив внешней политики, по крайней мере, здесь, в Фонде Горбачева, куда должны влиться и архивы министров иностранных дел. Потому что архивы растаскиваются и распродают. Надо собирать буквально все, обратиться ко всем министрам, работавшим в это время не только во внешней политике.

Кувалдин В.Б.

Я хотел бы вернуться к блистательному докладу Анатолия Сергеевича Черняева. Мне кажется, что Анатолий Сергеевич с рыцарским искусством защитил послужной список и Михаила Сергеевича, и свой собственный; здесь я не берусь ничего оспаривать, тем более что я во многом с ним согласен. Но есть фундаментальный вопрос, который сразу возник на нашем первом заседании «Горбачевских чтений». Это вопрос об отношении к горбачевскому наследию вообще и, в частности, в сфере внешней политики. Конечно, его можно представить как забальзамированный объект, который требует молчаливого поклонения. Это возможная линия поведения. Но, как мне представляется, не самая перспективная.

Полагаю, что это живое, политически актуальное наследие. Позвольте проиллюстрировать эту мысль на двух примерах.

Первое - это, конечно, вопрос об отношении к ядерному оружию, вообще к оружию массового уничтожения. (Эту тему здесь поднял Александр Александрович Бессмертных, и я лишь присоединяюсь к ему.) Когда была выдвинута горбачевская программа ликвидации ядерного оружия, то, мне кажется, даже многие его искренние сторонники и,

возможно, значительная часть его внешнеполитической команды отнеслась к этому, если не как к пропагандистскому документу, то скорей как к романтической мечте.

Дальнейшее развитие событий показало, что это была в высшей степени актуальная политическая программа. Потому что ядерное оружие – это некий оборотень, который может вернуться, причем в гораздо более страшной форме. Наше поколение жило с мыслью, что нет ничего хуже, чем ядерное противостояние, реальная перспектива ядерного конфликта между Соединенными Штатами и Советским Союзом. И действительно, это была ужасная перспектива. Мы не придавали особого значения тому факту, что это были два мощных, развитых государства с твердым и устойчивым политическим руководством. У них были совершенно разные системы, но политическое руководство и там, и здесь чувствовало себя достаточно уверенно.

Мы считали само собой разумеющимся то, что ядерное оружие и там, и здесь находится под очень жестким политическим контролем. А сейчас в индо-пакистанском конфликте мы столкнулись с совсем другой ситуацией. У обеих сторон есть ядерное оружие. И ещё есть Индостанский полуостров, где почти полтора миллиарда населения – одна из самых бедных и конфликтных зон в современном мире. Регион, который по масштабу проблем уступает только черной Африке, южнее Сахары. Страны со слабыми и во многом не сформированными обществами. Государства с нестабильным политическим руководством, причем и на той, и на другой стороне. Руководством, которое может заиграться с этими ядерно-стратегическими играми. Хотя, я уверен, что и Ваджаи, и Мушараф готовы сделать все, чтобы избежать конфликта. Тем не менее, в отличие от советского и американского руководства, они не контролируют полностью ситуацию.

Я хотел бы напомнить еще одно обстоятельство. В этой части света кровь льётся рекой. Одна межобщинная резня 48-го года стоила жизнью около миллиона человек. Было две войны – в 65-м и 71-м году. Конечно, можно сказать, и, к сожалению, это будет правда, что там люди живут и умирают, как трава. Там человеческие жизни никто не считает в отличие от Европы и Соединенных Штатов, и даже в какой-то степени Советского Союза. Тем не менее, количество может перейти в качество: когда в Руанде число убитых подошло к миллиону, то все-таки вспомнили об основном праве человека на жизнь и стали говорить о геноциде.

Поэтому и нынешний конфликт на Индостанском полуострове требует пристального внимания.

Это означает, что те проблемы, которые в свое время ставила горбачевская внешняя политика, не только возвращаются, но возвращаются в гораздо более острой, драматичной форме. Кстати говоря, мне трудно понять с некоторых пор, почему все-таки американцы не спешат расставаться с ядерным оружием. Это было объяснимо тогда, когда еще пока существовал Советский Союз, и пока не закончилась «холодная война». В то время у нас был подавляющий перевес в обычных вооружениях и обычных вооруженных силах в Европе. Тогда это было понятно, был очевидный резон. Но в 90-е годы, когда Соединенные Штаты по всем критериям национальной мощи обогнали своих конкурентов, когда они вырвались на целый корпус вперед в создании высокоточного оружия, как раз ликвидация оружия массового поражения была бы, как мне кажется, полностью в национальных интересах Соединенных Штатов.

То есть, суть метаморфозы, происшедшей за последние 10-15 лет, очень проста. Исторически ядерное оружие было оружием сильных, оружием лидеров. Сейчас оно, так же, как и другие виды оружия массового уничтожения, становится оружием слабых. Я уж не говорю о том, что оно расползается, как напомнил Александр Александрович. Появились два новых члена ядерного клуба. Практически нет сомнений, что ядерное оружие есть у Израиля. А на подходе целая десятка претендентов. И это создает абсолютно новые уравнения в мировой политике. Это не уравнение из двух величин. Когда число активных игроков на ядерном поле выходит, скажем, за цифру десять, то управлять процессом, даже контролировать его становится невозможно.

Второе, почему мне представляется очень актуальной проблема горбачевского наследия. Я хотел бы вернуться к интереснейшему пассажи, который прозвучал у Анатолия Сергеевича. Он бросил его походя, и, похоже, он не был замечен на фоне того, что прозвучало дальше.

Но прежде, позвольте, я здесь скажу об одной интересной гипотезе, которую тот же Анатолий Сергеевич высказал, когда мы брали у него интервью в рамках нашего совместного проекта с Гуверовским Университетом. Он дал нам очень содержательное интервью и, в частности, одна из его идей звучала так: а может быть, мы немного поторопились с другими реформами. Может быть, надо было начинать с внешней политики, распутывать ее узлы, развязывать себе руки, а остальное выстраивать потом, в какой-то определенной очередности.

Я считаю, что идея интересная и соблазнительная. Хотя пока не готов под ней подписаться по одной простой причине. И здесь я сошлюсь на один пассаж из сегодняшнего выступления Анатолия Сергеевича. У него он прозвучал так: несмотря на горбачевские реформы, деградация общества все равно произошла, поскольку она была заложена в недрах советской системы. Я считаю, что здесь много правильного и справедливого. В то же время мне кажется, что сама проблема масштабнее и сложнее. Представим, что действительно мы бы смогли осуществить все основные задумки горбачевской внешней политики. Представим, что действительно открылись новые возможности, в первую очередь связанные с перспективой конверсии нашего ВПК, поскольку именно здесь был заложен наш потенциал в области высоких технологий.

Пойдем еще дальше и представим, что мы могли бы избежать национальной катастрофы 1991 года... Не заиграйся наши фундаменталисты с радикальными демократами, глядишь, удалось бы сохранить Советский Союз. Означает ли это, что после реализации горбачевского курса в нашей внешней политике у нас открылся широкий простор для деятельности на мировой арене? С некоторых пор у меня на этот счет появились серьезные сомнения. Они связаны со следующим. К 85-му году полным ходом шла реализация масштабного проекта создания нового мирового порядка, связанная в первую очередь с деятельностью, конечно, неоконсервативных сил. Тогда их воспринимали по-другому. Мы в видели другие аспекты их деятельности. Фронтальное наступление на левых. Обострение идеологического противоборства. Но для нас оставалось в тени (и я боюсь, что продолжалось до 91-го года), пожалуй, самое главное: неоконсерваторы сумели сформулировать и претворить в жизнь конструктивный ответ капитализма на глубокий структурный кризис 70-х годов.

И этим ответом стало создание нового миропорядка, что потом получило наименование глобализации, которая не ограничивается взаимозависимостью и взаимообусловленностью. А идет гораздо дальше— к созданию транснациональных структур. В этой новой структуре мировых связей, гораздо более жесткой, гораздо более плотно сбитой - Советский Союз с его историческим отставанием, с его экономикой, политикой, идеологией, даже при успешном осуществлении горбачевской реформации, которая требовала усилий не одного поколения... И здесь бы перед ним встали бы огромные проблемы, которые не снимаются тем фактом, что жизненно необходимые реформы закончились трагедией, может быть, оптимистической, но тем не менее трагедией, национальной трагедией. И не все можно объяснить тем, что Советский Союз исчез, а Россия по своему потенциалу сильно ему уступает.

Мне кажется, что если мы вернемся к этому комплексу проблем, понимая горбачевскую внешнюю политику как живое, актуальное наследие, то встает целый ряд очень трудных вопросов, которые политически весьма актуальны и сегодня.

Палажченко П.Р.

Сегодня говорилось о той реальной политике, которая проводилась в годы перестройки, - политике нового мышления, политика реализма, сотрудничества.

Говорилось о том, что она была основана на понимании взаимозависимости мира и на реальной оценке возможностей страны. С другой стороны, меньше говорилось о мифах, хотя слово «миф» в выступлении Михаила Сергеевича прозвучало.

Между тем, сегодня у нас в стране в отличие, как говорил Анатолий Сергеевич Черняев, от других стран в оценке внешней политики горбачевской эпохи преобладают все-таки мифы, точнее один миф. Этот миф о том, что проводимая тогда политика сводилась к сдаче интересов страны, к сдаче идеологических, национальных, геополитических интересов. Употребляются такие слова, как «предательство», мол, отдали, распродали, не взяли цену и т.д. Среди этих мифов очень много недобросовестного, с чем, в общем, не так трудно бороться. В свое время, когда, например, бывший крупный чин Комитета государственной безопасности Леонов написал или сказал в одном из интервью, что, дескать, Горбачев на Мальте о чем-то договаривался с Бушем без присутствия советского переводчика, Анатолий Сергеевич и я ответили статьей. И выдумка, что были какие-то сепаратные разговоры без присутствия кого бы то ни было рядом с Горбачевым с советской стороны больше уже не повторялась. В действительности было пару случаев, когда не было переводчика с американской стороны, но случаев, чтобы не было переводчиков с советской стороны, просто не было. Это недобросовестное мелкое мифотворчество. И с ним можно бороться.

Но есть и уже укоренившиеся в общественном сознании, по-видимому, добросовестные заблуждения, превратившиеся в миф. Так, например, в известной книге, вышедшей в начале президентства Путина, в книге-интервью, которые брали у него журналисты Колесников и Геворкян, Путин заявляет: мне Киссинджер говорил, что не взял Горбачев ту цену, которую надо было взять, за объединение Германии. И Путин с этим, безусловно, соглашается. Это уже устойчивый миф о том, что политика была какая-то благодушная. Мне кажется, что он сидит сейчас очень прочно в сознании российской политической элиты. Нынешняя политика президента Путина этому мифу, в общем, противоречит. Потому что, скажем, пойдя на очень серьезные шаги, на серьезный поворот после 11 сентября, Путин не ставит вопрос о том, что надо бы нам сейчас «цену получить». На последней пресс-конференции он сказал, что внешняя политика – это не торговля. Своей политикой он этот миф опровергает, но сам этот миф в сознании российского общества и российской политической элиты приобрел очень сильную устойчивость. Я думаю, он так же устойчив, как миф особой многострадальности русского народа, миф о какой-то нашей особой духовности или более конкретный миф, допустим, о том, что у Андропова была какая-то чудодейственная волшебная палочка, которой, если бы он прожил еще два-три года, все можно было бы замечательно сделать.

У меня нет особого оптимизма относительно того, что этот миф удастся легко преодолеть. Некоторую надежду все-таки, мне кажется, можно видеть в том, что, во-первых, как показывает наша сегодняшняя встреча, мы нацелены с этим мифом бороться фактами и противопоставим этому мифу конкретные факты, целенаправленные действия. И второе: я все-таки думаю, что этот миф будет опровергаться самой исторической потребностью в политике, основанной на новом мышлении.

Здесь несколько человек говорили о поддержке нынешней внешнеполитической линии Путина. Я думаю, во многом она основана именно на понимании исторической потребности в проведении политики, которая декларативно не объявляет новое мышление, но на нем основана. Я, конечно, предпочел бы, чтобы эта политика была выработана не так, как она была выработана. На сегодня это политика сильно ушедшего вперед лидера. Тем не менее эта политика есть, она отвечает исторической потребности и она будет противостоять мифам.

Материалы, подготовленные участниками проекта

Задорожнюк Э.Г.

Страны "Восточного блока" в 1989 году:

Контурь нового геополитического вектора

(по архивным материалам)¹

В ноябре 2002 года в Праге состоится саммит НАТО, на котором предполагается утвердить формат расширения альянса — под лозунгами «единения Европы на демократической основе», по крайней мере, по убеждению его руководителей и политических лидеров стран-кандидатов в него. Последние, и в первую очередь такой политический долгожитель, как президент страны-хозяйки саммита В. Гавел, считают, что расширение блока до границ «гигантской евразийской державы» — России — не только не имеет альтернативы в начале XXI века, но и не имело ее в прошлом. Однако, вопреки нынешней политической риторике, апологетизирующей военно-политический блок НАТО, 50-летие которого проходило в условиях осуществляемой им агрессии в Югославии, такая альтернатива в виде проекта «общеевропейского дома», в который входила не только Россия, но и СССР все же была. И, как показывают архивные документы, с нею считалось большинство ведущих политиков и востока, и центра, и запада Европы, включая президента тогдашней Чехословакии.

Предполагаемое событие ноября 2002 года в Праге — повод еще раз вернуться к процессам более чем 13-ти летней давности в странах региона и дать оценку их геополитических векторов².

В самом конце 80-х годов неизбежность смены региональной идентичности³ в странах так называемого «восточного блока» (пояс государств от Балтики до Адриатики) являлась очевидной, пожалуй, лишь в одном: каждая из стран региона и регион в целом переставали быть «оплотом социализма» в Европе. Но при этом возникает вопрос: стал ли отказ от социализма как общественного строя, автоматически и одновременно отказом от сложившихся и функционировавших в регионе экономических и военно-политических региональных организационных структур?

Ответ на этот вопрос содержится в анализе соотношения концепции «общеевропейского дома» с реально существовавшими в конце 80-х годов экономическими и военно-политическими организациями и блоками (Организация

¹ Автор выражает глубокую благодарность сотрудникам Архива Горбачев-фонда за помощь в подготовке данной статьи.

² В числе работ зарубежных авторов, затрагивающих поставленную в статье проблему, следует в первую очередь отметить следующие: David S. Mason. *Revolution and Transition in East-Central Europe*. 2nd ed. Colorado, Oxford. 1996; Durman K. *Utek od praporu: Kreml a krize imperia 1964-1991*. Praha, 1998; Precan V. *Svedectvi o rozpadu «socialistickeho spolecenstvi»*. Ukazky z memoaru Michaila Gorbacova, Vadima Medvedeva a Valerije Musatova // *Soudobe dejiny*. 1998. № 4; Zeman Z. *Vzestup a pad komunisticke Evropy*. Praha. 1998; Lundestad G. «Empire» by Integration. *The United States and European Integration. 1945-1997*. Oxford. 1998.

³ На мой взгляд, ее следует трактовать как «осознание принадлежности к определенному единству, как тождественность основных целей, которые преследуют составляющие это единство народы и государства» (Подробнее см.: Задорожнюк Э.Г. *Любовью или железом достигается единение общества?* // *Вестник Российской Академии наук*. М.1993. Т.63. № 12. С. 1104).

Варшавского Договора - ОВД и Совет Экономической Взаимопомощи - СЭВ; Североатлантический союз - НАТО и Общий рынок) и уже обнаруживавшимися в тот период новыми геополитическими векторами. Какое же место должен был занять этот, отказавшийся от социализма, трансформирующийся регион в архитектуре «общеевропейского дома»? Намечались ли новые пути или хотя бы контуры геополитического вектора развития этого региона? Как трансформировалась в связи с этим идея европейского единения?

Записи переговоров М.С. Горбачева с лидерами стран Западной и тогда еще Восточной Европы (страны «социалистического содружества», именуемые на Западе «восточным блоком») показывают: на них в первую очередь, хотя иногда и косвенно, затрагивалась организационная, а, следовательно, и количественная структура региона, намечалась новая перспектива его развития, связываемая с общеевропейскими проектами. Так, на состоявшейся в Москве 24 ноября 1989 г. встрече М.С. Горбачева с премьер-министром Польши Т. Мазовецким, представителем победившей в стране антикоммунистической оппозиции, последний, в частности, подчеркнул: «Хотел бы вновь подтвердить, то, что я заявлял уже в сейме: *Польша и впредь намерена соблюдать свои союзнические обязательства, в том числе и по Варшавскому Договору и в СЭВ* (курсив наш. — Э.З.)»⁴. Более того, Мазовецкий детализировал свою позицию следующим образом: «В связи с Вашей идеей общеевропейского дома хотел бы заметить, что в этом доме у нас с Вами квартиры на одной лестничной площадке»⁵.

В беседе М.С. Горбачева с В. Гавелом 26 февраля 1990 г. прозвучало следующее мнение президента Чехословакии: «Надо ликвидировать раскол Европы и наметить новую систему безопасности, которая заменила бы нынешние противостоящие друг другу структуры, стала бы своего рода преемником Варшавского Договора и НАТО. Таким образом был бы решен вопрос и о Варшавском пакте. *Варшавский Договор и НАТО из военных образований превратились бы в политические, а в конечном счете слились бы в единую систему общеевропейской безопасности* (курсив наш. — Э.З.)». Словом, надо поставить точку под второй мировой войной и ликвидировать положение, когда Европа стала крупнейшим арсеналом современного оружия. Это было бы победой мира, а не поражением США или СССР»⁶.

Тем самым лидеры Польши и чехословацкого государства, уже весной 1990 г. сменившего свое название на ЧСФР и затем Чехо-Словакию, несмотря на отказ от социалистической идеи, продолжали по-прежнему связывать свои государства с организационной структурой и количественным составом ОВД, то есть и с одной из его составных частей — ГДР.

Следовательно, на уровне заявлений дистанцирование от советской модели общественного развития не предполагало в рассматриваемый период (рубеж 1989-1990 гг.) автоматического отказа от старой региональной идентичности или, по меньшей мере, от такой ее организационной формы как ОВД, которая, как известно, включала в качестве своей неотъемлемой составной части ГДР. Однако уже шли подспудные процессы, которые подготовили феномен достаточно неожиданной смены геополитических ориентиров во всех странах, расположенных между границами СССР и Западной Европы, причем серьезнейшую роль в этих процессах (как показали дальнейшие события) сыграла ФРГ⁷.

⁴ Архив Горбачев-Фонда. Москва. Фонд 1. М.С. Горбачев (далее Ф.1), Опись 1 (далее Оп.1). Запись беседы М.С. Горбачева с Т. Мазовецким 24 ноября 1989 г.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Запись беседы М.С. Горбачева с президентом ЧССР В. Гавелом 26 февраля 1990 г.

⁷ Подробнее об этом см.: Dieckmann K., Reuth R.G. Helmut Kohl. Chtel jsem sjednoceni Nemecka. Praha. 1997. Prel. z nemeckeho originalu.

Организационная структура региона, несмотря на отказ от социалистической идеи новых руководителей составлявших его стран, в первую очередь из северного субрегиона (страны Вишеградской «тройки», превратившейся в 1993 г. после появления самостоятельных Чехии и Словакии в «четверку»), связывались ими с ОВД инерционно. Характерно другое: на встречах с М. Горбачевым, как свидетельствуют архивные документы, демонстрировалось весьма примечательное единодушие ведущих западных политиков и лидеров самого формирующегося центрально-европейского региона, по крайней мере, на уровне заявлений. На встречах в верхах вопрос об альтернативных ОВД или СЭВ региональных организационных структурах в рамках Центральной Европы в конце 1989 г. — начале 1990 гг. не только не обсуждался, но даже не ставился.

Что же тогда послужило началом процесса смены геополитического вектора? «Эгоизм» каких политиков привел к тому, что в фундаменте еще не построенного и пока лишь спроектированного «общеевропейского дома» стало неизбежным появление трещин?

Отвечая на этот вопрос, нельзя ограничиться чем-то одним, хотя уместнее всего, видимо, начать с рассмотрения количественных параметров рассматриваемого региона: на конец 80-х годов он состоял из 8 стран (включая ГДР); позднее, 3 октября 1990-го, их стало 7, а с лета 1991 г. после провозглашения независимости Словенией и Хорватией — уже больше 8. Следует заметить, что одной из первых признать эту независимость поспешила та Германия, которая свои границы как раз расширила. Еще один симптоматичный факт: парламенты Словении и Хорватии провозглашают независимость своих республик 25 июня 1991 г., а 28 июня подписывается будапештский протокол о роспуске Совета экономической взаимопомощи, 1 июля — пражский протокол об упразднении Организации Варшавского Договора. Причем — и это следует подчеркнуть особо — мотивируется подобный шаг решением способствовать постепенному «переходу к общеевропейским структурам»⁸, хотя сохранение статуса НАТО замалчивалось не без умысла, поскольку военно-политический блок все же трактует подобные структуры весьма однозначно.

Как свидетельствуют архивные документы, на проводившихся на высшем уровне переговорах М.С. Горбачева с лидерами стран Западной Европы и США в конце 1989 г. неоднократно декларировалась неизменность количественного состава региона. Позицию Германии тогдашний канцлер Г. Коль в состоявшемся 11 октября 1989 г. телефонном разговоре с М.С. Горбачевым выразил в следующих словах: «... Хотел бы заверить Вас, что ФРГ ни в коей мере не заинтересована в дестабилизации ГДР, не желает ей плохого. Мы надеемся, что развитие там не выйдет из-под контроля, что эмоции последнего времени улягутся. Единственное, чего нам хочется — это то, чтобы ГДР присоединилась к вашему курсу, курсу прогрессивных реформ и преобразований. События последнего времени подтверждают, что ГДР уже созрела для этого. Что касается ее населения, то мы за то, чтобы жители ГДР *оставались у себя дома* (курсив наш. — Э.З.)». Мы не собираемся их будоражить, склонять к каким-то действиям, за которые нас потом стали бы упрекать»⁹.

Ровно через месяц, 11 ноября 1989 г. (то есть уже после падения 9 ноября Берлинской стены), по просьбе Коля состоялся еще один его телефонный разговор с Горбачевым. В этот момент канцлер прервал свой визит в Польшу в связи со сменой руководства в ГДР. «Хотел бы подчеркнуть, — заверял он советского руководителя, —

⁸ Протокол о прекращении действия Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанного в Варшаве 14 мая 1955 года, и Протокола о продлении срока его действия, подписанного 6 апреля 1985 года в Варшаве. Известия. № 156. 2.VII. 1991. С. 5.

⁹ Архив Горбачев-Фонда. Ф. 1. Оп. 1. Телефонный разговор М.С. Горбачева с федеральным канцлером ФРГ Г. Колем 11 октября 1989 г.

что мы приветствуем начало реформ в ГДР. При этом мы хотим, чтобы они осуществлялись в спокойных условиях. Я, в частности, отвергаю какую-либо радикализацию, в любой форме. . . Мы хотим, чтобы люди в ГДР оставались дома, и не стремимся к тому, чтобы все жители ГДР выехали в ФРГ. И отнюдь не потому, как утверждают некоторые, что мы не смогли бы решить возникшие в этом случае проблемы — так, в этом году в ФРГ из ГДР уже переселились 230 тыс. чел., и все они устроены. Однако массовое переселение в ФРГ было бы абсурдным развитием — мы хотим, *чтобы немцы у себя дома строили свое будущее. . .* (Курсив наш. — Э.З.)¹⁰.

Заметим в скобках, что словами о том, чтобы жители ГДР оставались у себя дома и там строили свое будущее, Г. Коль стремился «успокоить» Кремль, который отнюдь не выражал восторга обострением в то время проблемы восточногерманских беженцев вообще, открытием для последних венгерской границы в частности и в особенности идеологическим сопровождением этих процессов в западной печати. Беспрецедентное решение об этом без согласования со «старшим братом» венгерские коммунисты приняли уже 24 августа 1989 г. в результате контактов, по свидетельству Дж. Бейкера, между Г. Колем, с одной стороны, а также премьер-министром ВНР М. Неметом и министром иностранных дел Д. Хорном — с другой¹¹.

Интересующая нас здесь проблема обсуждалась, разумеется, не только с представителями ФРГ. Затрагивалась она и в ходе визита М.С. Горбачева во Францию. «Позиция Франции, — заявил, в частности, президент Ф. Миттеран 14 ноября 1989 г., — такова: мы хотели бы избежать любого срыва. Мы осознаем, что надо принимать во внимание реально существующие народные настроения как в Западной, так и Восточной Германии. Вместе с тем я не думаю, что сейчас может реально встать вопрос об изменении границ — по крайней мере вплоть до определенного времени. . . Убежден, что нельзя совершать необдуманные действия, которые могли бы дестабилизировать обстановку. В Европе существует определенное равновесие и его нельзя нарушать. . .»¹².

Позиция Великобритании проявилась на встрече советского лидера с послом Р. Брейтвейтом (17 ноября 1989 г.), когда последний особо подчеркнул, что «со стороны всех — и моего правительства, и наших союзников — присутствует очень хорошее понимание, что нельзя вмешиваться в дела ГДР, даже не давать поводов, которые могли бы быть расценены как вмешательство или как посягательство на безопасность ГДР, вообще стран Варшавского Договора, на вашу безопасность. Это главное — чтобы не было вмешательства ни с чьей стороны»¹³. И далее: «Воссоединение — это не вопрос для сегодняшнего дня и даже дня завтрашнего»¹⁴.

В серии проходивших во второй половине ноября 1989 г. переговоров на высшем уровне обращает на себя внимание позиция главы итальянского правительства Дж. Андреотти. На слова Горбачева о том, что «воссоединение ФРГ и ГДР не актуальный вопрос», прозвучавшие 29 ноября 1989 г. в беседе в узком составе (в присутствии двух переводчиков), последовала следующая реакция Андреотти: «Это абсолютно верно»¹⁵.

¹⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Запись телефонного разговора М.С. Горбачева с канцлером ФРГ Г. Колем. Москва-Бонн. 11 ноября 1989 г.

¹¹ См.: Baker, III J.A., Defrank T.M. The Politics of Diplomacy. Revolution, War and Peace. 1989-1992. New York. 1995. S. 160.

¹² Архив Горбачев-Фонда. Ф.1. Оп.1. Запись телефонного разговора М.С. Горбачева с президентом Франции Ф. Миттераном 14 ноября 1989 г.

¹³ Там же. Запись беседы М.С. Горбачева с послом Великобритании Р. Брейтвейтом. 17 ноября 1989 г.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Запись беседы М.С. Горбачева с председателем Совета Министров Италии Дж. Андреотти. 29-30 ноября 1989 г.

Позиция США проявилась в ходе переговоров советского и американского лидеров 2-3 декабря 1989 г. на Мальте. На первой один на один беседе с Дж. Бушем М.С. Горбачев затронул «германский вопрос», заявив следующее: «У нас впечатление, что господин Коль торопится, суетится, действует несерьезно, неответственно. Как бы не получилось так, что тема воссоединения будет эксплуатироваться в предвыборных целях, что будут учитываться не стратегические факторы, а влияние момента . . . Но нам с Вами очень важно довести до сведения всех, что определенные действия могут нанести ущерб позитивным процессам, более того, поставят под вопрос очень важные и серьезные вещи, в том числе доверие к правительству ФРГ. Это что же будет? Единая Германия будет нейтральной, не принадлежащей к военно-политическим союзам или членом НАТО? Думаю, мы должны дать понять, что и то, и другое было бы преждевременно сейчас обсуждать. Пусть идет процесс, не надо его искусственно подталкивать»¹⁶.

По мнению Дж. Буша, в действиях Коля большую роль играла «эмоциональная реакция» на разворачивающиеся события. «Коль, — как он заметил, — знает, что некоторые западные союзники, на словах выступая в поддержку воссоединения, если того захочет народ Германии, встревожены этой перспективой». Подобного рода перспективы вызывали тревогу и у Горбачева, при этом, как он отметил, «эта точки зрения была сообщена ему (т.е. Колю. — Э.З.)». «Но в отличие от ваших союзников и Вас, — заявил в ответ советский лидер, — я говорю открыто: есть два германских государства, так распорядилась история. И пусть история же распорядится, как будет протекать процесс и к чему он приведет в контексте новой Европы и нового мира . . . В общем, это тот вопрос, где мы должны действовать максимально внимательно, с тем чтобы не был нанесен удар по переменам, которые сейчас начались»¹⁷. Ответ американского президента — и это следует подчеркнуть особо — прозвучал так: «Согласен. Мы не пойдем на какие-либо опрощенные действия, попытки ускорить решение о воссоединении»¹⁸.

Советский лидер поделился своими соображениями относительно перспектив Варшавского Договора, НАТО, Совета Экономической Взаимопомощи и Общего рынка. «Тут также, — подчеркнул он, — требуется взвешенный и ответственный подход. Иначе нынешняя положительная направленность процесса перемен может превратиться в свою противоположность, привести к подрыву стабильности. Реально существующие инструменты поддержания баланса надо не сокрушать, а видоизменять в соответствии с требованиями времени. Использовать их для укрепления безопасности и стабильности, улучшения отношений между государствами. Пусть НАТО и Варшавский Договор становятся все в большей мере политическими, а не только военными организациями, и пусть меняется их конфронтационная природа . . . Уверен, что хорошие перспективы у взаимодействия Общего рынка с СЭВ. В СЭВе мы намечаем комплексные мероприятия, облегчающие встраивание в структуру мирового хозяйства»¹⁹. Видение дальнейшей судьбы СЭВ излагалось советской стороной и накануне, на переговорах в расширенном составе: «Идет перестройка и в рамках Совета Экономической Взаимопомощи, с тем чтобы приблизить принципы деятельности этой организации к общепринятым в мировой экономике стандартам»²⁰.

Как показывают доступные исследователю на сегодняшний день архивные документы, подобные планы не встретили ни отрицательного отношения американской стороны, ни каких-либо альтернативных предложений. При этом высказывания

¹⁶ Там же. Запись беседы М.С. Горбачева с президентом США Дж. Бушем (первая беседа один на один). 2 декабря 1989 г.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Запись беседы Горбачева с Дж. Бушем (в расширенном составе). 2 декабря 1989 г.

американского президента относительно НАТО ограничивались лишь констатацией: «Разумеется, мы близки — и будем близки — с Европой, жизненно заинтересованы и вовлечены в НАТО. Собственно, США — это лидер НАТО». Или схожим с предыдущим заявлением: «Скажу откровенно: наши военные имеют огромное влияние в НАТО»²¹.

Через несколько дней Буш уточнил свою позицию, которая была доведена до сведения советской стороны Л. Горовицем, ближайшим сотрудником сенатора-демократа Э. Кеннеди (Горовиц встречался по просьбе Кеннеди с В.В. Загладиным). Из записи краткого содержания этой беседы (предположительно от 11 декабря 1989 г.) следует, что Дж. Буш придавал германской проблеме особое значение. Горовиц подчеркнул: «Во всяком случае, по мнению президента, в нынешних условиях необходимо *сохранение двух военных союзов и установление более тесных контактов между ними* (курсив наш. — Э.З.)», а также ускорение европейской интеграции (даже несмотря на сопротивление Тэтчер), ибо оба эти инструмента способны, по его (т.е. Дж. Буша. — Э.З.) мнению, «сдержать» немцев»²².

5 декабря 1989 г. во время беседы М.С. Горбачева с министром иностранных дел Г.-Д. Геншером последний высказал следующие заверения: «Мы не хотим извлекать из процессов, идущих в Восточной Европе, которые порождают проблемы, неизбежные при проведении крупных реформ, каких-то односторонних выгод для себя. Наша цель — это стабилизация обстановки путем развития отношений с Советским Союзом, Польшей, Венгрией, ГДР. Это потребность нашего сердца. Мы не стремимся к движению в одиночку, по сепаратному немецкому пути . . . Не следует ожидать от немцев шагов, которые могли бы повредить европейскому развитию. Мы за стабильность в Европе, за сближение ее государств и народов . . . В современных условиях существующие союзы (т.е. НАТО и ОВД. — Э.З.) имеют стабилизирующее значение, им предстоит еще долго существовать»²³. Как говорится, комментарии тут излишни, хотя уже тогда некоторые западные наблюдатели (в первую очередь английские) предостерегали от некритического восприятия подобного рода обещаний и заверений немецких политиков.

М.С. Горбачев констатировал, что политические приоритеты, Германии оказались куда более определенными, чем рассуждения о постепенном разворачивании процессов строительства общеевропейского дома. Его вопросы в ходе беседы: «Где же тогда окажется ФРГ — в НАТО, в Варшавском Договоре? Или, может быть, станет нейтральной? А что будет означать НАТО без ФРГ? И вообще, что будет дальше? Вы все продумали? Куда денутся тогда действующие между нами договоренности? Разве это политика?»²⁴ — звучали риторически. Ибо и тогда уже было ясно, а теперь еще отчетливее видно, что это была именно реальная политика, и именно она сообщила начальный толчок процессу смены геополитического вектора в поясе государств между Балтикой и Адриатикой: все они сменили ориентацию и повернулись на Запад.

Потому-то, быть может, и не обсуждались широко альтернативные концепции развития региона. Разумеется, вопрос об альтернативных путях развития нуждается во всестороннем тщательном изучении и окончательный ответ на него будет получен, видимо, тогда, когда откроются все архивы, т.е. нескоро. Можно привести лишь один, но весьма любопытный документ, который свидетельствует о том, что высказывались суждения, альтернативные западному сценарию развития восточноевропейского региона.

---

²¹ Там же. Запись беседы М.С. Горбачева с президентом США Дж. Бушем (в расширенном составе). 3 декабря 1989 г.

²² Там же. Фонд. 3. В.В. Загладин (далее Ф.3). Оп. 1. Краткое содержание беседы В.В. Загладина с Л. Горовицем. [11 декабря 1989 г.].

²³ Там же. Ф.1. Оп. 1. Запись беседы М.С. Горбачева с министром иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншером. 5 декабря 1989 г.

²⁴ Там же.

20-21 декабря 1989 г. состоялась беседа В.В. Загладина со спикером по вопросам разоружения фракции ХДС/ХСС бундестага ФРГ К. Ламмерсом. Примечательно, что ей предшествовало прояснение позиций СССР и НАТО: 14-15 декабря 1989 г. состоялось заседание Североатлантического совета на уровне министров в Брюсселе. Министры иностранных дел анализировали нарастание политических перемен в Центральной и Восточной Европе. Министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе посетил штаб-квартиру НАТО для проведения переговоров с Генеральным секретарем этой организации М. Вернером и постоянными представителями ее стран-членов. Следует подчеркнуть, что до Шеварднадзе ни один министр правительства ни одной из стран Центральной или Восточной Европы не совершал подобного шага²⁵.

Что касается К. Ламмерса, то он обращал внимание прежде всего на те положения в речах Коля, где были охарактеризованы «рамки, в которых происходят изменения и условия, в которых канцлер был вынужден сформулировать свою линию». К числу этих «рамок» и «условий» К. Ламмерс относил: 1) реформы в СССР, странах Восточной Европы, которые и стимулировали перемены в ГДР; 2) процессы западноевропейской интеграции, активным участником которых выступала ФРГ, и которые создали «модель свободного объединения европейских народов, обладающую притягательной силой для всех европейцев»; 3) политизация НАТО, членом которой является и будет оставаться ФРГ и которая выступает в качестве гаранта не только безопасности, но и сотрудничества западной части европейского континента. Даже простой перечень этих условий указывает на то, что политики Запада заявили о ставке на интеграционные процессы в своем регионе. При этом Ламмерс приводил слова из речи Коля о том, что немцы «никогда не будут представлять угрозы». В ответ В.В. Загладин заметил, что «все эти, да и другие “условия”, действительно, создавали в Европе новый политический фон» Но они, по его словам, отнюдь не делают необходимыми поспешные, мало продуманные, да к тому же представленные в недопустимой форме шаги по интеграции в первую очередь ФРГ и ГДР. «... Нынешние перемены, — подчеркивал представитель СССР, — требуют другого — дальнейшего углубления разрядки и сближения Востока и Запада на общеевропейских принципах»²⁶.

По словам Загладина, Ламмерс говорил о необходимости активнее развернуть работу по созданию «общеевропейских структур», «структур, объединяющих страны через границы социальных систем и военных союзов», т.е. по сути поддерживал идею «общеевропейского дома».

Ламмерс говорил, что в «определенных кругах» ФРГ на перспективу обсуждалась следующая возможность: «Не создать ли своего рода пояс нейтральных государств, пересекающих всю Европу — от Швеции через Польшу, Германию, Чехословакию и Венгрию и до нейтральных Балкан? Не стоит ли всем этим странам в будущем стать “финляндизированными”?».

Аргумент К. Ламмерса при этом таков, отмечал Загладин, что «в конечном счете, все проблемы, скажем, Польши, Чехословакии в прошлом были связаны с политикой Германии и России. Если превратить всю *Центральную Европу* (курсив наш. — Э.З.)» в такие “финляндизированные” государства, это может быть для них хорошим гарантом, гарантией на будущее, которую могли бы поддержать СССР и США»²⁷. Здесь Центральная Европа мыслится уже более дифференцированно и включает страны, считавшиеся тогда «восточноевропейскими» — Венгрию, Польшу и Чехословакию. По мнению Ламмерса, это дало бы гарантии безопасности и СССР.

²⁵ НАТО. Справочник. Брюссель. 1995. С. 316.

²⁶ Архив Горбачев-Фонда. Ф.3. Основное содержание беседы В.В. Загладина с К. Ламмерсом. 20-21 декабря 1989 г.

²⁷ Там же.

В свою очередь В.В. Загладиным были поставлены следующие вопросы: согласится ли ФРГ (или в будущем объединенная Германия) стать нейтральной? Что станет в этом случае с союзами? И как отреагируют на такую идею западные державы? Не кажется ли Ламмерсу, что его идея предполагает по существу ликвидацию Варшавского договора при сохранении, в том или ином виде, НАТО?

Ламмерс ответил, что выдвигаемые в беседе идеи относятся «на период “после преодоления блоков”, когда будет создана общеевропейская система безопасности»²⁸. Тем не менее, заключал Загладин, «фактически все его (т.е. Ламмерса.— Э.З.) рассуждения в конечном счете объективно выходили на то, что Европа “от Бреста до Бреста” была бы в той или иной форме единой, а СССР и США, не исключаясь из Европы, занимали бы в ней “особое положение” — как бы внешних гарантов стабильности и безопасности. По его убеждению, такая “конфигурация” отвечала бы интересам и СССР, и США»²⁹. Уже тогда Загладиным виделась перспектива доминирования НАТО не только в Западной, но и Восточной Европе — за счет ликвидации Варшавского Договора. Ламмерс стремился снять подобные опасения, беседа закончилась уверением в возможности достижения гармонии между упоминавшимися государствами континента в ходе развития общеевропейского процесса³⁰.

Что касается идеи общеевропейского дома, то еще на переговорах 17 ноября 1989 г. в Москве Председатель Национального собрания Франции Л. Фабиус, обращаясь к Горбачеву, отметил: «Франция и ФРГ, которые были у истоков первой фазы европейского строительства, связанного с западноевропейской интеграцией, убеждены, что им необходимо в самом тесном сотрудничестве быть среди первых и в ходе наступающего этапа общеевропейского строительства. А этот этап начался, в частности, благодаря Вам и Вашей новой политике»³¹. Примечательно, что эти слова прозвучали в тот день, когда на улицах Праги начались многотысячные демонстрации, а власти были бездоказательно обвинены в убийстве студента в их ходе; с этого времени смена власти в Чехословакии становится неотвратимой.

В ответе Горбачева прозвучали следующие идеи: «Нужны Хельсинки-2, нужен подъем на все более высокий уровень Хельсинкского процесса, то есть создание общеевропейского дома. Реальные политики могут ставить вопрос лишь однозначно: не разрушать созданную в Европе систему отношений, но развивать ее на базе новых идей, трансформировать уже существующие институты на базе взаимопонимания, превращающего их в подлинные инструменты сотрудничества»³². Естественно, по мысли советского лидера, процессы, происходившие в странах восточнее границ СССР, не подрывали указанной системы отношений, и это было не иллюзорное представление, а подкрепляемое аргументами убеждение в возможности совместного продвижения в направлении демократизации. Убеждение, разделяемое — по крайней мере, на словах — большинством собеседников Горбачева. И сомнительно, чтобы можно было отыскать в архивах документы, согласно которым указанным собеседникам предписывалось говорить одно, а осуществлять другое — просто «эгоистические» интересы политиков в тем времена казались мало приемлемыми.

На упоминавшихся уже переговорах с Дж. Андреотти 30 ноября 1989 г., в день, когда, например, в той же Праге ЦК КПЧ признал неизбежность свободных выборов, Горбачев сказал: «... как нам лучше сочетать два объединительных процесса в Европе с

---

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Ф. 1. Оп.1. Запись беседы М.С. Горбачева с Председателем Бундестага ФРГ Р.Зюсмут и Председателем Национального собрания Франции Л. Фабиусом. 17 ноября 1989 г.

³² Там же.

тем, чтобы они переросли в один общеевропейский процесс, в строительство общего европейского дома, целью которого является новая Европа. Интеграционные процессы идут и на Востоке, и на Западе Европы. Как их синхронизировать с тем, чтобы в тот момент, когда мы вступаем в новый этап строительства европейского дома, нам не разрушить эту базу, экономический фундамент новой Европы. Если будет делаться акцент только на интеграцию в Восточной или Западной Европе и не будет адекватных действий в отношении интеграционных процессов в рамках Европы в целом, то желаемого результата мы не достигнем»³³.

Андреотти, говоря о «стратегии гибкого реагирования», продолжил: «Когда в 1957 году мы создавали Европейское сообщество, нас было шесть стран. И уже тогда возник вопрос: как мы будем поступать по отношению к другим государствам. В любом случае мы не стремились к закрытости. Теперь в Сообществе не шесть членов, а двенадцать. У нас хорошие отношения со всеми странами ЕАСТ, хотя там раньше тоже были подозрения. Еще до подписания соглашения с СЭВ у нас были хорошие отношения с целым рядом восточноевропейских стран. Дух нашего сообщества — это не дух замкнутой крепости. У нас есть понимание того, что процессы, которые идут по двум направлениям — экономической интеграции и политического сотрудничества, не должны оставаться в стороне от происходящего в остальной части континента. Мы считаем, что при определении планов на будущее с обеих сторон необходимо не воздвигать новые барьеры, а устранять или смягчать уже существующие»³⁴. Конечно, подразумевались в первую очередь перспективы развития стран западнее границ СССР. Именно они должны были стать местом разрушения указанных барьеров — но история распорядилась по-другому...

17 сентября 1991 г. месяц спустя после попытки августовского государственного переворота М. С. Горбачев встретился с представительной делегацией Социалистического Интернационала, возглавляемой его вице-председателем, первым секретарем Французской социалистической партии П. Моруа. Фактически это была встреча, легитимизирующая статус президента СССР в предельно сложных для него обстоятельствах.

П. Моруа выразил озабоченность будущим социализма в России, связывая его с усилением социал-демократической идеи и подчеркивая, что важно не столько словесное ее признание, сколько с реальными мерами по ее осуществлению. С этим вопросом связывалось и беспокойство относительно перспективы «общеевропейского дома». Приверженцем его строительства был и сам Моруа, признававший, что такой «дом» может обрести прочность на фундаменте социализма.

Отвечая на подобного рода вопросы, Горбачев отметил: «Сейчас задача состоит в том, чтобы придать реформам новый темп. Ориентиры остаются такими же — демократия, гласность, права и свободы человека. Это центральный пункт и это должно пропитывать все сферы жизни». Однако он был вынужден добавить: «Я постоянно подчеркиваю свою приверженность социалистической идее. Это также вызывает кое у кого зубовой скрежет. Но что, разве президент должен скрывать свои политические убеждения? Я себе этого не представляю. Но это же не исключает того, что я, как человек и как президент, с пониманием отношусь к наличию других идей и приверженности определенной части общества этим идеям»³⁵.

В ходе беседы на столь высоком уровне выявилась глубинная связь идеи «общеевропейского дома» с политикой как социалистически ориентированных партий в разных странах Западной, Центральной и Восточной Европы, так и с курсом

³³ Там же. Запись беседы М.С. Горбачева с председателем Совета министров Италии Дж. Андреотти. 29-30 ноября 1989 г.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Запись основного содержания беседы президента СССР М.С. Горбачева с делегацией Социалистического Интернационала. 17 сентября 1991 г.

Социалистического Интернационала. Однако власть уже перешла в большинстве стран Центральной Европы в руки политических сил не-, а то и антисоциалистической направленности; немногим позже распался СССР — и появился в качестве геополитической единицы регион Восточная Европа, куда входили страны — бывшие республики СССР. Идея «общевропейского дома» в связи с этим была отодвинута на задние планы, но никак нельзя согласиться с заявлениями, что ее сдали в архив. Более правильным было бы утверждать, что происходили и происходят сложные процессы ее переосмысления.

В целом же к началу XXI века так и не заполнился вакуум идей относительно возможностей продвижения к единой Европе — и одновременно остро ощущается потребность в этих идеях. На мой взгляд, концепция «примыкания» региона Центральной Европы к региону Западной Европы с перспективой — по принципу «восстающего домино» — подключения к этой структуре межгосударственного, межрегионального взаимодействия и Европы Восточной более четко, чем другие концепции, определяет общевропейскую перспективу, не отрицая моментов фундаментальной сложности соответствующих процессов. Такую концепцию можно считать конкретизацией более общей идеи «общевропейского дома», слишком поспешно сданной в архив и даже подвергавшейся осмеянию теми, кто, как показывают архивные документы, ратовал за нее при ее зарождении. Жизненной и трагической альтернативой этой идее послужил наступивший 10 лет спустя югославский кризис...

Указанная концепция решения проблемы региональной и общевропейской идентичности нуждается в дальнейшей разработке, но, как представляется, она выводит из методологического и идеологического тупика, в котором историческая и политологическая мысль находится как на западе Европы, так и в ее центре, и особенно на востоке.

Концепция «примыкания» исходит из того отмеченного выше факта, что ключевые политические процессы в рамках и Европы, и мира в целом определяются — и во все большей степени будут определяться — региональным началом в политике, а не доминированием той или иной страны³⁶. Пренебрегать потенциалом новой региональной идентичности в современных условиях — значит отдавать политику на откуп неконструктивным силам националистического характера, гибельность чего уже убедительно продемонстрирована в прошедшем десятилетии в первую очередь на землях бывшей СФРЮ, но не только на этих землях . . .

Таким образом, следует еще раз подчеркнуть, что в ходе переговоров в конце 1989 г. лидерами СССР, стран Западной Европы и «восточного блока» декларировалась неизменность организационного и количественного состава региона. Но что же было в реальности? **Революционные политические преобразования в регионе охватываются следующими временными рамками:** от *5 апреля 1989 г.*, когда в Польше было подписано соглашение между представителями правительства и оппозиции о мерах относительно свободных выборов и регистрации «Солидарности» до *декабря 1990 г.*, когда в Тиране состоялась студенческая демонстрация, в результате которой ЦК АПТ разрешил образование новых политических партий, а жена покойного коммунистического вождя Албании Неджмие Ходжа была смещена со всех постов.

Что касается **времени становления нового геополитического вектора**, то тут отсчет следует начинать фактически от *9 ноября 1989 г.*, когда была разрушена Берлинская стена (реальный факт изменения границы бывшего «восточного блока»), а

---

³⁶ Подробнее см. : Круглый стол «Проблемы региональной идентичности центральноевропейских стран» // Славяноведение. 1997. № 3. С.5-6; 17-18; 22-24; Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности. М. 2000; Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы: взгляд через десятилетие. М. 2001.

граждане ГДР начали в массовом порядке исход в ФРГ, а завершать — фактом слияния двух Германий 3 октября 1990 г.

Временной зазор между этими двумя рядами событий таков: примерно полгода от начала революционных преобразований до появления де-факто новых геополитических границ региона и немногим более двух месяцев с момента объединения до фактически полного вступления всего региона в полосу революционных преобразований. Тем самым по временному параметру смена геополитических ориентиров произошла как бы внутри волны революционного процесса.

На мой взгляд, этот факт не может не наводить на глубокие размышления относительно приоритетов демократии и геополитики. Оказалось, что и лидеры СССР, а затем России, и ряд политиков в странах Центральной Европы переоценили потенциал демократии в плане определения новых геополитических векторов развития континента. В этом отношении идея «общеевропейского дома», сама по себе благородная и с элементами политической конструктивности, неправомерно представлялась как иллюзорная.

Анализ доступных сегодня архивных материалов показывает, что не все политики представляли степень сложности проблем в связи со сменой региональной идентичности. Из этого анализа нельзя не сделать выводы и о том, что слишком многие возможности в данном плане, в первую очередь связанные с потенциалом общеевропейской идеи, так и не были использованы. Быть может, их время наступит в наступившем XXI веке — несмотря даже на то, что конец века ушедшего был омрачен пожаром войны, одной из причин которой стала, на мой взгляд, политика слишком поспешной смены региональной идентичности в наиболее нестабильной части Центральной Европы — в ее южном субрегионе, то есть на Балканах. События 11 сентября 2001 г. в далеком от Европы Нью-Йорке и реакция на них в первую очередь со стороны США, выразившаяся в прошедших военных действиях в Афганистане и готовящихся в Ираке — еще один аргумент необходимости европейского единения. Но это уже предмет дальнейших исследований.

Рассмотренные же документы свидетельствуют о победе на рубеже 80-х-90-х годов XX века «реальной политики» (Realpolitik) в варианте Г. Коля, а не горбачевской политики строительства «общеевропейского дома» без слома перегородок между государствами (ФРГ и ГДР) и внутри них (ЧСФР и СФРЮ). Первая сводилась к ничем не остановимому слиянию ФРГ и ГДР с перспективой полноправного вхождения нового государства в НАТО, а также приобщения к альянсу всех государств формирующейся Центральной Европы. Вторая начала превращаться в один из проектов «вечного мира», который хорош-де на словах, но вряд ли осуществим на деле (такая оценка латентно содержалась в заявлениях практически всех западно- и центральноевропейских политиков). Слом политико-государственных и иных перегородок между народами, особенно на Кавказе, в пределах Балканского полуострова, породил свои и немалые трудности, так что в деле сооружения общеевропейского дома еще, как говорится, и «нулевой цикл» не завершен . . . То есть в XXI век Старый континент вступил с огромным грузом проблем, и новым поколениям теоретиков и практиков создания системы эффективного и безопасного межгосударственного, межнационального сотрудничества работы хватит еще надолго.

Со времени встреч на высшем уровне, отраженных в документах Архива Горбачев-фонда, прошло уже более 13 лет. Меняется не только интерпретация этих встреч, но зачастую игнорируется и сам их факт... Если бы не архивные записи, путь ряда политиков стран Западной и Центральной Европы (последних — в НАТО, как «цитадель демократии») выглядел бы прямым и неуклонным в плане освобождения от «коммунистической тирании», а заодно и отбрасывания реальных наработок социализма. Однако приведенные документы показывают, что это был куда более сложный процесс, в котором немалую роль играла добрая воля политиков еще существовавшего СССР. Их роль в конструктивном решении вопроса о смене геополитического вектора стран

Центральной Европы, а также в поиске фундамента «общеевропейского дома», который только предстоит строить, недооценивать нельзя. Равно как и готовности содействовать этому многих политиков стран нынешней Центральной Европы. Приведенные документы в этом плане говорят сами за себя.

Селезнёва Л.В.

Устойчивый миф об истоках нового внешнеполитического мышления

Внешняя политика М.С. Горбачева привлекает пристальное внимание всех без исключения крупных специалистов в области новейшей истории нашей страны (Д. Хоскингс, Д. Миллер, Р. Сервис, А. Браун и др.) Их внимание привлекают истоки нового политического и внешнеполитического мышления. По мнению Д. Хоскинга, лабораториями новых подходов стали некоторые советские «мозговые центры», такие как ИМЭМО, редакция журнала «Проблемы мира и социализма», сотрудники которых имели большую возможность для получения отличной от советского официоза информации. Именно оттуда вышел ряд членов горбачевской «команды» А. Черняев, В. Загладин и др. (D. Hoskings Russia and Russians. London, 2000. P.572)

Исследователи обращают внимание на то, что Михаил Сергеевич Горбачев стал инициатором прекращения «холодной войны», радикального изменения подхода к международным отношениям. Он сумел преодолеть предубеждения и недоверие со стороны западных лидеров - М. Тетчер, Р. Рейгана и др. (А. Браун, Д. Хоскингс).

Внешнеполитическая доктрина советского руководства горбачевского «призыва» не осталась пустой декларацией. Она воплотилась в реальные действия, направленные на уменьшение конфронтации и напряжения в мире: вывод советских войск из Афганистана, сокращение количества ракет средней дальности и обычных вооружений, прекращение Варшавского Договора и поддержки мирового коммунистического движения.

Вместе с тем как специалисты, так и широкая общественность на Западе полагают, что главной причиной изменения внешнеполитического курса СССР было плачевное состояние его экономики, не позволявшее эффективно участвовать в современной гонке вооружений. Они определенно делают вывод о безальтернативности новой внешней политики СССР, но склонны трактовать безальтернативность как фатальную неизбежность: в середине 80-х годов СССР в любом случае был вынужден пойти на сотрудничество с Западом. По нашему убеждению, это достаточно односторонний подход, не принимающий в расчет степень знания советским руководством реального состояния советской экономики, а также влияния идеологических стереотипов (например, о бесспорном преимуществе социалистической экономики над капиталистической) на оценку перспектив ее развития. Видимо, адекватная и сбалансированная оценка содержится как в мемуарах М.С. Горбачева, так и в его биографии, написанной А. Грачевым.

«Реальных цифр расходов на ВПК они, будучи в то время во втором эшелоне власти, разумеется не знали. Как потом признавался Михаил Сергеевич, даже переместившись на высшие посты, она, к своему изумлению, обнаружила, что подлинные суммы затрат не были известны и высшему руководству.»(А. Грачев «Горбачев». М., 2001.С.178). Более того, «в реальность угрозы СОИ в Москве не верили. Комиссия академика Велихова, созданная еще при Андропове, пришла к заключению, что эта система эффективно работать не будет (впоследствии это подтвердилось), а военные и ВПК предложили сразу несколько вариантов «асимметричного ответа» американцам. «СОИ для нас – не проблема- говорил Горбачев в Рейкьявике. Нам достаточно 10 % от стоимости вашей СОИ, чтобы обесценить ее. Проблема в Договоре по ПРО и в стратегической стабильности, которую он гарантирует.»(Там же. С.198-199)

Таким образом, на Западе, как ни странно, явно недооценивается, по нашему мнению, роль собственно «Горбачев-фактора», сложность выработки абсолютно новой по сравнению со всем семидесятилетним советским опытом, доктрины внешней политики, трудность внутривластной борьбы по этим вопросам, драматизм изменения мировоззренческих, идеологических, психологических установок. Это понимает один из наиболее глубоких знатоков России Джон Биллингтон (США). В позднейшем интервью он дал, возможно, самую адекватную оценку историческому повороту, который был начат в середине 80-х годов.

Советская система и империя исчезли не в результате вооруженного восстания, армейского заговора или гражданской войны, как можно было ожидать, а в результате моральной революции, совершенной, добавим от себя, моральными людьми во главе с моральным лидером – М.С. Горбачевым.

Практически абсолютно не рассматривается одно из самых долговременных и до сих пор никем достаточно не оцененное направление внешней политики «перестройки» – прямая или «народная» дипломатия, вовлекающая и вовлекающая в непосредственное общение миллионы людей, живших десятилетиями по разные стороны «железного занавеса» и способствующая демонтажу «образа врага».

Некоторые недостатки специалистов компенсируются западным общественным мнением, которое видит в прекращении «холодной войны» прежде всего громадную заслугу М.С. Горбачева и его внешнеполитической команды.

«Перестройка как опыт преодоления тоталитаризма: выводы для будущего»

4 марта 2003 г.

Участники дискуссии:

Горбачев М.С. – Президент Горбачев-Фонда

Здравомыслова О.М. - кандидат философских наук, руководитель Общественно-политического центра Горбачев-Фонда.

Кувалдин В.Б. - доктор исторических наук, профессор, руководитель круглого стола «Экспертиза».

Черняев А.С. - кандидат исторических наук, руководитель проекта Горбачев-Фонда.

Загладин В.В. - кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор, академик РАН, руководитель проекта Горбачев-Фонда.

Сараскина Л.И. - кандидат филологических наук.

Яковлев Е.В. - писатель, публицист.

Медведев В.А. - доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН.

Серебрякова З.Л. - доктор исторических наук.

Бурлацкий Ф.М. - политолог, доктор философских наук, профессор.

Шейнис В.Л. - профессор, депутат Государственной Думы РФ.

Славин Б.Ф. - доктор философских наук, профессор, главный редактор газеты «Новая жизнь»

Берелович Алексис - директор Франко-Российского центра Общественных и Гуманитарных наук в Москве.

Шевцова Л.Ф. - ведущий исследователь Центра Карнеги

Яблоков А.В. - Президент Центра экологической политики

Никонов В.А. - Президент Фонда «Политика»

Даниэль А.Ю. - руководитель исследовательской программы «История инакомыслия в СССР», Общество «Мемориал».

Самодуров Ю.В. - директор Музея и Общественного центра им. А.Д. Сахарова.

Межуев В.М. - доктор философских наук, главный научный сотрудник Ин-та Философии РАН.

Барсенков А.С. – доктор исторических наук, профессор, Исторический факультет МГУ

Седов Л.А. – доктор философских наук, ведущий исследователь ВЦИОМ

Материалы, подготовленные участниками проекта

Маслов Д.В. - кандидат исторических наук, доцент Московского Государственного Индустриального Университета (филиал в г. Сергиев Посад). «**Эволюция конкретно-исторического содержания тоталитаризма**».

Бородич В.Ф. - кандидат юридических наук, Институт Дальнего Востока РАН, МПГУ. «**Политическая трансформация в России и Китае и тоталитаризм: опыт сравнительного анализа**».

Лукьянов Д.В. - Факультет истории, политологии и права РГГУ. «**Историографическая феноменология десталинизации в период перестройки**».

Чечель И.Д. - кандидат исторических наук, ассистент кафедры Истории отечества новейшего времени ИАИ РГГУ. «**Заметки об исторической правде. "Сталинизм"**».

Выступления в дискуссии

Здравомыслова О.М.

Ни для кого не секрет, что нынешняя тема возникла сегодня неслучайно, потому что ровно пятьдесят лет назад произошла физическая гибель нашей отечественной разновидности тоталитаризма, а именно сталинизма.

В названии конференции мы не употребили слово «сталинизм», поскольку решили поставить акцент на том, что во второй половине восьмидесятых годов началась критика советской истории. Эта критика была не огульным отрицанием, а попыткой понять природу общества, в котором мы жили. Без этого двигаться дальше было невозможно. Впервые, в опубликованных в СССР, на русском языке, работах появилось обозначение болезни, которая мешала обществу дышать и развиваться. Эта болезнь – тоталитаризм.

Это был интеллектуальный прорыв, который задал движение к освобождению, дал много пищи для размышлений, послужил стимулом демократизации. Но хотя исследования продолжались, публичные дискуссии на эту тему "застопорились" в начале девяностых годов, оставив много не до конца разгаданных загадок.

Одна из них – загадка восхождения на вершину власти личности, давшей название советскому тоталитаризму - личности Сталина. Другая (используем здесь точное высказывание Михаила Гелфтера) - загадка пассивности, недостаточности сопротивления тоталитаризму, которое было самым ядром сталинизма. Перечисление «белых пятен» в нашем понимании происшедшего можно продолжать. Поэтому сегодня мы еще раз поднимаем вопрос о советском тоталитаризме и адресуем его исследователям и общественности.

Я хочу обратить ваше внимание на цифры, которые несколько дней назад представил Всероссийский центр исследований общественного мнения (ВЦИОМ).

Спрашивали об отношении к Сталину и сравнивали ответы за десятилетие - с 1989 по 1999 годы. Первый замер был сделан во время перестройки. Тогда Сталина назвали

выдающимся деятелем современной истории и выдающимся деятелем России 12 процентов опрошенных. В 1994 году таких ответов было уже 20 процентов, а в 1999 году - 35 процентов. По самым последним данным, их, примерно, треть. Доля людей, которые негативно относятся к Сталину и сталинизму составляет сейчас 46 процентов.

Есть очевидное объяснение такой эволюции в признании заслуг Сталина: длительная кризисная ситуация, все более заметное социальное расслоение российского общества, неуверенность большинства граждан в собственном будущем и будущем своих детей. Можно попытаться понять через эти цифры наши перспективы - сменяется поколение и изменяется отношение к Сталину. Если становится более благожелательным, то есть ли это только знак принятия собственной истории со всеми ее ошибками и трагедиями или же стремление найти в прошлом ценности, потерянные в настоящем, но важные для будущего? Хотелось бы ответить и на эти вопросы.

Кувалдин В.Б.

Предыдущее заседание "Горбачевских чтений" было посвящено внешней политике периода перестройки. Я не готов сейчас воспроизвести ее богатое содержание. Но в итоге, в воздухе повис вопрос – вопрос не слишком удобный и для горбачевской команды, и, наверное, для всего поколения шестидесятников. Чем все-таки была внешняя политика перестройки? Был ли это единственно спасительный рецепт мироустройства в эпоху глобализации или же идеализм, не выдержавший сурового испытания реальной политикой?

Ответа не было, и, мне кажется, что дать его пока невозможно, потому что ответ на этот вопрос, видно, будем давать не мы, а история.

На сегодняшнем заседании мы будем вынуждены задать себе еще более неприятный вопрос. Тема сегодняшнего разговора – преодоление российского тоталитаризма. Сам собой напрашивается вопрос о том – а преодолен ли он? И если да, то где мы оказались? Более того, можем ли мы вообще выйти за рамки той политической системы, одной из исторических форм которой, собственно, и был отечественный сталинизм?

Наше сегодняшнее обсуждение как-то расположилось между двумя датами – днем рождения Михаила Горбачева и днем смерти Иосифа Сталина.

Историческая оценка роли Михаила Горбачева ещё предстоит. А вот оценка и переоценка сталинского наследия интенсивно идет полвека. Ольга Здравомыслова говорила об оценке Сталина, которая существует сегодня в общественном сознании. То, что она сказала, полностью совпадает с моим ощущением происходящего.

Мне кажется, что, как ни парадоксально и ни печально, Сталин как историческая фигура сильно вырос за последнее десятилетие.

Думаю, что все присутствующие прекрасно помнят культовый фильм периода перестройки «Покаяние». Мне кажется, что сейчас честный и чуткий режиссёр был бы вынужден сделать другой финал. В этом финале тело диктатора не вытаскивают из могилы и не выбрасывают на свалку.

Сегодня впечатление такое, что Сталин сам поднялся из могилы, что он смотрит на нас, саркастически улыбается и вопрошает: ну что, доигрались, голубчики со своей демократией? По крайней мере, он, как историческая фигура вправе задать такой вопрос. Не потому, что появились основания, чтобы реабилитировать чудовищные преступления сталинизма. Не потому, что он создал жизнеспособную и эффективную систему, способную модернизировать Россию, а потому, что та альтернатива сталинизму как методу управления страной, которая возобладала в посткоммунистической России, пока что оказалась не слишком убедительной.

Россия сегодня, гораздо менее модернизированная страна, чем был Советский Союз в конце 80-х годов. По крайней мере, по основным показателям социально-экономического развития, таким, как уровень образования и здравоохранения, развитие

науки и высоких технологий, место, которое страна занимает в мире, продолжительность жизни и т.д. И от этих вопросов нам никуда не уйти. Конечно, казалось бы, страна сама постановка этого вопроса для России, страны европейской, поскольку весь опыт Европы свидетельствует, что демократические системы эффективнее тоталитарных и авторитарных. Даже если взять страны, где переход к демократии произошёл позже других, например, Испанию, Португалию, Грецию, то сегодня это вполне нормальные демократические общества, полноправные члены процветающего Европейского Союза.

Можно поставить и более сложный вопрос – насколько удастся создать эффективные демократические системы, скажем, на Востоке? Об Индии говорят как о самой крупной демократии в мире. Здесь, конечно, большие знаки вопроса, поскольку в самой крупной демократии половина населения бедна и неграмотна. Даже такая страна, которая, безусловно, причисляется к демократическому миру, как Япония обладает своеобразной политической системой, в которой одна партия на протяжении десятилетий играет доминирующую роль. Огромные знаки вопроса в отношении будущего Китая – сможет ли он создать свою демократическую систему?

Но, казалось бы, в Европе эта проблема решена. Почему же она столь остра и мучительна в России? Почему у нас нет полной уверенности в отношении перспектив демократии в России? Мне представляется, что ответ во многом подсказывают два наших интересных историка. Я имею в виду Юрия Пивоварова и Андрея Фурсова, которые три года назад опубликовали статью о Русской Системе как единственном реальном субъекте российской истории, системе, которая не допускает формирования других субъектов, политической системе, которая сращена с собственностью и при которой собственность в современном понимании даже не существует и не формируется, а формируется некая материальная субстанция; не формируются и классы, как социальные макрогруппы.

Сегодня, мы вышли из советской системы, но большой вопрос: вышли ли мы из Русской Системы? Той системы, которая всегда была демиургом развития России, по крайней мере, в течение пяти последних веков, то есть всего периода Модерна.

Когда мы пытаемся ответить на повисший в воздухе вопрос - почему так трудно выйти из неё, я бы хотел напомнить (не пытаясь это расшифровать), о трех тяжелых крестах российской истории. Это – крест пространства, крест империи и крест догоняющего развития.

Мы теряем пространство на всем протяжении XX века, но все равно остаемся самой большой страной в мире, вдвое превосходящей любую другую по территории.

Империи тоже вроде бы нет, но есть ее, по-видимому, какие-то важные её составляющие. Иначе трудно понять то, что происходит в Чечне.

А вот императив догоняющего развития, пожалуй, стал еще более острым, чем он был в середине 80-х годов.

Основной вопрос, о котором хотелось бы поговорить сегодня: в принципе можем ли мы выйти за рамки Русской Системы, которая ведёт нас особым путём? Она обеспечивает развитие, поскольку является основным субъектом российской модернизации. Она же его блокирует.

Конечно, поиски ответа очень трудны. Сами авторы идеи указывают на одно очень важное обстоятельство: Русская Система развивалась в тесной связи - и во многом синхронизируясь, а в чем-то и противореча - с мировой системой, особенно в новейшее время.

Если обратить внимание на эту сторону дела, то есть сложную, противоречивую взаимосвязь между российским и общечеловеческим развитием (этому посвящена последняя монография Фонда «»), то, скажем, и глобализация, которая сейчас бурно развивается, тоже не известно, по какому пути пойдет. Сталкиваются, борются, взаимодействуют различные глобализационные проекты. И совершенно не факт, что победит в этом столкновении демократический проект. Есть очень мощные силы, которые работают на ослабление демократии, сужение демократии даже в том далеко не

совершенном виде, в каком она утвердилась в XX веке, не говоря об ее дальнейшем развитии. Безусловно, это окажет свое воздействие и на российское общество.

Резюмирую: сегодня мы прекрасно понимаем, что сталинизм – это не выход, это не модель, это не спасение для России XXI века. И Русская Система в том виде, в котором она существовала в течение пяти веков, это тоже не решение. Что мы понимаем сегодня гораздо хуже: что можно противопоставить этому в наших условиях? Какой может и должна быть историческая альтернатива, способная обеспечить развитие России по пути либеральной демократии?

Черняев А.С.

Перестройка – это попытка остановить скольжение страны по наклонной, которое началось сразу после войны.

Я не согласен с утверждением, будто период тоталитаризма дал и большие достижения, что он был прогрессом.

Железным обручем тоталитаризм держал страну и даже как-то давал ей развиваться, хотя по человеческим нормам и по историческим критериям XX столетия это развитие было **ложным**.

Тоталитаризм был причиной начавшейся деградации страны.

Что же он такое, этот советский тоталитаризм?

Что конкретно призвана была опрокинуть перестройка?

Попробую перечислить главные пункты.

Но сначала – два предварительных замечания.

Происхождение нашего тоталитаризма – в несвоевременности нашей Революции, в ее внутренней несостоятельности, несмотря на мощный размах и всемирный резонанс. (Это не означает, что я подвергаю сомнению необходимость и неизбежность Октябрьской революции).

Все случилось по знаменитой формуле Наполеона, которую он произнес, правда, уже на о. Святой Елены: «Революции задумываются идеалистами, осуществляются палачами, а ее результатами пользуются проходимцы». Но у нас всегда не как у всех. У нас вторые и третьи действовали долгое время одновременно. А в горбачевский период (если считать Перестройку революцией) выпало, к счастью, среднее звено – «палачи».

Чтобы удержать власть, тем, кто пришел после Революции, нужны были меры и методы, противоестественные для нации.

И они были применены. В результате и сложился советский, сталинистский тоталитаризм, который можно датировать с конца 20-х до 1985-го года.

Каковы его основные черты? Они модифицировались от этапа к этапу, но в целом и во взаимовлиянии суть оставалась.

Я буду перечислять вполне банальные вещи. Кстати, весь ужас в том, что эти банальности стали нормой жизни, что миллионы людей признали их нормой. До сих пор так считают многие. Отсюда - ностальгия по прошлому.

Итак, основные свойства нашего тоталитаризма.

1. Монополия одной, авторитарной партии, ее всепроникающее присутствие не только в общественной жизни, но и в личных взаимоотношениях, в душевных и интеллектуальных побуждениях, поведении и поступках людей.

2. Концентрация абсолютной власти в руках вождя и его сначала обожествление, а потом – инерция непререкаемого авторитета генсека как ключевого звена режима.

3. ГУЛАГ – как символ репрессивности режима, как генератор страха, обеспечивающего послушание и насаждающего рабскую психологию. Но и – как институт принудительного бесплатного труда, т.е. как материальный источник продолжения существования строя, того самого «развития» страны.

4. Особая роль спецслужб – ОГПУ, НКВД, КГБ и др. не только как орудия репрессий, запугивания и морального подавления, но и как источник специфического

влияния на политику, внутреннюю и внешнюю. Они, плюс антиправовая по сути судебная система насаждали доносительство и всеобщую подозрительность, разлагая духовное и нравственное здоровье нации.

5. Ликвидация миллионов населения и активных слоев общества по политическим мотивам. Геноцид в отношении некоторых народов, прямой или косвенный.

6. Закрытость общества от внешнего мира и от самого себя – через цензуру, идеологическое подавление и ложь, как стержень пропаганды и информации.

7. Дезавуировано и обезличено было русское национальное ядро страны–империи. Потом попытались воссоздать его искусственно – через лицемерную русификацию и шовинизм. Это очень скоро подорвало унаследованную от Великой революции идеологическую **легитимность строя – интернационализм**.

8. Официально отрицаемый, но столь же официально внедряемый и практикуемый **антисемитизм** – с тяжелыми последствиями, нравственными, общественно–политическими, научно–культурными и международными.

9. ВПК и милитаризм как силовая, материальная, экономическая, научно–техническая опора строя, приучавшая людей к нищенскому бытию и уродовавшая массовое сознание (комплекс «смертельной внешней угрозы», окруженности врагами).

10. Антигуманная направленность научного творчества, исследовательской деятельности. Развращение общественных наук, которые, перестав быть наукой, превратились в инструмент оправдания лжи и квази–патриотического хвастовства.

11. Контроль за культурой, реализацией талантов. Подавление отклонений от догм и установок **руками самой интеллигенции** – через институты культуры, которые носили фактически политический и полицейский характер.

Однако здесь, в этой сфере, советский тоталитаризм допустил «прокол».

В силу того, что Революцию подготовили и совершили дворяне, интеллигенция, происходящие из этих слоев большевики во главе с Лениным, они не дали сбросить великую русскую культуру «с корабля современности». Поскольку нужна была грамотность (а это не только «Аз–Буки», «Рабы не мы, мы не рабы» и т.п.) и надо было создать советскую интеллигенцию для «строительства социализма» (а ее не вырастишь только на «истории ВКП(б)»), наследие великой русской культуры не было уничтожено полностью. Напротив, его стремились поставить «на службу советскому режиму» (и небезуспешно).

Поколения образованных людей впитывали благородные соки русской культуры. А она оказалась несовместимой с тоталитаризмом и в конце концов опрокинула его.

***

Русская культура, приняв облик Перестройки, в принципе, покончила с советским тоталитаризмом. Но она не смогла противостоять самым подлым, самым разнузданным и безответственным, самым аморальным силам, которые копились в недрах России столетиями, десятилетиями, годами.

Россия отдалась им. И они быстро и успешно создают предпосылки для ее исторического исчезновения.

Однажды Горбачева спросили: скажите - может быть, всего одним словом - что уничтожило советскую систему? Он сходу произнес: «Культура!».

Так вот, отказавшись от своего великого культурного достояния – ценности всемирного масштаба, – Россия лишила бы себя последнего шанса спастись как нация и великая страна.

Загладин В.В.

Надеюсь, что в будущем опыт преодоления тоталитаризма нам уже не понадобится. Но уроки строительства демократии и сегодня актуальны.

Сначала общее соображение. Говорят, - ломать - не строить. Но думаю, что это относится и к преодолению тоталитаризма. Больше того, подлинное преодоление

тоталитаризма как раз и предполагает одновременное разрушение его основ и созидание нового, демократического устройства общества. Если стремиться только к разрушению тоталитаризма, не воздвигая здания демократии, успеха не будет. Более того, так можно создать предпосылки реставрации того, что хотим разрушить.

Так уже было, - в пятидесятые годы, когда «разоблачение культа личности и его последствий не сопровождалось мерами по подлинной демократизации общества. Итог – сталинизму был нанесен сильный удар, но тоталитаризм сохранился. Впрочем, может быть, это и было целью?»

Период перестройки тем и важен и замечателен, что преодоление тоталитаризма именно и шло, как созидание демократии. Конечно, не сразу все было ясно, «проект» перестройки развивался - все время, до момента, когда она была по существу насильственно прервана. Но общий маршрут, тем не менее, очевиден.

Не претендуя на полноту - несколько замечаний.

Прежде всего, процесс преодоления тоталитаризма и созидания демократии с самого начала шел как процесс постепенный, поэтапный. Многие тогда настаивали на том, что надо идти быстрее, действовать энергичнее. Но такой подход можно сравнить с крушением плотины: если она быстротечно рухнет, вода все вокруг снесет, разрушит, затопит. Стихия опасна и, в том числе, в политике.

Постепенность, поэтапность была необходима уже потому, что надо было учитывать состояние, ментальность элиты, руководства, большинство которого (вспомним путч 1991 года!) не была готова к переменам демократического толка и не хотела их. Надо было также учесть и менталитет большинства граждан, их неготовность к переменам, а одновременно, и характер народа нашего - если крушить, то до конца. Слишком резкие движения руководства могли вызвать разрушительную стихию.

Постепенность, поэтапность себя оправдали. Отход от них (реформа 1992 года) продемонстрировал пагубность спешки, непродуманной скорости, да и характера преобразований.

Другой момент. Преобразования перестройки шли параллельно по двум направлениям: практические шаги по разрушению основ тоталитаризма, включение в этот процесс масс (через гласность), а одновременно, создание новой правовой основы демократической жизни.

Понятно, сначала преобладало первое, но уже с 1988 года оба процесса шли одновременно. И это обеспечивало прочность перемен. Конечно, тогда не было (да поначалу и не могло быть) четкого плана всех преобразований. Все шло в динамике, в борьбе противоположных тенденций, нередко в бореении страстей. Но можно сказать, что, начиная с XIX партийной конференции, план по существу уже был.

Еще раз подчеркну - было бы невозможно осуществить задуманное без обращения к людям, к массам, без вовлечения их в процесс творения нового бытия. С этой точки зрения решающую роль играли два фактора - прямое обращение власти к народу, постоянное общение с ним Генерального секретаря (хоть его потом и обвиняли в многословии, в повторении одних и тех же идей) и конечно — гласность.

В разных сферах жизни процесс преодоления тоталитаризма шел по-разному. Пожалуй, очень трудно - в экономике. Тут шли постоянные сражения со старым менталитетом, со старыми привычками командной экономики. Но сказывались и вполне очевидные материальные интересы, начиная с интересов руководителей предприятий. И по сути дела, хотя нужные решения (трудно, нередко с опозданием) принимались, их выполнение шло медленно, с трудом. Кроме всего прочего сказывалось и то, что, если сильные хозяйственники были, то сильных, современных по духу экономистов явно не хватало.

В игравшем столь большую роль для страны национальном вопросе поначалу негативную роль играли старые традиции. В Якутии, в Казахстане первые выступления с национальными требованиями были осуждены и заклеены как националистические.

Этот элемент, разумеется, присутствовал. Но не он играл главную роль. Важно, однако, что принятые по старой традиции первоначальные решения были быстро пересмотрены, о чем и заявлено гласно, открыто. Вообще по ходу перестройки примеры самокритичного отношения руководства к своим решениям играли заметную позитивную роль.

Огромную и, мне кажется, недооцененную до сих пор роль в преодолении тоталитаризма играли внешняя политика, новое мышление. Конечно, я имею в виду, прежде всего, создание необходимых внешних условий для перестройки. Любой шаг по пути преодоления конфронтации, «холодной войны» имел экономическое значение - помогал отличать бремя военных расходов (впрочем, до 1989 года они еще росли). Но не меньшее значение имела политическая сторона дела.

Разрушение внедренного за десятилетие в умы образа СССР как «осажденной крепости», долженствующей терпеть все, было предпосылкой внутреннего освобождения людей, демократической раскрепощенности общества.

Наконец, новое мышление несло огромное идейное содержание, то есть имело большое идеологическое значение, подрывая сами основы многих духовных бастионов тоталитаризма. Я пытался сказать об этом, получив слово на Пленуме ЦК, но, кажется, был недостаточно убедителен. Да к тому времени я сам еще далеко не все понял.

Между тем, по сути дела именно новое мышление было по-настоящему демократическим духовным прорывом. Не случайно наша печать скромно и слабо развешивала его идеи (идеи выступления М.С.Горбачева на встрече партий и движений перед 70-летием революции по существу вообще замолчали), а затем вроде бы в порядке «открытой дискуссии» стали в основном пропагандировать идеи совсем иного рода.

В этой связи надо сказать, что с идейной точки зрения гласность иногда давала негативные результаты. Понятно, что нельзя было только что, обеспечив свободу слова тут же начать ее нарушать. Но не оправдано то, что не удалось обеспечить более ясную и четкую защиту и пропаганду новых идей. Это также важный урок. В том числе и на будущее.

В этой связи. Существует немало легенд, связанных с последним периодом нашей истории. Какие-то старые легенды ушли, были разрушены, но появились и новые. Одна из них - будто разрушение тоталитаризма, утверждение принципов демократии и свободы произошло только после распада СССР, только в России и только под водительством Б.Н.Ельцина. Полная неправда! Все это - дело рук перестройки. Не все тогда удалось завершить, но прочная база была заложена. Произошла подлинная революция, - не по форме, а по содержанию.

Сараскина Л.И.

Тот факт, что сегодня, спустя 15-17 лет от начала перестройки, мы имеем возможность прямо, в лицо, высказывать Михаилу Сергеевичу Горбачеву не только слова благодарности за перемены в нашей стране, не только комплименты как выдающемуся государственному деятелю, но и серьезные упреки, критические замечания, – свидетельство состоявшейся в нашей стране демократизации. Ведь Горбачев мог бы вести себя совершенно иначе - “забронзоветь”, никого не подпускать к себе с какой бы то ни было критикой, окружить себя только комплиментчиками, и уж во всяком случае, не устраивать дискуссий, на которых можно услышать вещи нелицеприятные.

Поэтому в моем опыте “случай Горбачева” - единственный случай, когда крупный государственный деятель, лидер страны, сделавший что-то крупное, серьезное, спустя годы открыт критике по поводу собственной своей деятельности и ее результатов.

Для меня это факт несомненный, при всей моей критической настроенности к тому, что, собственно, случилось в нашей стране за эти годы.

Хотя демократические перемены в нашей стране – факт очевидный и, надеюсь, неотменимый, мне все чаще кажется, что наше перестроечное сообщество, то есть мы, активисты гласности (я и себя причисляю к этому кругу), были интеллектуально и

морально не готовы к тому, чтобы публично обсуждать те серьезные проблемы, которые стояли тогда на повестке дня.

Почему не готовы? Мы очень долго сидели, так сказать, в глубокой политической щели и помалкивали; закрытость общественной жизни и отсутствие любой возможности выразить себя публично создали эффект парового котла. Но потом, когда наступила “благословенная гласность”, а вместе с ней нахлынуло половодье политических чувств, многие из нас, из тех, кто тогда искренне и горячо высказывался по главным и ключевым проблемам времени, оказались людьми наивными и несведущими. Мы говорили как бы “вообще”, исходя из соображений общегуманитарного порядка.

Сегодня мне даже кажется, что из выступлений таких вот наивных и мало компетентных глашатаев перестройки была сделана дымовая завеса. Пока так называемые “прорабы перестройки”, перестройщики и демократы создавали новый общественный агитпроп (или скажу грубо, - “сотрясали воздух”), в стране делалось что-то совершенно другое – обратное и противоположное тому, что декларировалось публично, в прессе, в обществе.

У меня лично есть чувство стыда за свое участие в некоторых дискуссиях.

Помню одну из дискуссий 1988 года, которая проходила в “Веке XX и мире”, замечательном перестроечном журнале, по теме “Место армии в обществе”. Были и другие круглые столы о проблемах армии.

Мы, активисты гласности и представители общества, доказывали собеседникам генералам и старшим офицерам, что армия нам вообще не нужна. Мы риторически вопрошали: ну кто на нас нападет, кому мы нужны? Ведь теперь – мы не империя зла, а демократическая страна. Мы открыты всему миру. Мы никому не угрожаем, это раньше мы были волки, но теперь мы вполне мирные овцы. И раз мы никому не угрожаем, кто же на нас теперь может поднять руку?

Мы с пеной у рта доказывали генералам и военным специалистам, что все зло - в военно-промышленном комплексе, который пожирает все соки страны. Мы призывали обратить все усилия на развитие внутреннего потенциала, на развития экономики и благосостояния людей. Нам надо перестать быть Верхней Вольтой с ракетами, говорили мы. Потому нужно немедленно разоружиться, даже в одностороннем порядке. Нужна конверсия, нужно переводить все наше вооружение на мирные рельсы и вместо ракет делать кастрюли. Причем, говоря это, мы были совершенно искренними. С нашей стороны – людей невоенных, нечиновных и не занимающих никакого серьезного положения в государственной иерархии – это было искреннее, честное убеждение.

Мы сами сдали все, что имели. Мы доказывали Западу, что не хотим больше быть пугалом и вести себя как мировой жандарм. И мы стали дымовой завесой для тех, кто под шумок распродал все направо и налево, кто вооружил Чечню, кто обескровил промышленность и пустил страну по миру. Михаил Сергеевич Горбачев написал книгу “Общечеловеческое мышление для России и для всего мира”, но мир не воспользовался этой моделью, и преподал нам тяжелый урок – кулачного права, насилия сильных и беспомощности слабых. Кто силен, тот и прав - вот как, оказывается, устроен тот мир, на который мы хотели равняться и которому хотели подражать. Как только мы стали слабыми, нас задвинули на периферию мира, как страну, с которой не надо считаться. А потом была Югославия, теперь вот Ирак... И мы, призывавшие военных разоружаться, теперь должны кусать локти, вспоминая былую военную мощь СССР и его политическое влияние в мире. И что характерно: пока активисты гласности мечтали о стране без армии и без оружия, какие-то крутые дяди приватизировали промышленность не в пользу демократии, а в пользу своего кармана, под шумок становясь миллионерами и миллиардерами.

Мне кажется, что каждый из тех, кто был прорабом перестройки и активистом гласности, должен, хотя бы самим себе, отдать отчет во всех последствиях этой косной стихии – некомпетентности, близорукости и бесшабашности. Та самая перестроечная

общественность, которая была, что называется, демобилизована и призвана в гласность и демократию, чаще всего не ведала, что творила. Но политики-то как раз знали, что делали. И на них лежит тяжелая вина за все ими содеянное по развалу промышленной и военной мощи страны.

Эта некомпетентность, безответственность и необыкновенная легкость в мыслях, которая стала тогда всеобщим политическим поветрием, имела и свои плюсы, и свои минусы, конечно. Плюс – в открытом обсуждении проблем. Минус – в безграмотности и безответственности, с тяжелым результатом: ведь общество не преодолело тоталитаризм, а лишь привыкло, как школьник, кричать и шуметь на большой перемене.

Мы вышли из тоталитаризма “имени товарища Сталина”. Мы худо-бедно осознали, что Сталин и сталинизм – это абсолютное зло. Но тоталитаризм – это не фамилия и не усы того или иного вождя. Это способ мышления, это ментальность, это установка поступать согласно той самой ленинско-сталинской политической целесообразности и собственной политической выгоде. Это стремление быть мировым жандармом всегда и везде, если позволяет кулак, и если нет отпора. И вот сегодня “либерализм” стремится повсеместно оправдать такую политическую целесообразность. Потому мне кажется, что мы живем в стране, где торжествует “либеральный террор”.

Опыт сопротивления либеральному террору – это один из самых тяжелых гражданских опытов, и я это очень хорошо знаю, ощутила на себе. Напомню, что либеральный террор – это то, что погубило Россию XIX века. Это то, что привело к крушению государства и к революции 1917 года. Это – такое состояние общества, когда государство тотально не уважается и когда лозунг “поражения своего правительства” – главенствует, как он главенствовал при большевиках, рвавшихся к власти. Это когда в интеллигентном обществе иначе, чем “проклятый режим”, говорить о своей стране неприлично, иначе прослывешь реакционером, красно-коричневым и т. п.

Так что давайте не заговаривать себе зубы именем Сталина. Давайте не бахвалитесь, как мы отважно и либерально преодолели тоталитаризм. Давайте видеть проявления тоталитаризма не только в прошлом нашей страны, а в своем сознании и в современном мире.

Яковлев Е.В.

Среди вопросов, которые любезно представил Фонд перед этой дискуссией, меня очень заинтересовала тема «Критика советской истории как путь гласности и демократизации».

В период тоталитаризма история была “храмом”, к которому нельзя было притронуться, и в то же время с ней можно было делать все, что угодно. Вот Сталин, допустим, построил собственную историческую систему... Нужно сказать, что он был не одинок. Каждая формулировка, каждый период, каждая оценка шлифовались историками бесконечно.

Очевидно, путь от революционных преобразований к новой жизни требовал создания очень жестких исторических конструкций. Они были, очевидно, необходимы, но они во многом помогли становлению тоталитаризма, его идеологии и т.д. Я, выпускник историко-архивного института, помню, что как-то, занимаясь Кратким курсом (я был старательным студентом), обратил внимание: в нем записано, что на Западе было три формации (рабовладение, феодализм, капитализм), а у нас уже четыре, то есть еще и социализм.

В силу плохого характера я тут же подошел к профессору и говорю: “А как же в России, Вы говорили, рабовладения не было? Значит, не на одну формацию больше, а поровну.”

По-моему, он на полчаса позже пришел на следующую лекцию. Войдя в актовое зал, сразу подошел ко мне, и сказал: «А около озера Ван было рабовладение». (Смех.) Он, бедный, искал.

Сегодня, мне кажется, тот шаг в осмыслении нашей истории, который был необходим, не сделан. Он не сделан прежде всего потому, что сегодня мы видим очень много статей, выступлений на исторические темы, в которых звучит бесконечная радость разоблачения.

На днях я читал в «Независимой газете» статью по поводу Пскова, Красной Армии, 23 февраля и т.д. С таким восторгом пишет человек, что Красная Армия никогда ничего не выигрывала, что она ничтожная! Он испытывает радость от возможности говорить эти вещи. Причем он как будто совершает открытие, не вспоминая тех, кто писал на эти темы раньше, добывал новые факты, исследовал.

Я думаю, очень важно, чтобы общественное мнение более жестко и более серьезно обращало внимание на то, как излагаются основные исторические события. Я думаю, для нас этот был бы очень важный рычаг социальных изменений, потому что, в общем-то, вся история является таким рычагом. Неслучайно новый мир для нас открылся не с «Иван Денисовича», а прежде всего с исторических статей.

Я многие годы занимался темой «Ленин в Октябрьской революции». Большею частью, чем та, которую я прочел в последние годы по этим вопросам, просто трудно себе представить. Я думаю, что ситуация, сложившаяся в историческом знании во второй половине 80-х годов - один из примеров того, что в перестройке не было серьезной программы.

К сожалению, историческая наука в том виде, в каком она есть сегодня, не может быть рычагом для приведения в движение общественного мнения.

Медведев В.А.

Я хотел бы поделиться некоторыми своими наблюдениями и соображениями по вопросу, который оказался в центре нашей дискуссии. Это – состояние и динамика общественного мнения страны в отношении Сталина и связанных с ним исторических событий.

Действительно, все мы чувствуем, что внимание общества к сталинскому периоду в истории страны, сильно и заметно возрастает. К этому я добавил бы, что происходит все большая поляризация мнений по этим проблемам со стороны не только в элитарной, политически активной части общества, но и в широких общественных слоях. Причем крайности питают друг друга. Одни поносят, а другие превозносят Сталина и всё, что с ним связано. И этот процесс набирает ускорение, если не кумулятивное, то во всяком случае очень заметное.

Но так было не всегда. И в этом мы убедимся, если мысленно вернемся к началу перестройки. Стоит напомнить, что перестройка началась не с критики истории и сталинизма. Весь пафос и вся острота критической постановки проблемы касались того состояния общества, в котором оно оказалось к тому времени. Поэтому основная критика и в партийных документах, и в выступлениях М.С. Горбачева была направлена на брежневский застой. И только по истечении полутора или даже двух лет, постепенно огонь критики стал переноситься и на предшествовавшие этому исторические периоды.

Должен сказать здесь, что тогда я не был сторонником поспешности в этом вопросе. Недавно, работая над проектом «Как "делалась" перестройка», который выполняется мною вместе с А.С. Черняевым, я столкнулся с записями дискуссий, которые велись в окружении М.С. Горбачева по этому вопросу.

Аргумент мой был такой: пока еще очень мало сделано для изменения положения дел в стране, для улучшения жизни простых людей и раскручивать критический «маховик» - значит возбуждать страсти и обострять обстановку, не показывая на практике реальной альтернативы. Были на сей счет и другие настроения. Но «маховик» уже был запущен, и переоценка различных периодов истории советского общества пошла по нарастающей.

В массовом сознании тема сталинизма не занимала вначале такого места, как сейчас. О Сталине вспоминали сравнительно редко. Правда, на юге, поближе к Кавказу, на ветровых стеклах грузовиков и легковых машин нередко можно было видеть портреты генералиссимуса. Да и появление первых портретов на неформальных митингах и демонстрациях в Москве уже в годы перестройки, воспринимались вначале как маргинальная и экзотическая деталь. Сейчас же с портретами Сталина проходят массовые манифестации. Да и наша либеральная, демократическая журналистская братия, откликаясь на моду, не прочь поспекулировать на этой теме. Журналисты практически всех газет и здесь хотят перещегоолять друг друга, публикуя новость что о "товарище Сталине". Может показаться даже, что этот вопрос является чуть ли не основным предметом политической жизни современного российского общества и политической элиты.

Я считаю, что ажиотаж вокруг сталинизма лишь символизирует степень противоречий и внутреннего напряжения российского общества, причины которых лежат гораздо глубже - в самой нашей реальной действительности - в социально-экономической, политической и духовно-культурной.

Понять можно обе стороны. Радикальные либералы считают, что без искоренения идеологии тоталитаризма невозможно прийти к современному состоянию общества и что надо давать отпор любым проявлениям шовинизма и тоталитаризма. Правда, они не дают ответа на вопрос: почему же после низвержения тоталитарной системы и развала Союза, когда они оказались у власти, не обозначена и, главное, не реализована другая, противостоящая ему конструктивная альтернатива.

Можно понять подвижки в общественном мнении в пользу реабилитации сталинских времен. Дело в том, что они ассоциируются с утраченным благополучием и устойчивостью нашего общества. Каждый из нас знает, кто из самой жизни, а кто и по литературе, что жизнь в советские годы была, конечно, не сладкой, а наполненной многочисленными проблемами, трудностями и связана с серьезными лишениями. Но в представлении людей они не идут ни в какое сравнение с тем бедственным положением, в котором оказались широкие слои населения в 90-е годы в результате радикал-либерального эксперимента, навязанного стране.

Конечно, в последние годы кое - что меняется к лучшему, но эти изменения пока еще малозначительны и о конкретном повороте в социально-экономическом развитии страны говорить не приходится. Власти объявили о том, что достигнут уровень реальных доходов, существовавший до дефолта 1998 года. Да, но он вдвое ниже, чем в 1990 году, то есть и сейчас - на треть ниже уровня двенадцатилетней давности. Десятки миллионов семей живут за чертой бедности.

Для многих людей старших возрастов сталинистские настроения произрастают на почве унижения национального достоинства, в результате распада Союза ССР и утраты страной статуса сверхдержавы. Из памяти народа не сгладилось, что большевики после развала царской империи в 1917-м году постепенно шаг за шагом восстановили Россию под названием СССР, практически, в прежних границах. Она оказалась окружена кольцом дружественных государств. Причем, конечно, держалось все это не только на исторически сложившихся традициях совместной жизни и тесных связях наших народов, но в большей степени на строгой идеологической и политической дисциплине, на диктатуре партии, на силовых органах и т.д. Все это развалилось, что нанесло сильнейший удар и по реальным основам сотрудничества народов.

Как бы ни осуждалась административно-командная система, в ее рамках, с помощью жестких мер, страна в короткий срок проделала основной путь индустриального развития и вышла к порогу постиндустриальных перемен. А в 1990-е годы экономика страны оказалась отброшенной на 20 лет назад, ее индустриальное ядро и научно-технический потенциал понесли огромные потери.

Я не говорю о тяжелых последствиях в сфере культуры, образования, науки. Это всем хорошо известно. Повторяю, что сейчас наступил некий момент известного просветления, появился свет в конце тоннеля, но по-прежнему положение остается достаточно острым.

Моя мысль состоит в том, что, конечно, надо и дальше развенчивать идеологию и практику тоталитаризма, пережитки и проявления сталинизма. Но главное – устранить почву, на которой они воспроизводятся

Здесь напрашивается аналогия с борьбой против международного терроризма, которая несводима к силовым приемам, а требует широкого социально-экономического подхода. Главное, от чего зависит окончательное наше выздоровление от тоталитаризма, - это реальное продвижение России по пути современного экономического, социального, культурного, духовного развития. На этой основе могут произойти глубинные позитивные изменения в общественном сознании, возобладают объективные оценки драматических событий российской истории XX века.

Серебрякова З.Л.

Перестройка под руководством М.С. Горбачева была альтернативой сталинскому и постсталинскому тоталитаризму. Благотворные перемены в стране возникли весной 1985 года, сразу же после слов Михаила Сергеевича в мартовской речи: "Мы исходим из того, что право жить в условиях мира и свободы – это главное право человека". Ни одного политического заключенного не осталось в стране к 1991 г.

Весь настрой апрельского пленума, дальнейшие события знаменовали собой начало новой эпохи, породили немыслимые ранее ожидания. И действительно, у меня лично в 1986 году сбылись многолетние мечты. Был реабилитирован мой отец, Леонид Серебряков. Вскоре были реабилитированы такие видные деятели, как Муралов, Смилга и некоторые другие. Но все эти реабилитации руководителей антисталинских оппозиций, восстановление исторической правды первоначально встречали сопротивление - в том числе и со стороны некоторых историков.

Так, в юбилейное (1987 года) издание Энциклопедии Октябрьской революции и гражданской войны в СССР не были включены уже реабилитированные и восстановленные в партии член ЦК, секретарь ЦК в 1919-1921 годах, член реввоенсовета республики Серебряков; член ЦК Смилга, не говоря уже о сторонниках Троцкого и тех, кто не был официально реабилитирован.

Для успеха перестройки необходимо было восстановление исторической правды и справедливости в отношении конкретных исторических деятелей. И в 1987 году начался разбор секретнейших материалов комиссии Шверника, закончившей свою работу еще в 1963 году при Хрущеве.

Уже тогда Комиссия констатировала, что дела, по которым в 1934 и 1938 годах проводились судебные процессы, были сфальсифицированы. Сообщались и статистические данные, особенно потрясавшие количеством расстрелянных. В 1937-1938 годах по неполным данным, было расстреляно 631 тысяча 897 человек, то есть практически около миллиона за два года.

В выводах подчеркивалось (это я цитирую): «Сталин совершил тягчайшее преступление». О содержании и выводах комиссии знал Брежнев, впоследствии о них докладывали Андропову и Черненко. Но вплоть до прихода к власти Михаила Сергеевича Горбачева эти кричащие данные о судьбах ближайших соратников Ленина лежали без движения.

В 1987 году была создана комиссия по пересмотру дел 30-50-х годов. Ей были переданы материалы комиссии Шверника. Результаты работы докладывались на Политбюро. В то же время готовился юбилейный доклад Генерального секретаря ЦК КПСС к 70-летию Октябрьской революции.

Переоценка роли и личности Бухарина, прозвучавшая в докладе, поистине открыла возможности для широких, массовых реабилитаций жертв сталинского террора.

В 1988 году были возвращены в историю все те, о ком писал Ленин в своем Завещании. Обратите внимание, все, о ком писал Ленин в Завещании, до 1988-го года продолжали официально считаться преступниками.

16 января 1989 года принимается Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором говорилось: «Осудить внесудебные массовые репрессии периода сталинизма. Отменить вынесенные ими внесудебные решения».

Вместе с тем указывалось, что это правило не распространяется на работников, занимавшихся фальсификацией уголовных дел, а также лиц, совершивших умышленные убийства и другие уголовные преступления.

Особенно большую роль в восстановлении справедливости сыграл Указ Президента СССР от 13 августа 1990 года о восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-х-50-х годов. В Указе было записано: «Тяжелым наследием прошлого явились массовые репрессии, произвол и беззаконие, которые совершались сталинским руководством от имени революции, партии и народа.

Скорейшее преодоление последствий беззакония политических преступлений на почве злоупотребления властью необходимо всем нам, всему обществу, ставшему на путь морального возрождения демократии и законности» (из Указа Президента).

К 1990 году были реабилитированы 838 тысяч 630 человек – больше, чем за весь период хрущевской оттепели. Всех тех, кто был осужден, всяческими судами и трибуналами, судилищами, «тройками», «двойками», «особым совещанием» по чудовищному, так называемому, альбомному праву, когда Сталин ставил напротив фамилий и инициалов условные знаки, обрекавшие без суда на расстрел или уничтожение в лагерях.

По моему мнению, самое большое достижение «Мемориала» – создание компакт-диска со сталинскими расстрельными списками. В этих списках более чем 40 тысяч человек, обреченных на смерть лично Сталиным. Очень важным тогда было то, что реабилитировали не только тех, о ком писали, за кого просили, но и тех, у которых не осталось никого из близких.

Во время перестройки оставшиеся в живых и родственники погибших получали очень нужную материальную, медицинскую и иную помощь, на которую рассчитывать уже не могли. Тогда же начались поиски мест массовых казней и захоронений, установление памятников.

Реабилитация коснулась тех дел, которые не решились или не успели пересмотреть в хрущевскую оттепель. В перестройку были пересмотрены дела, не только самые сложные в политическом и юридическом смысле, но и наиболее тщательно сфальсифицированные, наиболее основательно засекреченные.

Открытость, демократическая направленность перестройки требовали и прямого восстановления исторической правды, правдивого изучения и освещения прошлого. Тогда не нужна была фальшь. Я работала в то время в Институте истории, и мы стремились только к восстановлению истины, только к соответствию тому, что в происходило в прошлом.

Прошлое оживало. Стало возможным услышать голоса репрессированных, прочесть написанное ими. Мы открывали ранее полностью запретные факты, беспрепятственно обсуждали их.

Тогда был спрос на историческую достоверность, которая в последние десять лет, кажется, стала абсолютно ненужной. По сей день не забыть увлекательной работы в архивах. В музеях в те годы проводились интереснейшие выставки, экспонировались сохранившиеся чудом фотографии, подлинные документы вычеркнутых из истории видных деятелей разных направлений и школ. Среди них были не только большевики.

Наступивший потом период правления Ельцина и так называемых демократов я не могу назвать продолжением перестройки. Даже то, что сохраняло былое название, наполнялось, по сути, иным содержанием. С 1992 года начали реабилитировать тех, кому ранее, естественно, отказывали в реабилитации: среди них Судоплатов, Абакумов и им подобные. Фальсификаторы судебных дел вновь получали «доброе имя» и все права.

К 1990 году положительную оценку Сталина, по моим данным, высказывали 8 процентов опрошенных. А через десять лет фактического умолчания его преступлений, их число резко увеличилось (по моим данным, до 28 процентов).

Чтобы тоталитаризм вновь не установился в нашей стране, мне кажется, что надо прямо говорить о его самых страшных проявлениях, ибо теперь, когда мы знаем так много о преступлениях сталинского режима, молчание не только глубоко безнравственно, но и опасно для будущего.

Перестройка была альтернативой тоталитаризму. Все было подлинным тогда – и гласность, и демократия, и выборы. Деятельность «Горбачев-Фонда» и сейчас вносит весомый вклад в борьбу за демократическое возрождение России.

Бурлацкий Ф.М.

По телевидению был показан фильм о Сталине, где выступали почти исключительно его родственники. Родственники, естественно, говорили хорошее: какой он был хороший отец, хороший и внимательный дед, как он умел прощать, как женщин любил и т.д....

Итак, Сталин, его переоценка в общественном мнении: о чём говорят цифры, предоставленные ВЦИОМ? Почему идёт переоценка? Первопричина – огромное разочарование в результатах 50-летних усилий всего общества, всего народа, интеллигенции, части тех, кого называют элитой.

Мы так надеялись, что демократия и переход к частной собственности обеспечат подъем экономики. А что же получилось? Резкий откат. Какой-то застой номер два.

Иногда оглядываемся мы на нашу историю. Была великая империя – от Одера до Янцзы. Колоссальная империя, с огромным влиянием. Был двухполюсный мир, на который опиралось все человечество, потому что, если кто-то получал помощь от Америки, другие получали помощь от нас и опирались на нас.

Разочарование ведет к тому, что пересматривается Сталин, его роль в истории.

Я участвовал в первой статье против Сталина, в августе 1953 года в журнале «Коммунист». Редакционная статья, написанная не по моей инициативе, а по указанию товарища Хрущева, называлась очень странно, как тогда было принято: «Народ - творец истории». Впервые в ней прозвучала критика - и острая критика - культа личности. Но мы, конечно, недостаточно понимали, что Сталин – это система власти, и эта система власти была не просто тоталитарной, террористической. Она опиралась на великую идею, соблазнительную идею, идею равенства, идею коммунизма. И это, несмотря на весь террор, дало колоссальный подъем экономического развития в 30-х и 40-х годах. Мы выдержали такую войну...

Я остался энтузиастом перестройки. Я считаю, что Михаил Сергеевич начал в одиночку великое историческое дело. Несколько лет у него ушло на то, чтобы разобраться со своими соратниками, и практически все началось где-то в 1989-1990 годах. Начали искать эту самую программу преобразований в условиях острой борьбы и заварухи.

А тут еще появилось наивное, детское, совершенно некомпетентное течение мнимого демократизма: армию распустить, все государственное разрушить (об этом говорилось в выступлении Л.И. Сараскиной). Сразу, мгновенно, скачком сделать экономическую реформу, передать всю собственность - и все разрешится. Это течение сломало естественный эволюционный процесс, сломало хребет этому процессу.

Конечно, очень многое достигнуто. Институты демократии, хотя и в зачаточном виде, но существуют, это большое завоевание. Потом пришла скачкообразная революция в сфере собственности.

Приватизация, если мы хотим говорить в терминах серьезных, носит тоталитарный характер. Это настоящий экономический сталинизм. Почему? Во-первых, потому что не спросили у народа: а вы-то хотите переходить к приватизации? Разве был референдум?

Во-вторых, все осуществили Указом президентом, а даже не решением парламента.

В-третьих, совершенно не позаботились о том, о мелком бизнесе, который должен быть делом первостепенным. Только во вторую очередь – средняя собственность, среднее хозяйство. И только в третью очередь – крупная собственность, а потом макрореформы. У нас все наоборот - отвергли советы идти эволюционным путем.

В России была достаточно уродливая демократическая и социалистическая революция с колоссальными издержками гражданской войны. Потом был уродливый социализм. Теперь у нас один из самых уродливых капитализмов в мире.

Два слова о том, что можно было бы все-таки посоветовать, если бы нас спросили.

Первое - вернуть компрадорский капитал. Его не надо отнимать. Его надо вернуть в страну так, чтобы он здесь работал. И некоторые отечественные олигархи уже встали на такой путь.

Второе – это создать колоссальные преимущества для мелкого и среднего бизнеса - для того, чтобы в сравнительно исторически короткие сроки создать средний класс как опору демократии.

Третье – постепенно, но абсолютно последовательно возвращаться в Европу. Это, может быть, то единственное, что делает по-настоящему последовательно нынешний Президент. Когда мы воспримем ценности, юридическую культуру, политическую культуру Европы, я думаю, тогда, лет через 40-50-60, мы станем нормальной демократической, рыночной европейской страной.

Шейнис В.Л.

Я попытаюсь оттолкнуться от заявленной темы «Перестройка как опыт преодоления тоталитаризма: выводы для будущего». Проблема поставлена достаточно амбициозно. Сразу возникает вопрос: в какой мере опыт перестройки значим для нашего будущего?

Я разделяю многие критические замечания, которые прозвучали в адрес существующего государственного строя. Но назвать его тоталитарным, уравнивать с режимом, который существовал в сталинские и послесталинские времена, было бы неправильно. Перестройка и последующие события уводили страну от тоталитарного режима и увели, надеюсь, необратимо. Те проблемы преобразований, которые стоят сегодня, носят во многом иной характер.

Михаил Сергеевич в ту памятную августовскую ночь, когда он вернулся из Фороса, сказал запомнившиеся многим слова: «Я вернулся в другую страну». В свете прожекторов, в эту темную августовскую ночь, в свете всего того, что произошло в предшествующие три дня, могло показаться, что у нас уже возникла другая страна. Прошедшие с тех пор годы показали, что она, конечно же, другая. Но она во многом и прежняя.

Поэтому я бы предложил несколько переформулировать постановку проблемы: что в историческом опыте перестройки важно и ценно для осмысления дальнейшего российского транзита – уже от посттоталитарного, но еще далеко не демократического режима, который установился у нас во многом в результате незавершенности и деформаций, допущенных в ходе перестройки, - к подлинно демократическому, правовому государству, взаимодействующему с гражданским обществом. И в этой связи мне хотелось бы прочертить некоторые линии, которые выявляют историческую

значимость опыта перестройки, уроков перестройки для сегодняшнего дня. Хотя, повторю, реформированию подлежит другое общество и другой режим. Наиболее существенными представляются здесь три момента.

Первый - механизм преобразований.

Второй – ареал преобразований.

Третий – темпы преобразований.

Итак, что дала перестройка для осмысления механизма преобразования недемократического общества в демократическое? Какой опыт важно уяснить – и позитивный, и прежде всего, негативный, потому что негативный опыт тоже содержит важные исторические уроки.

В мемуарах Михаила Сергеевича содержатся очень важные размышления об этом. Не знаю, было ли такое понимание исходным пунктом его действий или оно складывалось как рефлексия на обстоятельства, с которыми пришлось столкнуться лидеру, решившемуся на настоящие реформы. Как бы то ни было, стратегия включала два компонента.

Во-первых, давление на бюрократию со стороны большинства общества. Без этого никакой путь принципиальных, а не паллиативных преобразований не был бы возможен. Во-вторых, тактические маневры, отсекающие наиболее консервативную часть правящего слоя, втягивающие в политическую жизнь людей, способных мыслить по-новому.

Преобразователем системы выступило высшее звено партийной номенклатуры. Сигналы пошли по цепочке – сверху вниз. Но по мере того, как перестройка затрагивала фундаментальные основы существования правящего класса, а жесткость партийно-государственной дисциплины ослабевала, партия становилась все менее адекватным механизмом преобразований. Сигналы запаздывали, гасли, не воспринимались как руководство к действию. Выходом из положения могло бы стать не поддержание формального единства, из каких бы благих побуждений ни исходил реформатор («эту бешеную собаку надо держать на привязи», говорил он), а разъединение, лучше всего – раздвоение партии, ставшее вполне актуальным в 1989 г. и еще возможное в 1990 г. Достаточно вероятно, что небольшая группа реформаторов в партийном руководстве тогда смогла бы не только опереться на оформлявшиеся демократические силы внутри и вне партии, но и сохранить контроль над конформистским большинством членской массы и большей частью административно-организационной инфраструктуры партии и государства. Вязкая сила традиции, сложившаяся в этой партии еще в 20-х годах, привычка к послушанию, авторитет поста генсека позволяли надеяться, что большинство звеньев партийного аппарата и девятнадцатимиллионная масса партийцев будут управляемы. Но для этого надо было отсечь гангренозные ткани, пойти на раскол.

Было ли такое решение рискованным? Несомненно. Оно немедленно повело бы к резкому повышению градуса политической борьбы. Возможно, ускорило бы попытку антигорбачевского государственного переворота. Но в 1989-90 гг. – так виделось мне; возможно, Михаил Сергеевич оценит это по-другому – силы реванша тоже еще не были подготовлены и консолидированы. А главное – это предотвратило бы раскол между реформаторами в партийном руководстве и демократами, имевший самые трагические последствия. И тогда не Ельцин, а Горбачев оставался бы лидером демократических преобразований. Реформаторы переоценили свою способность контролировать ситуацию, сохраняя фиктивное единство с силами, которым Горбачев все более становился нужным лишь как временное прикрытие.

При всех принципиальных, колоссальных различиях между временем перестройки и днем сегодняшним, ситуации до известной степени изоморфны, и можно прочертить линию (может быть, не сплошную, а пунктирную) к сегодняшнему дню. Ибо те проблемы, которые стоят сегодня: создать подлинно рыночную, конкурентную среду, в экономической политике, перенести акцент на поддержку малого и среднего бизнеса, привлечь капиталы, ушедшие из страны, демократизировать политическую систему,

опираясь на слабые пока институты гражданского общества, сделать тот поворот, который произошел во внешней политике президента в сентябре 2001 г., более последовательным и необратимым и т.д. – неразрешимы без реализации тех же двух «условий Горбачева» - организации общественного давления на власть и отсечения от власти консервативных элементов ново-старой номенклатуры и олигархических группировок бизнеса, которые жестко противостоят прогрессивным поползновениям в государственной политике. Чтобы убедиться в этом, достаточно развернуть претендующие на объективность издания.

Но здесь возникают два существенных вопроса, ответа на которые пока нет. Во-первых, как организовать общественное давление на власть в условиях, когда общество по политическому активизму оказалось существенно ниже, я бы сказал, в более скверной позиции нежели та, которая сформировалась во второй половине 80-х годов под влиянием перестроечных шагов высшего политического руководства? Во-вторых, велик или мал и в какую сторону может изменяться реформаторский потенциал нашего нынешнего государственного руководства? Хочет ли и может ли оно быть действительно реформаторским?

На фоне бесконечной череды близоруких и корыстных правителей история – и мировая, и отечественная – знает примеры, когда авторитетный, популярный и дальновидный лидер действовал, исходя из глубоких и долговременных интересов правящего класса (страты), которые в большей или меньшей степени, надолго или на короткое время совпадали с коренными интересами общества. И находил поддержку наиболее просвещенной, мыслящей части правящего слоя. Может ли это повториться в нашей стране?

Я этого не знаю и оставляю этот вопрос открытым. Но если действительно ответ на вопрос – кто Вы, мистер Путин? – еще не дан, если наше руководство, как оно не раз заявляло, хочет видеть страну подобной современным цивилизованным обществам, то необходимы оба компонента, о которых шла речь выше, - и общественное давление, и действия высшего руководства во многих отношениях прямо противоположные, нежели те, которые им сейчас предпринимаются.

Счет, который предъявляется власти, достаточно велик и хорошо известен. Но определенная доля вины лежит и на самом обществе, и в первую очередь на интеллектуальной и духовной его элите, которая сильно поредела после ухода Сахарова и Лихачева, после измельчания ряда прежних «властителей дум», после того, как некоторые вчерашние вожди и трибуны стали уходить из политики в убеждении, что теперь в нашей стране все равно ничего сделать нельзя. Как горько пошутил один из уважаемых «прорабов перестройки», создается впечатление, будто выходов всего два: смириться с тем, что происходит, или Шереметьево-2. Все это не могло не сказаться на настроениях и общественном поведении демократической интеллигенции.

Не следует закрывать глаза на то, что сложившуюся ситуацию преодолеть исключительно трудно. Возможно, труднее, чем на рубеже 80-90-х годов. Выборы, став в значительной мере управляемыми, с результатами, часто предрешенными, во многом утратили ту роль общественной мобилизации, которую они играли в 1989 и 1990 годах. Единственная политическая сила, собирающая большинство протестного электората, представлена реакционной партией, отвергаемой большинством общества и, к счастью, упустившей шанс вернуться к власти. Социальное пространство для конструктивной демократической оппозиции предельно сужено. Предпринимаются – и имеют известные шансы на успех – попытки выстроить «партию власти», контролирующую парламентское большинство. Но партия эта не имеет ни внятной идеологии, ни ясной программы, ни признанных обществом (а не назначенных) лидеров, ни массы нечиновных активистов, ни устойчивого электората. Она не взяла власть на состязательных выборах, а в открытую формируется самой властью, консолидировавшейся на недемократической основе. Государство действует в аморфной, политически слабо структурированной среде – в ней не просматривается организованная сила, которая хотела бы и могла взять власть.

В этих условиях любые перемены, как позитивные, так и негативные, приходится связывать, как и в первые годы перестройки, не столько с избирательным процессом, сколько с перестановками внутри правящей элиты. Приходится признать, что на новом витке мы вернулись к тому, с чего начинали.

Теперь второй момент – ареал перестройки. В значительной мере те неудачи и поражения, которые потерпели реформаторы, были связаны с идеей осуществить перестройку в масштабе всего Советского Союза. В этом утверждении я не оригинален. Ближайшие сотрудники Михаила Сергеевича, в том числе авторы книг, на мой взгляд, наиболее важных для понимания того, что творилось в Кремле (я имею в виду, в частности, книгу Грачева «Горбачев» и прекрасные исповедальные книги Анатолия Чернышева), приходят к заключению, что осуществить перестройку в масштабе всего Советского Союза было невозможно. Я знаю, что Михаил Сергеевич придерживается другой точки зрения. Я знаю, что в мемуарах он ссылается на письмо Ландсбергиса, который вроде бы тоже готов был каким-то образом объединяться. Думаю, однако, что для него это было элементом тактики, а не стратегии.

Мне представляется, что люди, вошедшие в сознательную жизнь (а сегодня это уже далеко не молодые люди, к ним принадлежу и я, а не только лидеры перестройки), когда граница 1939-1940 годов казалась незыблемой, не отдавали себе отчета в искусственности этой границы, в невозможности сохранить Союз в тех пределах, какие были заданы пактом Молотова - Риббентропа, если, конечно, всерьез идти по пути демократизации.

За республиками Прибалтики были 20 межвоенных лет, когда их народы пользовались плодами независимого существования, более живая память о сталинских репрессиях и депортациях и, может быть, главное – иной социокультурный строй общества. Поэтому и депутаты союзного парламента от этих трех республик, несмотря на избрание В.Пальма одним из сопредседателей Межрегиональной депутатской группы, пришли к заключению (и не без оснований), что отколоть эти республики от Союза и заняться там решением своих проблем перспективнее, чем вести борьбу за демократию в рамках СССР. То же можно сказать о Западной Украине, но после 1991 г. это головная боль независимой Украины, которая не миновала бы союзное государство.

Но дело не только в этом. И в других районах, которые исторически более органично были связаны сначала с российской империей, а потом с советским государством, были допущены, на мой взгляд, очень серьезные ошибки. В частности, я говорил тогда и убежден сейчас, что после трагедии Сумгаита необходимо было пойти навстречу требованиям армянского народа и осуществить тогда, когда это возможно было сделать силами центральной власти, воссоединение Карабаха с Арменией (возможно, на основе территориальных компенсаций). Не поняли, что сохранить армянский анклав в составе Азербайджана можно было только посредством этнической чистки. Мы имели бы во многом другую ситуацию, если бы возвращение Карабаха Армении было произведено союзной властью, а не самими армянскими силами. И, конечно, трагедия в Тбилиси в апреле 1989 г. – второй акт драмы Закавказья. Тогда-то и было, по сути, потеряно Закавказье.

Что же касается Казахстана и Средней Азии, то их, возможно, удалось бы сохранить, но нелишне задуматься, как повлияли бы на развитие событий в демократизировавшейся России феодальные режимы, которые сохранялись здесь и в советский период и которые имели бы иную окраску, чем теперь, но представляли бы мощный резерв консервативных сил.

Мы имели бы общее государство с Туркменбаши и прочей малопривлекательной публикой в несколько другом обличье. Они были бы или партийными секретарями, каковыми они были в прошлом, или губернаторами, президентами и т.д., но оказывали бы огромное реакционное влияние на все процессы.

Что из этого вытекает для сегодняшнего дня? Во-первых, на данном историческом этапе не только восстановить СССР, но и сделать СНГ чем-то большим, чем площадкой для консультаций по вопросам, представляющим взаимный интерес, - дело, скорее всего, безнадежное. Зона общих интересов 12 государств, которые могли бы стать базой их интеграции наподобие ЕС, предельно узка. Особенно когда прошло столько лет после решений в Беловежье и Алма-Ате. Разного рода совместные политические декларации, заявления т.д. могут быть бесполезны. Но отношения с бывшими республиками СССР будут в основном выстраиваться на двусторонней основе. Не приходится рассчитывать на то, что в том или ином виде возникнут некие наднациональные органы по типу Европейского Союза, которым будут передаваться функции национального суверенитета.

Во-вторых, Союзное государство с Белоруссией, где в годы перестройки центробежные поползновения были едва ли не наиболее слабыми, сегодня – фантом. Существующие союзные структуры, в основном, играют роль кормушки для немалой группы российской и белорусской государственной бюрократии. Момент истины возник (или только промелькнул?), когда российский президент четко обозначил условия объединения с Белоруссией: статус субъекта Федерации то ли для всей республики, то ли для каждой из ее девяти областей. Раздражение белорусского «батьки» не могло не последовать.

В-третьих, процесс распада удалось остановить в пределах бывшей РСФСР. Российская Федерация сумела преодолеть тяжкие испытания, совладать с большинством тех сил, которые работали на разлом, отбить натиск сепаратистской бюрократии и националистической интеллигенции автономий, стремившихся превратить РФ в договорную конфедерацию. Федеративный договор, который они рассчитывали сделать каркасом государства, сыграл позитивную, но преходящую тактическую роль. Так к нему и следует относиться.

И последнее - о темпах преобразований. Это, может быть, самый больной вопрос.

Я в этом вопросе не могу солидаризироваться с распространенной точкой зрения, что преобразования, реформы следовало притормозить. Слов нет, эволюция - в противовес тому, чему нас обучали и в университетах, и в сети политпросвета, - при прочих равных условиях предпочтительнее революции.

Ипполит Тэн, на мой взгляд, достаточно убедительно показал, что еще в XVIII веке дело шло к преобразованию Франции из страны феодальной в буржуазную, что и без великой революции, которая озарила весь XIX век, модернизационные процессы эволюционно, с меньшей кровью, с меньшими жестокостями изменили бы страну. Об октябре 1917 г., столкнувшем нашу страну с магистрали мирового развития, я не говорю. Но и эволюция может протекать разными темпами. Напомню известное изречение: «Тихо едешь – беда догонит. Быстро едешь – беду догонишь». Найти верный темп – великое искусство политики. Пустое доктринерство упрекать руководителей перестройки в том, что они не смогли действовать в оптимальном темпе. Они действовали так, как это вытекало из обстоятельств, как им это диктовала обстановка. Но из прошлого все же надо извлекать уроки.

И вот не в порядке обвинения, но, анализируя те действия, которые были предприняты Михаилом Сергеевичем в перестроечные годы, нельзя пройти мимо определенного политического зигзага, и этот зигзаг, как мне кажется, располагается между серединой 1990 года и апрелем 1991 года.

Да, действительно перестройка ускорялась. С каждым следующим годом происходили более глубокие изменения, но все мы оказались в ситуации Зазеркалья: для того, чтобы только стоять на месте, надо было все быстрее бежать вперед. Парадокс заключался в том, что темп перестроечных действий от года к году ускорялся, но и все более отставал от хода событий. И хотя преобразования 1989-1990 годов были гораздо более глубокими, чем преобразования 1987-1988, на мой взгляд, именно здесь был потерян темп. Михаил Сергеевич был не прав, когда сказал в то время, что страна

правеет, и мы, лидеры, должны праветь вместе с ней. Нет, страна не правела. Правела та социальная страта, которая окружала Генерального секретаря. (Напомню только, что понятиями «правое» и «левое» тогда обозначалось нечто прямо противоположное, нежели сейчас).

Существует жесткое шахматное правило: как бы ни был гениален замысел, контрольные ходы надо делать своевременно. В политике это правило действует более жестко: можно лишь предполагать, когда упадет флажок. И на кон поставлено намного большее, чем выигрыш в шахматной партии. Почему же темп был утерян, в особенности в 1990 г.?

Только сам Горбачев может ответить на вопрос, почему это произошло, почему от него стали уходить настоящие фигуры, а оставались пешки. Как справедливо написал Грачев, Михаил Сергеевич продвигал эти пешки в ферзи, но пешки не могли играть на уровне ферзей. Впрочем, это благо, что столь слабыми и бездарными политиками оказались гэкачеписты. Не о них речь. Позволю себе высказать предположение: зигзаг 1990-91 гг., осторожность Горбачева, сужение круга реформаторов в партийном руководстве почти до одной фигуры Михаила Сергеевича проистекали в том числе не только из давления справа, но и из бесшабашной критики демократов и Ельцина, которая подталкивала Михаила Сергеевича вправо. Демократы, Ельцин, межрегионалы пришли к заключению, что нескольких лет позиционной борьбы у них в запасе нет. Их стратегия все больше ориентировалась на разрешение противоречий радикальными средствами в близкой перспективе. Горбачев и его потенциально ближайшие союзники продвигались в разном темпе.

В результате произошло, на мой взгляд, самое трагическое по последствиям событие 1990-1991 гг. - разрыв между главным реформатором в партийном руководстве и «ДемРоссией», еще во многом определявшей поведение российского парламента, демократической интеллигенцией, широкими демократическими слоями.

Здесь тоже заключен важный урок для понимания того, что следует и чего не следует делать в сложившейся ситуации. Во всяком случае, важно понимать, что сегодняшняя ситуация, когда цены на нефть, поддерживающие российскую экономику на плаву, высоки, президент располагает высоким рейтингом доверия, а противостоящие его позитивным действиям группировки бюрократии – гражданской, военной и спецслужб – не консолидированы, едва ли будет продолжаться долго.

Славин Б.Ф.

Перестройка вызвала у меня надежду на то, что идеалы социализма о приобщении масс к реальному социальному творчеству не только возможны, но и вполне реальны. Достаточно в этой связи вспомнить атмосферу Первого съезда советов народных депутатов, первые альтернативные выборы, небывалую активность официозных и оппозиционных средств массовой информации той поры и т.д. Политическая атмосфера, рожденная Перестройкой напоминала атмосферу первых лет советской власти. Тот, кто изучал историю КПСС по первоисточникам, знает какова была партийная и советская демократия сразу после революции. Опубликованные стенограммы послереволюционных съездов партии дают в этом отношении наглядную картину. Тем, кто хочет знать о реальной партийной демократии не понаслышке, советую их посмотреть. В этих публикациях отразилась политическая история нашей страны, живая ткань борьбы сил, сделавших революцию.

Не случайно в середине 80-х гг. стали проводить параллели между Перестройкой и Октябрьской революцией. В этих параллелях есть общее не только по форме, но и по содержанию.

Дело заключается в том, что Перестройка в определенной степени была возвращением к идеалам Октября, к ленинским, а не сталинским взглядам на социализм. Ее историческое значение состоит в том, что она на самом деле не только сумела

окончательно преодолеть сталинский тоталитаризм в нашем обществе, но и заложила фундаментальные процессы, связанные с возможностью создания демократической модели социализма. О ней мечтал Ленин в своих последних работах, предлагая реформу политической системы и требуя устранения Сталина с поста генсека партии. К сожалению, об этом сегодня почти никто не говорит, довольствуясь догмой о принципиальной неререформируемости «реального социализма» или о его полном тождестве с тоталитаризмом.

В нашей стране нередко происходят странные вещи: не успеют устареть старые догмы, как на их место водружаются новые. Такими новейшими догмами являются полное отождествление тоталитаризма с социализмом, Ленина со Сталиным, Перестройки с ельцинскими реформами, Горбачева с Ельциным и т.д., и т.п. Однако, нет ничего более далекого от истины.

Прибегая в своих рассуждениях к подобным догмам, их носители даже не замечают, что впадают в неразрешимые противоречия с действительностью и самими собой. Так, говоря о принципиальной «неререформированности» реального социализма, они превращают всю Перестройку в бесплодный исторический «выкидыш». Вместе с тем, модель гуманного демократического социализма, которая в те годы возникала, может быть снова востребована: история не сразу делается. Те, кто доказывает тождество таких политических фигур, как Ленин и Сталин, ставят на одну доску людей, стоящих по разную сторону баррикад в вопросах социализма и интернационализма, образования СССР и ликвидации бюрократического госаппарата и т.п. Тем самым они возрождают давно забытую сталинскую версию двух вождей, позволяющую говорить о том, что «Ленин – это Сталин вчера», а «Сталин – это Ленин сегодня». Вместе с тем, все больше появляется фактов о том, что одна из этих фигур была палачом, а другая его жертвой как в политическом, так и в физическом смысле слова.

Не менее различны и такие политические фигуры как Ельцин и Горбачев, разошедшиеся друг с другом, как в понимании существа реформирования российского общества, так и в методах его реформирования. Помимо того, что эти люди резко отличаются друг от друга в личностном плане: один авторитарен, другой демократичен, один считается только с собой, другой прислушивается к мнению других, один – злопамятен до мелочей и не прощает ошибки даже своим прежним единомышленникам, другой готов простить ошибки не только своих друзей, но своих бывших противников.

Однако главное расхождение этих политических деятелей касается вопроса о понимании целей реформ и тех интересов, ради которых они должны проводиться. В реформировании советского общества Горбачев, в противоположность Ельцину, исходил не из личных, а из общественных интересов, исповедовал на деле ценности справедливости, свободы и демократии. Что касается Бориса Ельцина, то, как показали, одобренные им «шоковая терапия» и «дефолт» 90-х гг. интересы простых людей его мало волновали. Прикрываясь словами о свободе и демократии, он заботился, прежде всего, об интересах своей «семьи» и связанных с ней кланов.

Теперь несколько слов о проблеме и теории тоталитаризма. Я хочу напомнить, что американские историки Роберт Такер и Стив Коэн, специализирующиеся на изучении таких исторических фигур как Сталин и Бухарин, вообще, считают теорию тоталитаризма малоэффективным методом исторического познания. По их мнению, это теория слишком груба, чтобы на ее основе понять сложную и противоречивую картину советской истории, в частности, взаимоотношения власти и оппозиции и т.д.

Конечно, тоталитаризм в форме сталинизма был характерной чертой советского общества. Как определенный политический режим власти, он охватывал своим влиянием все сферы общества, начиная с экономики и кончая политикой. Но означает ли этот факт, что данный политический режим был тождественен социально-экономическому строю общества, возникшему в ходе Октябрьской революции, как думают некоторые идеологи левого и правого толка? На мой взгляд, такая точка зрения не

имеет под собой научных оснований. Мало того, она находится в плену чисто формальных обобщений, отождествляющих разные политические режимы между собой.

Так, идеологи, сводящие всю советскую историю к одному понятию «господство тоталитарного режима власти», не в состоянии осознать принципиальное различие ленинского и сталинского методов управления советским обществом, отличить брежневский авторитаризм от хрущевской «оттепели», а горбачевскую «перестройку» от ельцинских «радикальных реформ».

Политические режимы могут быть одинаковы, а их социальные основы различны. Справедливо и обратное заключение: одинаковая социальная основа может иметь разную политическую надстройку, разные политические режимы. Известно, что тоталитарное перерождение государства имело место как в сугубо буржуазных странах, так и в странах, строящих социализм. Тоталитаризм Гитлера и Пиночета похож на тоталитарное правление Сталина и Чаушеку: тот же поиск врагов внутри и во вне страны, те же репрессии против инакомыслищих, то же стремление к диктатуре одной личности, одной партии и одной идеологии. Тем не менее, при всей своей схожести этих режимов, они отличаются друг от друга. Эти отличия лежат не в степени политической кровожадности диктаторов (здесь они мало чем отличаются друг от друга), а в социально-экономическом базисе тоталитарного общества, его, если хотите, классовой природе.

Социализм, по сути своей, склонен к демократии, а не к тоталитаризму. Тоталитаризм есть извращение и антипод социализма. Его социальной опорой, как правило, является бюрократическая каста. Но поскольку бюрократия не есть самостоятельный класс общества, постольку она вынуждена обслуживать интересы либо труда, либо капитала. Длительное существование тоталитарного режима в условиях социалистического строительства невозможно: он рано или поздно должен выродиться. Это вырождение должно привести либо к политической революции и утверждению подлинно социалистической демократии, либо венчаться контрреволюцией, приводящей к утверждению «варварского капитализма» с его резким обнищанием трудящихся и социальной поляризацией общества. Как это происходит на практике можно увидеть на истории советской и, особенно, постсоветской России.

Я всегда считал, что смысл человеческой жизни и смысл политической власти очень близки друг другу. Ради чего живет человек? Либо он живет ради других, либо ради себя и за счет других. Тоже с властью? Либо она существует ради всего общества, либо ради узкой его части: элиты, клана, страта, класса и т.п.

Мне кажется, что все крупнейшие события в истории, в том числе и Октябрьская революция, к которой сегодня неоднозначное отношение, совершались ради того, чтобы удовлетворить интересы большинства общества. В этом состоит глубокий демократизм революций. Напомню, Октябрьская революция у нас сначала дала колоссальный всплеск демократии, проявившейся во всех сферах общественной жизни. Не случайно в 20-е годы расцвело народное творчество, возникли и существовали различные школы в поэзии, изобразительном искусстве, театре, кино. Вдохновленные идеями Октября, художники создали такие шедевры как конноармейские рассказы Бабеля, «Тихий дон» Шолохова, «Броненосец Потемкин» Эйзенштейна и др.

Известно также, что через определенное время, влияние Октября резко ослабело, наступила реакция: революция начала пожирать собственных детей. Это время (его справедливо называют «сталинским термидором») совпало у нас с установлением тоталитарного режима власти. В первую очередь, этот режим был направлен против тех, кто делал революцию, против так называемой «ленинской гвардии». Если не считать самого Сталина, из активных и видных участников Октября, о которых упоминал Ленин в своем Завещании, к концу тридцатых годов не осталось ни одного.

Сталинский тоталитаризм на многие годы уничтожил надежду на создание демократического общества в нашей стране. Используя мобилизационные методы для осуществления индустриализации и ведения войны, он не сумел подготовить советское

общество к новейшему этапу научно-технической революции, требовавшей свободного творчества и всеобщей демократии. В итоге тоталитаризм привел СССР к стагнации во второй половине XX века, нанес глубокую и до сих пор незажившую рану теории и практике социализма в мире. К сожалению, сегодня наблюдается определенное возрождение идей Сталина и сталинизма. Этому времени посвящены десятки телепередач, сотни статей и тысячные тиражи книг. Сегодня, спустя 50 лет после смерти Сталина, ему отдают определенную дань наша творческая интеллигенция, политические лидеры, журналисты. Почему это происходит? Ведь еще вчера упоминать имя Сталина в положительном смысле было не уместно. На мой взгляд, это следствие прямого разочарования людей в современных радикальных реформах, приведших к обнищанию народа, правовому, идейному и нравственному беспределу. Есть четкая закономерность: чем больше «бардака» в нашем обществе, тем больше людей начинают вспоминать о Сталине, «сильном государстве», «железной руке» и тоталитарных порядках.

Однако, на самом деле, «сильное государство» и «железная рука» – это не одно и то же. Как показывает опыт истории, «железная рука» - это всегда рука тирана, выражающего интересы узкого слоя общества, будь то государственная бюрократия, или олигархи. Сегодня ностальгия по «железной руке», по Пиночету, например, у Чубайса и ему подобных связана со стремлением защитить и сохранить любыми средствами миллиардные капиталы и различные «каменные палаты», нажитые в 90-е гг. несправедливым путем. Одновременно о железной руке мечтают и те, кто оказался, напротив, выбитыми из привычной жизни, или находится на дне общества. Все это создает те условия, которые, на самом деле могут породить нового тирана и новый тоталитаризм.

Вместе с тем, по настоящему «сильное государство», как любит говорить Михаил Сергеевич Горбачев, это «государство демократическое», защищающее общество от произвола и узурпации власти узкой группой лиц, будь то олигархи или госчиновники. Создание такого государства, заботящегося о судьбе простых людей – есть «последняя надежда» российского народа.

В советской истории, по меньшей мере, всегда боролось две характерные тенденции: демократическая и бюрократическая.

Присутствующий здесь драматург Гельман, будучи, секретарем партийной писательской организации, когда-то говорил, что в истории Советского Союза переплетаются две линии – линия прогрессивная, демократическая, подлинно ленинская, и линия реакционная, бюрократическая, извращающая идеалы революции. Каждый человек должен для себя сделать личный выбор: какой тенденции служить. Как известно, эту коллизию выбора он отражал во многих своих пьесах.

Становление сталинского тоталитаризма было также результатом своеобразного выбора определенных сил общества, и, прежде всего, отечественной бюрократии. Он проходил в ходе острой борьбы власти сначала с левой, а затем с правой оппозицией. В обществе не было ни одного класса, ни одного крупного социального слоя, который бы не испытал на себе последствия этой борьбы. Установление сталинского тоталитарного режима – было проявлением усталости определенных социальных групп общества от революционных потрясений и гражданской войны. Эта усталость проявилась в лучшем случае в безразличном отношении народа к процессам уничтожения многих участников революции в 30-е гг.

Здесь уже выступала Зоря Леонидовна Серебрякова: она об этом может сказать лучше, чем я. Тем не менее, нельзя забывать, что миллионы людей, которые были уничтожены в Гулаге, это была реальная оппозиция Сталину. Это были люди, которые, отстаивали до конца идеалы революции и социализма.

Социализм и тоталитаризм – понятия во многом несовместимые, понятия – антагонисты. Из осознания этого факта, по сути дела, и родился главный лозунг Перестройки: «Больше социализма, больше демократии!». Этому лозунгу предшествовала острейшая борьба двух выше обозначенных тенденций. И результаты ее известны: на

смену сталинскому режиму самовластия приходит хрущевская «оттепель», надломившая тоталитаризм, затем она сменяется брежневским авторитарным режимом, который сделал попытку воскресить сталинские порядки. Но сделать это в полной мере было ему уже не под силу: сталинизм противоречил новейшему времени, наступающей постиндустриальной эпохе. Вот почему брежневский авторитаризм со временем уступает место Перестройке и демократии, которые начинает осуществлять Михаил Горбачев и его реформаторская команда. Было бы нелепо считать перестроечный режим – тоталитарным режимом. Именно в это время появились характерные черты демократии: отмена цензуры, гласность, альтернативные парламентские выборы, свободный выезд за рубеж, идейный плюрализм, «новое мышление» и т.д.

Идеи Горбачева, провозгласившего на первых порах ускорение научно-технического прогресса и борьбу с бюрократизмом, были сразу поддержаны обществом. Эти идеи выражали интересы большинства и в этом отношении были чрезвычайно демократическими. Не случайно, поэт Евтушенко говорил в то время: «мы все в партии «Перестройка».

Как я уже отмечал, Перестройка началась как идея возвращения к ленинским нормам общественной жизни. О каких ленинских нормах тогда шла речь? Прежде всего, о Ленине времен НЭПа и его Политического завещания.

Говорят, что Ленин был всегда один и тот же в идейном отношении: якобы его взгляды на социализм не менялись. В частности, этой точки зрения до сих пор придерживается бывший главный редактор «Коммуниста» Ричард Косолапов. Я же считаю, что Ленин под влиянием жизни постоянно менял свои взгляды. Можно сказать, что «лениных» было много: был Ленин до 17-го года, Ленин – после 17-го года, Ленин – времен НЭПа и, наконец, Ленин во время написания своих последних работ, вошедших в его Политическое завещание. Он был духовно эволюционирующий человек. Его идея НЭПа, которую невозможно встретить у основоположников марксизма, оказалась наиболее эффективной и исторически во многом пророческой.

Тут уже ссылались на опыт Китая. А что сделал современный Китай? Он повторил фактически то, что было у нас сделано во времена НЭПа. Напомню, что за время НЭПа удалось восстановить все разрушенное хозяйство и поднять жизненный уровень людей до довоенных показателей. Почему нэповские реформы были так эффективны в отличие от современных реформ? Да, потому, что они выражали интересы и потребности не узкого слоя общества, а его подавляющего большинства.

Повторюсь, Перестройка было решительным уходом от тоталитаризма, возвращением к демократии и социальному творчеству масс. Она развязала инициативу людей, и в этой инициативе сразу проявились различные социально политические тенденции. Было бы ошибкой их сегодня не видеть. Они наиболее наглядно проявились как раз в дни путча Августа – 91 года.

Как известно, за возвращение к старым порядкам выступил ГКЧП. Вместе с тем, большинство сторонников Перестройки требовали ее продолжения. Они верили в возможность создания модели социализма с человеческим лицом. Наконец, сторонники неолиберального фундаментализма требовали покончить с социалистическим экспериментом и смело двигаться к капитализму – этому, с их точки зрения, высшему проявлению мировой цивилизации. За три дня Августовского путча все эти три тенденции проявились особенно наглядно. Я когда-то назвал августовские события «тремя поворотами истории за три дня».

Первый поворот истории был связан со взятием власти ГКЧП и отстранением от власти президента СССР М. Горбачева. Второй поворот связан с активным сопротивлением ГКЧП различных демократических сил, куда входили представители всех политических партий и движений. Это они охраняли Белый дом и требовали возвращения к власти президента СССР. Хочу напомнить, что большинство советских людей тогда пассивно отнеслись и к призывам ГКЧП, и к призывам Ельцина начать

всеобщую забастовку. Сегодня некоторые ангажированные идеологи и историки пытаются этого не замечать. Последний поворот истории связан с приходом к власти Ельцина и его окружения. Он сумел на волне массового демократического отпора ГКЧП, буквально подобрать никому не принадлежащую в то время политическую власть.

После возвращения из фюрорского пленения Горбачева в СССР на некоторое время устанавливается двоевластие (власть президента СССР Горбачева и власть президента России Ельцина). Это полный драматизма период истории, к сожалению, поверхностно отражен в литературе. С роспуском СССР, двоевластие исчезает и начинается десятилетний период радикальных реформ, названный в народе «потерянным десятилетием».

Когда Горбачеву после Фороса говорили, что он приехал в «другую страну», имели в виду, что эта страна другая в парадигмальном отношении. И это было правдой: сменился не только политический режим власти, но и социальные основы общества, заложенные некогда Октябрьской революцией. Поэтому правы те, кто считает Август-91 г. (в зависимости от точки зрения) либо революцией, либо контрреволюцией.

Чтобы не говорили сегодня критики Перестройки о недостаточности демократии в те годы, они не идут ни в какое сравнение с тем, что сделал Ельцин, построив систему олигархического капитализма, полностью отодвинувшую массы от участия в управлении обществом и государством. Во времена ельцинского правления нарушение прав человека, особенно в экономической сфере (право на труд и его своевременное вознаграждение) становится обыденным явлением. Не лучше обстояли дела и в сфере безопасности личности, в других областях. В стране, по сути дела, утвердился новый авторитаризм, прикрытый демократической риторикой.

Все это делает Перестройку сегодня весьма актуальным историческим явлением. История России XX века многому может нас научить. Мы попытались создать социализм с нечеловеческим лицом и его массы отвергли. Мы создали дикий или варварский капитализм, и он тоже сегодня не воспринимается народом. Следовательно, остается «третий путь». Перед выбором которого сегодня стоит Владимир Путин. Либо он пойдет по старым неолиберальным колеям, которые уже отыграны историей, либо он встанет на этот «третий путь», где демократические интересы большинства будут поставлены во главу угла. Если он этого не сделает, его ждет незавидная судьба Бориса Ельцина. И, напротив, если он это сумеет сделать, он сможет тогда претендовать на судьбу и имя настоящего реформатора России.

Берелович Алексис

Во время перестройки я много писал о ней. У меня странное ощущение, будто я говорю с героями моих статей и книг, как бы отчитываясь за то, что я тогда говорил. Так что еще раз спасибо, что вы мне предоставили возможность выступить.

До того, как перейти к самой теме, я хотел бы высказать некоторую реакцию на то, что было уже сказано.

Мне кажется, что, когда мы говорим о тоталитаризме, надо все-таки учитывать, о чем мы говорим. Я не хочу сейчас вникать в дискуссию о тоталитаризме, но просто напомню, что само это понятие является полем ожесточенных битв. И поэтому, когда мы говорим "тоталитаризм", это далеко не все *разрешает* в наших дискуссиях, а, наоборот, только *открывает* будущую дискуссию.

По моему мнению, в брежневское время уже не было тоталитаризма в полном смысле этого слова. Не всякая авторитарная система, не всякая система без демократии является тоталитарной. Конечно, тоталитаризм сталинского времени при Брежневе был уже сильно разрушен и надломлен.

Мне кажется, что те дискуссии, которые были во время перестройки (об утраченной возможности перейти прямо к тоталитаризму сталинского времени в

демократию) не учитывают, что брежневское время было как раз тем этапом, который позволил потом, во время перестройки, покончить с советской системой.

Второе, на что мне хотелось бы обратить внимание – дискуссия о возрождении сталинизма. Наверное, надо было бы учитывать, в какой форме, в какой ипостаси сейчас происходит реабилитация Сталина. Реабилитация его, как генералиссимуса, то есть как эмблемы великого государства, - это одно. Реабилитация его, как "лучшего большевика", - это было бы другое. Как создателя или главного героя создания системы ГУЛАГа – это третье.

И последнее – это замечание в защиту нынешних историков. Хотел бы сказать, что сейчас проводится настоящая историческая работа над сталинским периодом, проводится лучше, чем раньше. То есть выходит очень много хороших книг, архивных публикаций и т.д. Я думаю, что это не надо сбрасывать со счетов.

Теперь - прямо к моей теме: какие идеи, высказанные во время перестройки, определили, в некоторой мере, тот ход, который приняли события после перестройки или даже к концу перестройки. То, что идеи сыграли громадную роль во время перестройки, конечно, не надо обосновывать. Это всем ясно. Все помнят, насколько большую роль играли тогда именно идеи. Это понятно, поскольку идеология в советское время тоже была центральной темой, и демонтаж существовавшей идеологической системы был ключевым вопросом во время перестройки.

Одно маленькое замечание: я буду говорить об "общих интеллектуальных местах", имея в виду то, с чем выступала в те годы демократическая или либеральная интеллигенция. Конечно, были и аргументы "против", но просто у меня нет времени воспроизводить всю дискуссию.

Я думаю, что одним из основополагающих тезисов периода перестройки, который появился уже в 1987-1988 годах, было то, что страна – Советский Союз или Россия - живет плохо из-за советского режима, и только из-за него; что это страна богатая, поэтому "нормально" (я подчеркиваю слово «нормально») она должна была бы жить богато. Слово «нормально» подразумевало стандарты жизни Западной Европы, а не Африки или Азии. Логика была такой: если страна сможет превозмочь советскую систему и избавиться от Коммунистической партии, то она сразу войдет в период счастья, благоденствия и всеобщей радости.

Первое "общее место": если норма – Запад, и если Россия не знала эту норму из-за советского режима, конечно, ход событий и ход реформ совершенно очевиден: надо просто как можно сильнее критиковать существующую систему и от нее избавиться. Из этого вытекало, что хуже быть не может, то есть никакие изменения не могут понизить уровень жизни - об этом просто никто не задумывался. Все изменения приведут к лучшей жизни. Поэтому ухудшения, которые последовали, были таким "сюрпризом".

Второе "общее место": если достаточно сломать советскую систему, чтобы жить хорошо, то не надо задумываться над тем, как выходить из этой системы, не надо придумывать формы выхода из этой системы, не надо особенно задумываться над конкретными политическими, экономическими мерами. Поэтому достаточно было пользоваться двумя фетишами – "демократия" и рынок, не входя ни в какие подробности.

Вы, наверное, помните такое выражение: что нельзя перескочить пропасть в два прыжка, надо прыгнуть сразу. Я думаю, что эта идея сыграла плохую роль в перестройку. Почему? По той же причине: единственное, что надо - это избавиться от "старой" системы и тогда, естественно, мы нормально войдем в "новую". Не надо задумываться над разными сложными ходами и - достаточно прыгнуть. Ну и действительно прыгнули.

Это подразумевало (были, вы помните, статьи на эту тему), что не надо изобретать велосипед. Он уже давно существует. Имелось в виду, что запад уже существует, что дорога уже известна, и то, что надо делать, нам уже показывают. Поэтому все эти дискуссии пустые и ненужные, а достаточно сделать, как там.

При этом в перестроечное время разница между разными странами сглаживалась: был «какой-то» Запад с демократией, с рынком.

Я думаю, эта тогдашняя идея объясняет, в большой мере, трудные отношения нынешней России или, скажем, постсоветской России с Западом. Сначала - гипнотическое притяжение, а потом отторжение Запада, но и то, и другое не было рациональным и разумным отношением. Запад рассматривался как образец "нормальности", и, значит, мы должны выйти из своей "ненормальности", чтобы войти в общее русло развития, в общий поток человечества и т.д., который был похож, вообще-то, на те четыре формации, которые изучали в советское время.

Сама идея, что есть некий общий ход развития всего человечества, сохранялась, следовательно, советское время (в котором перемешивалось и ленинское, и сталинское) становилось просто "заскоком", который надо было преодолеть. То есть в 1917-м году мы немножко свернули с общей дороги, но сейчас мы вернемся. Весь советский период как бы надо поставить "в скобки".

Эта идея имела ещё одно отрицательное последствие: она позволяла сэкономить время на изучении советского периода. Мы говорим теперь, что нужно изучать свою историю, понять, что произошло. Идея, что можно "поставить в скобки" период от 1913 до 1992, перескочить и забыть то, что было между этими двумя датами, сыграла отрицательную роль для России.

Вот те "общие места" в рассуждениях тогдашней интеллигенции, о которых мне хотелось сказать. Думаю, они сыграли большую роль в том, что произошло, поскольку некоторые формы, которые принял процесс выхода из советской системы, переход в другую (не могу сказать - демократическую), были, по-моему, этим частично предопределены. Эти идеи рождались не во время перестройки, а были обнаружены в те идеи, которые создавались ещё в брежневское время, то есть в несвободное время, при отсутствии публичной дискуссии. Это, наверное, и объясняет их недостаточную продуманность.

Шевцова Л.Ф.

Я хотела бы остановиться, на одном моменте самого процесса перестройки, который до сих пор интригует.

Сразу признаюсь, что когда я читала и слушала Михаила Сергеевича и в те времена, и в нынешние времена, когда он говорил, что перестройка – наше будущее, этот тезис вызывал у меня либо скептическое недоумение, либо вежливую улыбку. Я про себя думала: ну, есть разные способы самооправдания.

В материалах дискуссий "Десять лет без СССР", изданных Горбачев-Фондом, я нашла тезис, принадлежащий Вячеславу Никонову, о том, что перестройка разминувшись с будущим. Я тоже долгое время думала именно в этом ключе.

Сейчас я начинаю переоценивать свое восприятие и прошлого, и будущего, и настоящего. Я готова дискутировать на тему о том, в какой степени перестройка может рассматриваться в нынешнем политическом и историческом контексте как вызов, как предупреждение, как урок, как частичный механизм, который может позволить избежать повторения некоторых ошибок.

Я воспринимаю перестройку как системную попытку обновить, реформировать традиционализм – попытку, которая завершилась несистемными последствиями.

Да, обвалилась цивилизованная альтернатива Западу. Да, обвалилось государство. Но впервые в России возникла демократическая легитимация власти. Впервые русская система власти оказалась подорванной. Только кирпичик выпал из неё, но стали изменяться отношения между властью и обществом, между системой и обществом.

Перестройка вызвала ряд процессов, которые было невозможно предвидеть и контролировать. И в конечном итоге мы присутствуем при формировании некой системы,

все существующие названия которой неудачны: гибрид, мутант, кентавр, и сколько бы мы ни делали попыток найти имя, оно не схватывает суть.

Самое важное то, что эта система опирается на взаимоисключающие, в принципе, факторы и тенденции. С одной стороны на несомненные, рыночные принципы, на несомненную попытку демократической легитимации власти. Но, с другой стороны, все еще власть персонифицирована, не расчленена, и "моносубъект" (определение Фурсова) продолжает существовать. Связка между властью и собственностью в лице связки между властью и бизнесом тоже продолжает существовать.

Как система, которая опирается на взаимоисключающие, взаимо - аннигилирующие принципы, может нормально функционировать? К счастью, она не консолидирована, поскольку власть, основывающаяся на этих принципах, никогда не может быть консолидирована. А это означает возможность движения как в сторону еще более неприятного тоталитаризма, так и в сторону демократии. Потому что долго болтаться в "межеумочном" пространстве ни система, ни власть не могут.

Однако, любопытно даже не в это столкновение принципов, которые разрывают нашу систему, несмотря на все это внешнее спокойствие и умиротворенность. Самое главное то, что происходит на протяжении последнего года, возможно, десяти месяцев. И дело не в той усиливающейся стагнации, не в том, что ни президент, ни правящий класс не знают, что делать, куда идти. Дело в том, что факт стагнации и то, что мы в тупике, признается очень многими по всему спектру политической жизни, – об этом говорят и левые, и правые, и центристы.

Я бы упомянула две попытки, возможно, вызывающие у нас естественный критицизм, но действительно интересные попытки, которые были сделаны в последние два месяца. Попытки не просто констатировать факт тупика, застоя и стагнации, но и наметить какие-то возможные варианты выхода.

Одна попытка сделана Явлинским в его брошюре «Демодернизация», а вторая попытка сделана Гайдаром в его двухчасовом докладе, тезисы которого были опубликованы в «Известиях». Сделано признание (в том числе и частью правящей коалиции), что: а) система не работает; б) мы движемся в очень опасном направлении; в) что можно придумать, что можно сделать?

Четыре принципа, выдвинутых Гайдаром - это уже какая-то попытка части правящей корпорации.

Я прихожу к выводу о том, что коль скоро представителей разных частей политического спектра говорят о необходимости что-то делать, система не в порядке, и мы опять приходим к выводу, что перестройка как принцип, как парадигма, как попытка системного обновления или, по крайней мере, системной трансформации (мирной, с участием и правящего класса) очень актуальна в нынешнем контексте.

Проблема в том, как избежать непредвиденных последствий, потому что последствия будут антисистемны. Речь идет о том, как системно найти выход из системы.

Коль скоро есть осознание необходимости новой трансформационной антисистемной перестройки, возникает вопрос: кто её субъекты? Есть ли силы, которые могут это потянуть мирно, цивилизованно, структурно, контролируя последствия? Как поведёт себя общество? Какова роль президента – он либо субъект, либо объект, либо вообще оказался в тени?

Встреча олигархов с Путиным произвела на всех нас негативное впечатление. В то же время она запоминается отблеском некоего позитива. Ходорковский сказал о коррупции: с нас она началась, но мы-то и готовы завершить её. Мы готовы менять правила игры. То есть в бизнесе - не только в мелком и среднем, но и в крупном, появляются люди, которые готовы к новым правилам игры.

Об обществе. По данным опросов 15 % населения постоянно выступают за реформу. 15% для такой страны как Россия, для крупных городов – это же сила. Пусть не 45%, а всего лишь 15%, но значит, есть, что консолидировать. Существует ещё третий

фактор. Когда общество действительно спит (кроме этих 15 процентов), обычно есть фактор извне. Это тот фактор, который сделал современную Германию, который сделал Центральную и Восточную Европу и гарантировал там трансформацию. К сожалению, сегодня внешний фактор для России не работает как фактор поддержки. Ирак и раскол Запада очень отрицательно, очень негативно воздействует на российские реформы. Более того, именно партнерство России с Соединенными Штатами является тем фактором, который нивелирует, ослабляет, ликвидирует потребность России во внутренней трансформации.

Остается последний фактор. О нем, кстати, писал Явлинский в своей "Демодернизации". От лидера, "системно" вознесенного на такую должность, несомненно, зависит очень многое. Зависит от того, есть у него трансформационный потенциал или нет.

Если говорить о внешней политике, можно предположить, что у Путина все же присутствует определенная доля этого потенциала. И вопрос – как его раскрыть, не имея давления "снизу", со стороны реформаторской части общества. Важно, что делать, какова иерархия приоритетов и каковы цели сейчас, с чем президент должен идти на выборы. А он, видимо, пока не знает, с чем он может идти на выборы.

В этой связи две ремарки в стиле риторических вопросов. Когда-то Михаил Сергеевич Горбачев сказал, что не бывает счастливых реформаторов. А кое-то в западной политологии придумал жесткий закон реформаторства, который заключается в том, что реформатор, реформируя систему, никогда не присутствует на завершающей стадии этой реформации. Он должен уйти. Зачастую его просто заставляют уйти. Такова судьба всех пока что живущих и бывших реформаторов. Так может ли Путин действительно инициировать перестройку и тем самым совершить политическое самоубийство? Потому что это будет означать, что он должен ликвидировать и разрушать все то, что он строил в течение этих двух или четырех лет, если речь идет о втором президентстве.

«Политология» говорит о том, что никогда реформы не предпринимались в условиях стагнации и спокойствия, в условиях, когда был такой валютный бюджет, такие цены на нефть. Возможны ли реформы без кризиса? Или же нам нужно ждать очередного кризиса, который прояснит ситуацию и который всегда был поводом, источником и движущей силой реформ?

Яблоков А.В.

Мне интересно присутствовать здесь и участвовать в фантастически важном для меня разговоре. Мне хочется заглянуть в прошлое, чтобы понять, что делать сейчас. Когда шла речь о перестройке, о возникновении гражданского общества, говорились, с моей точки зрения, правильные слова. Но не было компоненты естественно исторической. А она обязательно должна присутствовать. В Америке через 50 лет будет 300 млн. человек - через 50 лет в России будет 100 миллионов. А еще недавно в Америке населения было меньше, чем в России (в широком смысле – в Советском Союзе).

Есть так называемый демографический крест России. Начиная с 1964 г., продолжительность жизни в Советском Союзе и в России покатила вниз. Особенно значительно с 1986 года: перестройка, Чернобыль. Чернобыль – это естественнонаучная катастрофа, техногенная катастрофа. Без нее понять перестройку в целом тоже нельзя, ее нужно учесть.

Демографические прогнозы середины прошлого века говорили, что нас к 2000 году в мире должно быть 8 или 9 миллиардов человек, а нас оказалась только 6 миллиардов. На 2 или 3 миллиарда человек нельзя было ошибиться. Были какие-то другие факторы, которые повлияли на это. И этими факторами были, с моей точки зрения, два - химическое загрязнение биосферы и радиационное загрязнение биосферы.

О радиационном загрязнении биосферы впервые, наверное, заговорил Сахаров, когда сказал, почему он отошел от ядерных испытаний. Он посчитал (и эти расчеты потом

были подтверждены и усугублены в несколько раз), что 1 мегатонна взрыва ядерной бомбы в атмосфере означает смерть в череде поколений 50 тысяч человек. Сейчас есть еще более страшные расчеты. Он считал только по углеродам, мы посчитали по другим радионуклидам. Он считал только по раку, мы посчитали по младенческой смертности, по выкидышам.

В 1970-х гг. было проведено мощное секретное исследование о влиянии пестицидов на здоровье населения. Сейчас мы знаем результаты этого исследования. 75 научных институтов участвовали в этом исследовании. Я – один из авторов книги по этим результатам, которую мы с профессором Федоровым – другим отчаянным экологом, который борется против химического оружия, опубликовали в прошлом году. Страшные последствия были особенно для Средней Азии, для Кубани, для Дальнего Востока – там, где применялось много пестицидов.

Я хотел бы подчеркнуть, что нельзя обсуждать политические процессы, не учитывая экологических.

Сейчас ситуация не улучшается, а ухудшается. Эти экологические моменты должны быть интегрированы в картину историческую, тогда эта картина станет более полной.

Никонов В.А.

Я далек от катастрофизма двух последних ораторов. Я не считаю, что Россия находится в историческом тупике. Кстати, последняя книга Фонда Карнеги, её заключительная глава, которую написал Эндрю Качинс, говорит о том, что у России блестящая перспектива...

Я не считаю, что все демографические прогнозы правильны, потому что Организация Объединенных Наций свои демографические прогнозы пересматривает каждый год, причем они отличаются на сотни миллионов человек. Я не думаю, что падение численности населения по сравнению с прогнозами, которые были раньше, объясняется какими-то революционными вещами, просто резко упала рождаемость в развитых странах, в категорию которых переходит все большее количество стран и, в первую очередь, Китай.

Но сегодня у нас тема другая – перестройка как опыт преодоления тоталитаризма. Естественно, у меня тут же возник соблазн сравнить наш опыт преодоления тоталитаризма с другими опытами преодоления тоталитаризма. Хотя, сознаю, что любые аналогии хромают и что наиболее выдающиеся и наиболее успешные опыты преодоления тоталитаризма несравнимы с нашей перестройкой. Я имею в виду посттоталитарную трансформацию Германии, Японии, Италии, в которых ситуация была совершенно иной. Там трансформация шла после проигранной войны. Ясно, что к 85-му году «холодную войну» мы не проиграли.

Все те трансформации проходили в условиях оккупации и с оккупационным режимом, а он снимал очень многие вопросы, с которыми сталкивался Михаил Сергеевич Горбачев. Это, прежде всего, скажем, недовольство шахтеров, это проблема политической оппозиции, коммунистов, которые просто были загнаны в те места, откуда они не могли серьезно мешать проведению экономических реформ.

Посттоталитарные реформы в тех странах проводились консолидированной элитой, которая выступала более-менее как единое целое, чего в России не было. Вернее, это было в начале перестройки, затем пошла последовательная деконсолидация элит.

И, конечно же, все другие опыты преодоления тоталитаризма происходили не в России, которую, как известно, «аршином общим не измеришь». Поэтому в качестве аналогии (с чем можно сравнить нашу перестройку?) я позволю себе взять опыт посттоталитарной или поставторитарной трансформации 1917-го года – это и был первый и единственный "дух" перестройки.

Я понимаю всю некорректность сравнения этих опытов, но, во всяком случае, они происходили в одной стране, с одним и тем же народом. Можно, конечно, говорить, что царский режим не был тоталитарным, то также можно говорить и о том, что постбрежневский режим уже не был тоталитарным. Я, например, хорошо помню, как, будучи секретарем комитета комсомола исторического факультета МГУ, в 80-м году участвовал в проведении конкурса дискотек, который был посвящен 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина (это вряд ли говорит о режиме как о сильно тоталитарном).

Что было общего и что было отличного в этих двух "перестройках" кроме того, что и тот, и другой опыт привели, в общем-то, к дезинтеграции государства. Прежде всего – это благородство помыслов (в этом, я думаю, сомнений нет ни у кого и никаких). Это – опора на российскую интеллектуальную традицию. В первом случае – на либерально-социалистическую традицию. В случае с Михаилом Сергеевичем – на шестидесятничество.

Правда, выяснилось, что эта интеллектуальная традиция оказалась исключительно непрактичной. Она, скорее, дезориентировала и вооружала аргументами идеалистического толка – типа всеобщей любви, братства, общечеловеческих ценностей, идеальной демократии, о которой, вообще-то, можно прочесть только в книжках для детей о демократии, которые издавались и издаются на Западе, и в тех же книжках для неразвитых государств, которые тоже издаются на Западе. Тогда, в 80-е годы было очевидное невнимание к вопросу легитимизации посттоталитарной или поставторитарной власти. Так Временное правительство, как будто ему была отведена вечность, тянуло с Учредительным собранием.

Михаил Сергеевич Горбачев так и не получил общенародной легитимации, хотя такая возможность была. Это привело и в одном, и в другом случае к ситуации двоевластия, которая, в одном случае закончилась крахом Временного правительства, а в другом – развалом Советского Союза.

Была очевидна недооценка исключительно важного в России национального фактора. Либералы в 1917 г. очень удивились, когда в условиях демократической России вдруг отдельные нации, народы бывшей Российской империи, теперь свободной страны, вдруг начали требовать себе самостийности и независимости (прежде всего финны, затем это начали делать украинцы, причем в то время без всякого Чернобыля).

Наконец, и в 1917 г., и в 80-е годы были очень сильные надежды в отношении Запада, в отношении того, как Запад нам поможет. Кстати, на Западе тоже были исключительные надежды на демократическую трансформацию России и в 17-м году (после февральской революции), и во время перестройки.

Тем не менее, Горбачеву посттоталитарная трансформация удалась гораздо лучше, чем его предшественникам. Она оказалась переходом не от авторитаризма к авторитаризму или не от авторитаризма к тоталитаризму, а все-таки от авторитаризма, скорее, к демократии. Это было гораздо более постепенная и продуманная кампания по посттоталитарной трансформации, в отличие от 17-го года, когда государство рухнуло в одночасье усилиями того же Временного правительства и усилиями тех же самых Советов. Потребовалось гораздо меньше жертв. Жертвы были, и мы все это помним, но они несопоставимы с теми жертвами, которые были принесены тогда. Гораздо меньшими были экономические потери.

В результате мы получили гораздо более либеральный режим, который не только не находится в полной международной изоляции, но, напротив, является активным участником процессов создания глобального мира.

Могут возразить, что тогда все закончилось восстановлением страны, а в 80-е годы – нет. Я думаю, что надо делать поправку на историю. Прежде всего, в начале XX века Евразия не созрела еще к тому, чтобы на ее территории создались национальные государства, то есть пошел тот процесс, который развивался в Европе, начиная с XVIII,

XIX вв. Теперь это, безусловно, произошло. Евразия созрела, создались национальные государства.

Я считаю, что одной из величайших заслуг перестройки было то, что возникла не только Россия как национальное государство, но и более двух десятков других национальных государств, которые имеют шанс развиваться на демократической основе. Я думаю, что именно за это мы, в первую очередь, должны быть признательны Михаилу Сергеевичу Горбачеву.

Даниэль А.Ю.

Начну с вопроса о значении правовой идеи в годы перестройки: дело в том, что слова «права человека» были написаны отнюдь не только на знамени того неопределенного общественно-политического направления, которое принято называть демократическим движением в годы перестройки. Эти слова писали абсолютно на всех политических знаменах – вплоть до радикальных националистов и даже фашистов. Они тоже кричали о правах человека. Другое дело, как они понимали этот термин «права человека». Вспомните, каждый вкладывал в эти слова свой смысл. Но все-таки очень важно, что эти слова всеми произносились.

На мой взгляд, концепция прав человека как общественная ценность – это то, что горбачевский Советский Союз опосредованно, через либеральных публицистов эпохи перестройки, унаследовал от правозащитного движения и широкой диссидентской активности 60-х - 80-х годов. Вместе с этой концепцией были унаследованы еще несколько важнейших общественных ценностей, которые определили ход событий во второй половине 80-х годов. Это те принципы, которые иногда формулировать, а иногда и нет, но определяли "классическое" диссидентство предшествующего периода. Это: 1) принцип отказа от насилия как средства для достижения общественных, политических и любых других целей; 2) гласность и открытость; 3) апелляция к праву и, в особенности, к правам человека.

Эта совокупность общественных ценностей (действительно разделявшаяся более или менее всеми) сыграла огромную роль. Она всплыла на поверхность в годы перестройки, но, на самом деле, активно вырабатывалась частью общества раньше. Конечно, это альтернативная история, в некотором смысле. Но другие альтернативы, которые стояли перед страной в 1985, 1986, 1987 и далее годах толкали страну к насилию.

Откуда взялись эти принципы, эти концепции? Их истоки не столько в хрущевской попытке реформирования сталинистской системы, не столько в хрущевском успешном выходе из террористической фазы этой системы, сколько в недостаточности такого выхода для общества.

Понятно, что деятельность антисталинистов "наверху" в середине 50-х годов была крайне важна для страны, потому что она действительно конституировала процессы, которые еще в последние годы жизни Сталина некоторым паскудным образом шли и обозначали постепенный выход из террористической фазы тоталитарного режима. Но этого было явно недостаточно. Никита Сергеевич Хрущев отключил механизм массовых репрессий подобно тому, как Михаил Сергеевич, спустя 30 лет, вообще переключил этот рубильник на ноль. И это было, может быть, самым важным, что было сделано за годы перестройки. Хрущев сильно ограничил механизм репрессий, они перестали быть массовыми. Он провел реабилитацию, но, как мы теперь знаем, неполную. Собственно говоря, в значительной степени этим ограничилась хрущевская десталинизация. Безусловно, обществу этого было мало.

Незавершенность, неполнота десталинизации, которая происходила в 50-е – начале 60-х годов, вызвала серьезное общественное поражение, которое пережила, прежде всего, интеллектуальная элита. Это было новое для России явление, вызванное окончанием этой террористической фазы тоталитаризма.

В этот период возникает, первое проявление независимой открытой общественной активности. Если мы внимательно посмотрим на события хрущевской оттепели, то мы увидим, что вся общественная жизнь сосредоточилась в то время на оппозиции сталинизм-антисталинизм.

Конечно, не могу не согласиться с Вадимом Андреевичем Медведевым, что эта оппозиция носила в значительной мере символический, знаковый характер. Но и не только символический. В конце концов, Сталин был основным архитектором советской системы. За вычетом массовых репрессий эта система оставалась нетронутой.

Таким образом, в 50-е, 60-е, 70-е годы спор об истории был спором о сути современного общества. По различным социокультурным и политическим причинам этот спор о сталинизме приобрел особую остроту в сфере культуры. Очень часто этот спор формулировался как спор о свободе творчества.

До конца 60-х годов все наиболее острые столкновения между властью и обществом происходили именно в этой сфере и именно вокруг проблемы свободы творчества. Потом проблема начала "разрастаться" в общественном сознании. Она продвинулась до вопроса о свободе слова и мнений не только в литературе, но и о свободе публицистического слова и политических мнений. И этот процесс привел к совершенно автохтонному формированию концепции прав человека внутри советского общества, вне зависимости от усилий западной пропаганды.

Не надо преувеличивать её победу «в холодной войне». Это пусть советологи преувеличивают, западным советологам положено преувеличивать свои заслуги в каких-то победах, в какой-то войне.

На самом деле, единственное, чего добилась западная пропаганда непосредственно и собственными усилиями – это в том, что привила советской молодежи вкус к легкой музыке. Подчеркиваю, концепция прав человека зародилась внутри советской культуры, внутри российских культурных традиций, внутри «железного занавеса». В действительности, вне зависимости от усилий Запада. Эта концепция стала основой той независимой гражданской, культурной, политической, наконец, активности 70-х годов, которая получила название «диссидентская активность».

Я не рискнул бы сказать, что в 70-е годы в России возникало гражданское общество. Я бы сказал осторожнее, что отрабатывались модели и принципы гражданского общества в диссидентской среде. Точно так же «Самиздат» нельзя считать заменой свободной прессы - Это всего лишь модель свободной прессы. Тем не менее, это было важнейшим этапом демонтажа сталинской системы по одной простой причине.

Если бы меня попросили сформулировать, что такое сталинизм в самом общем виде, я бы сказал так: сталинизм – это не более, чем страна, лишённая гражданского общества и его фундаментальной основы – права. Все остальное – террористические фазы. Массовые репрессии – не более, чем фактор террористической базы этого режима. А главное – отсутствие независимой открытой гражданской инициативы и неуважение к праву.

Мне кажется, что это наиболее универсальное определение тоталитаризма, в принципе, свободное от исторически обусловленных форм. В этом смысле перестройка легитимизировала и проявила те тенденции, которые в скрытом виде уже существовали в недрах брежневской эпохи.

В заключение я хотел бы возразить Егору Владимировичу Яковлеву, который говорил, что спор об истории не бывает рычагом политического развития. Я бы возразил, что как раз именно года перестройки показали, что спор об истории как раз и бывает этим рычагом.

Самодуров Ю.В.

Когда меня позвали сюда выступить, я спросил, что здесь будет? Мне сказали, что будут выступать идеологи перестройки, активисты перестройки и исследователи

перестройки. Я сказал, что я, конечно, активист. И тема моего выступления может быть такая: препирательства с прошлым и будущим России тех общественных структур, которые я пытался создавать.

Когда я попал сюда, я увидел, что, вообще говоря, круг присутствующих в зале гораздо шире. Здесь присутствуют руководители перестройки, которых мы видели с экранов телевизора. Здесь есть несколько человек, которых мы называли «прорабами перестройки», есть деятели перестройки и в последнюю очередь - активисты. Ни до прорабов, ни до деятелей я не дотягиваю, а вот к активистам принадлежу.

Не случайно в этом зале нет тех, кто сегодня играет такие же роли. Не случайно по двум причинам. Во-первых, потому что перестройка, к сожалению, закончилась. Во-вторых, это говорит и об определенном разрыве в преемственности и об определенном отношении к перестройке. Либо, как говорится, нечего продолжать, либо те, кто сегодня выполняют роли, о которых я упомянул, не хотят продолжать то, что было начато в перестройку. Об этом я хочу сказать несколько слов.

Поскольку я являюсь представителем самого «нижнего уровня» – активистов перестройки (хотя всегда при этом пытался быть также и идеологом) непосредственных пересечений с Михаилом Сергеевичем у меня было всего два.

Первое – в 1986 году. Я был тогда выпускником Московского геологоразведочного института (аспирантом). Здание института на проспекте Маркса, окнами на Кремль хотели передать под ВНИИ Внешнеэкономических связей, Катушеву. И мы организовали вахту социальной защиты Минералогического и палеонтологического музеев, находившихся в этом здании. Уж больно было жалко, что замечательное учреждение, созданное Вернадским, отдадут под демонстрационный зал для легковых машин. Дело, в конце концов, решилось на уровне Горбачева, как ни странно. Он сказал, чтобы оставили это здание за Минералогическим и палеонтологическим музеями. Сейчас там Государственный геологический музей имени Вернадского. Позже я полгода был исполняющим обязанности его директора. Но так это место для академика, а я только кандидат, соответственно, оказался на этом месте не по чину и не ко двору.

Второе пересечение с Горбачевым было при создании «Мемориала». И должен сказать, что я ощущаю некоторую парадоксальность ситуации. Тогда, 15 лет назад мы, активисты написали письмо к Горбачеву с просьбой поддержать создание и задачи этого общества. Письмо подписали сто восемь самых известных в нашей стране деятелей культуры и науки. Михаил Сергеевич тогда на это письмо не отреагировал и позже тоже.

И вот сегодня, через 15 лет у меня тоже в руках письмо, подписанное деятелями культуры (их поменьше, но тоже около 20 человек, в том числе всенародно известных) по поводу войны в Чечне. Ситуация в каком-то смысле повторяется. Здесь в зале есть люди из первого общественного совета «Мемориала», т.е. люди, к которым я в те годы мог совершенно спокойно подойти и сказать, ну как же мы можем безобразия с отношением к преступлениям сталинизма не видеть, надо же что-то предпринять. Сегодня я стесняюсь обратиться к тем же самым людям с такими же словами по поводу войны в Чечне. Изменилась общественная атмосфера.

Что было очень важно в те годы, что, вообще говоря, вело людей, чего мы (активисты) добивались, что позволил сделать Горбачев, и что - главное из тех лет - потеряно сегодня? Наше сегодняшнее заседание мне напоминает по атмосфере заседания в 1987 году в клубе «Перестройка», где впервые в жизни люди абсолютно разных профессий, совершенно разных социальных статусов могли собираться и обсуждать самые насущные для них вещи. Эта ситуация и это совместное обсуждение самых насущных вещей – то, что суконным языком можно назвать социальным творчеством людей активных, к сожалению, кончилось после августа 91-го года. По крайней мере, кончилось в той форме, которая была вызвана обращением власти к народу. Не знаю, насколько сознательно было в те годы обращение власти к народу, но, во всяком случае, народ чувствовал себя причастным к созданию этой ситуации. Сейчас же – нет. Может

быть, именно это обстоятельство является причиной того, что сегодня люди, чьи роли в нынешнем обществе я упоминал, не присутствуют в этом зале, и не только в этом зале, но и на многих других подобных конференциях.

Так все-таки, что удалось сделать в той области, в которой я работал и работаю, и что не удалось? Созданный активистами с помощью «прорабов» перестройки «Мемориал» сумел выразить боль миллионов людей. Когда здесь Вадим Медведев говорит, что Сталин в 80-90-ые годы не играл существенной роли в жизни общества, я с этим не могу согласиться. Громадную роль Сталин играл. С этим была связана боль десятков миллионов людей, чьи родные и близкие были репрессированы, которые в себе ее носили, но не могли высказать вслух. Перестройка это позволила. Но, к сожалению, ни руководители перестройки, ни «прорабы», ни мы, активисты, не сумели превратить, «конвертировать» эту боль в институциональное осуждение советского режима и в понимание властью и народом того, что государство - СССР, которое существовало до 91-го года, по своим основам было бесчеловечно, и что оно не имело права на продолжение своего существования.

В символическом плане есть масса вещей, которые могли бы это подчеркнуть и сделать. Прежде всего, моей личной целью и целью «Мемориала» в те годы было создание национального значения музея, архива и библиотеки, посвященных истории репрессий в СССР. При этом лично мне был нужен не просто большой, хороший музей, а музей, чье существование должно было быть признано необходимым и государством и обществом, как выражение и признание ими своей вины, ответственности и боли за то, что десятки миллионов людей в СССР были подвергнуты политическим репрессиям. Сделать этого, к сожалению, не удалось до сих пор.

Вместо этого продолжается празднование разных юбилеев: 80 лет ВЧК-НКВД-КГБ-ФСБ, 200 лет – прокуратуре и т.д. Нет той границы между прошлым и нынешним, а соответственно и будущим государством, не возникло того отношения к нашему прошлому, благодаря которому мы понимаем, вообще говоря, что было позади, и в какой стране мы хотим жить дальше. Это является и являлось все годы предметом главного препирательства с государством тех общественных организаций, которые я создавал и в которых работал.

Лично для меня, как активиста перестройки, идея была в том, что мне всегда хотелось жить в таком государстве, которое для меня является партнером. Тогда была такая тенденция. Часть людей действительно хотели и добивались этого. Сегодня, вообще говоря, такого отношения к государству абсолютно нет. Возникли совершенно новые явления, которые требуют совершенно нового осмысления.

Тема, которая больше всего меня сегодня волнует, помимо той нерешенной проблемы болевой, - отношения нашего общества и государства к своему прошлому, - это новые социальные неравенства, которые возникли в условиях политической и экономической свободы. Социальные неравенства могут быть **справедливыми** и могут быть **несправедливыми**. Справедливые – те, которые обоснованы и принимаются людьми и по механизму своего возникновения и по «абсолютному» какому-то исчислению. Проблемы оценки справедливости и несправедливости социальных неравенств, поддержки справедливых и изменения несправедливых неравенств напрямую связаны с выработкой критериев и методов оценки эффективности деятельности органов демократической власти. Эти проблемы даже не ставятся. Они не ставятся не только властью, но не ставятся и гражданским обществом. Во всяком случае, те деятели после-перестроечных реформ, о которых сегодня упоминали (Гайдар, Чубайс и т.д.), эти проблемы не ставили тогда, не ставят и сегодня, а для меня они остаются самыми важными.

Межуев В.М.

Не знаю, в качестве кого я здесь выступаю - активиста, попутчика или просто современника перестройки, но, думаю, что любой думающий человек, живший в то время, не мог пройти мимо, остаться равнодушным при виде происходящего. Я здесь не исключение.

По моему мнению, в российской истории XX века были два события, эквивалентные по своему смыслу и значению, хотя различающиеся между собой по методам своего осуществления. Оба они – вершинные точки в нашей истории последнего столетия, ее наиболее отличительные приметы. Первое событие – это великая русская революция, начавшаяся, как известно, не в Октябре, а в Феврале, о чем почему-то часто забывают. Октябрь с его диктатурой и террором был лишь заключительным этапом революции, ответной реакцией на Февраль, что характерно для всех революций. Вторым событием стала перестройка, с которой начинается новый – постсоветский – период нашей истории. Для меня эти события однопорядковы в том смысле, что представляли собой беспрецедентную в нашей истории попытку учреждения демократии на Руси, ее перевода в русло демократического развития (по образцу западных демократий). Других таких попыток я просто не знаю. Начатое Февралем, но затем прерванное Октябрем движение к демократии как бы возобновилось с началом перестройки. Хотя перестройка мыслилась ее творцами не как отрицание Октября, но лишь как исправление его негативных последствий под обобщенным названием «тоталитаризм», она оказалась даже более грандиозным, чем Февраль, опытом демократической трансформации России. Однако, как и в далеком Феврале, новый опыт демократизации страны почему-то обрывается на середине, не доводится до конца, оборачивается частичным (пока частичным) возвращением вспять. Период правления Ельцина, став концом коммунизма в теории и на практике, отнюдь не стал, на мой взгляд, периодом торжества и расцвета политической и социальной демократии. Хотя, конечно, не надо и преуменьшать значение перестроечного опыта: сегодня мы все-таки живем в стране, пусть до конца и не демократической, но все-таки уже не тоталитарной.

Время, прошедшее после перестройки, позволяет, как я думаю, не только высоко оценить ее значение для демократизации России, но и поставить вопрос о том, почему демократия не слишком приживается у нас, вызывает определенное отторжение снизу и сверху, тормозится и блокируется в ходе своего осуществления. Что, собственно, препятствует ее установлению? Сталина уже нет, КПСС тоже, но демократия наша не только далека от совершенства, но в ряде случаев весьма условна, существует более на словах, чем на деле, склонна к компромиссам с властью и бюрократией. После некоторых выступлений, прозвучавших здесь, создается впечатление, что главным врагом на пути демократии был Сталин и его окружение, тогда как все остальные были сплошь демократами. Но разве только коммунисты являются у нас противниками демократии? Разве к ним не относятся монархисты и националисты всех мастей, ненавидящие коммунизм и мечтающие о возрождении самодержавной и православной России? Недемократизм - коренное свойство не только сменявших друг друга российских политических элит, но и основной массы нашей, казалось бы, свобододобивой интеллигенции, зависящей от власти в значительно большей степени, чем она о себе думает (не потому ли деятели искусства и культуры сегодня пачками вступают в «партию власти»?). Она, конечно, позволяет себе время от времени фрондировать по отношению к власти, но это еще не политика.

Для меня Сталин – не причина, а следствие недемократичности страны, закономерный итог ее многовековой политической и даже культурной истории. И после Сталина то, что названо было «культом личности», пусть в ослабленной, смягченной форме, сохраняет свое значение основной нормы нашей политической жизни и политической культуры. Напрашивается вывод, что хронический недемократизм нашей страны имеет под собой не только субъективные, но и объективные основания, вызван обстоятельствами более сильными, чем все предпринимаемые усилия по ее

демократизации. Видимо, нельзя усматривать причину слабости нашей демократии только в чем-то злом умысле и личных амбициях. Об этом никто здесь не говорил, но без этого нельзя, как мне кажется, понять судьбу перестройки.

Быть последовательным демократом в нашей стране, действительно, трудно, а быть демократом у власти вдвойне труднее, фактически чревато неизбежным политическим поражением. Я объясняю это тем, что демократия ни в ее либеральном, ни в ее социалистическом или социал-демократическом вариантах не знает пока, не выработала ответа на два коренных, поистине роковых, вопроса нашей истории. На эти вопросы не было демократического ответа ни у одной партии России к началу революции, как нет их и сейчас. Кто бы из них не победил тогда в борьбе за власть, вряд ли смог бы найти им чисто демократическое решение. Своей победой на Западе демократия во многом обязана тому, что оба эти вопроса были предварительно решены самим ходом европейской истории. Что же это за вопросы?

Первый из них – крестьянский, или аграрный. Большая часть российского крестьянства жила в условиях общинно-патриархального строя, являвшегося главным препятствием на пути развития не только рыночной экономики, но и ускоренной индустриализации страны. Как можно в этих условиях модернизировать страну, да еще демократическими средствами? На этот вопрос не было ответа не только у западных либералов, но и у западных социалистов. Даже Маркс в конце жизни пришел к выводу, что сломить сопротивление крестьянской общины в процессе капитализации России можно только насильственными методами, способными залить страну потоками крови. Поэтому для России, как он советовал Вере Засулич, было бы лучше повременить с переходом к капитализму, дожидаться социалистической революции на Западе, чтобы затем встать ей в хвост и перейти к социализму на базе общинного хозяйства, так сказать, минуя капитализм. Согласно такому пожеланию, Россия и после победы социализма в мировом масштабе должна оставаться аграрной страной, мировой деревней, передоверив функцию мировой фабрики промышленно развитому Западу. Вряд ли такое пожелание могло устроить русских марксистов и тем более большевиков. Сталин, как известно, решил проблему чисто по-русски, предпочтя длительной и неопределенной в своих результатах новой экономической политике Ленина (тоже не слишком демократической, учитывая сохранение руководящей роли партии), более быстрый путь насильственной коллективизации и раскулачивания. Но был ли в ситуации ускоренной индустриализации демократический ответ на этот вопрос? Честно говоря, я его не знаю. И победы в 17-ом году не большевики, а буржуазно-либеральные партии, как бы они поступили с общиной, стремясь превратить Россию в капиталистическую, промышленно развитую страну и одновременно сохранить ее в качестве суверенной державы? Допустим, коллективизацию они заменили бы хуторизацией и фермеризацией (как при Столыпине), но ведь тоже насильственной. Добровольный выход из общины, как показывает мировая практика, затянулся бы на столетия.

Второй вопрос – национальный. Дело не только в том, что Россия – многонациональная страна (таких стран много), но и в том, что каждый народ живет здесь на своей исторической территории, сохраняет связь со своими богами, традициями, языком и культурой, так и не успевшими переплавиться в одном общем котле. Что может заставить эти народы жить вместе, в составе единого государства? Где в демократической Европе (за исключением, возможно, маленькой Швейцарии) существование многонациональной федерации (тем более империи) оправдывало себя? Демократия не обменивается на национальный суверенитет и ценится лишь при его наличии. Она, как правило, несовместима ни с империями, ни с многонациональными федерациями. Любое движение по пути демократии сразу же ставит под вопрос возможность сохранения целостности таких многонациональных образований (последний пример тому – распад Югославии). И какая демократия может примирить стремление народов, живущих на своей территории, к национальному самоопределению, в том числе государственному, с

необходимостью их совместного проживания в составе единого государства? Опыт существования СССР был наиболее грандиозной в XX веке попыткой решить эту проблему, но и он оказался в итоге не слишком демократическим и, главное, так и не завершился успехом. Желание сразу же и во всем стать демократической страной оказалось явно несовместимым с существованием СССР. А разве Российская Федерация не стоит перед той же проблемой? Можно ли было, например, чисто демократическими средствами принудить Чечню признать над собой государственный суверенитет Российской Федерации?

Необходимость модернизации в условиях традиционно-патриархальной и многонациональной страны, какой была и во многом остается Россия, является у нас главным препятствием на пути к демократии, причиной слабости, неустойчивости, непоследовательности демократических реформ как в начале XX века, так и в его конце. Здесь всегда надо было чем-то жертвовать – либо модернизацией, примиряясь с ролью слаборазвитой страны, периферии западного мира, либо демократизацией в ее полном объеме. Модернизация в режиме полной демократии в России никогда явно не проходила. С другой стороны, отсутствие демократии – экономической и политической – рано или поздно становится препятствием на пути модернизации, особенно в эпоху постиндустриализма. Перестройка, насколько я понимаю, должна была обеспечить такой разумный баланс между демократизацией и модернизацией страны, который не допускал бы одновременно распада государства и социальной деградации населения – его обнищания и криминализации, выпадения из всех социальных структур. Иными словами, нужна была определенная мера в проведении демократических реформ, учитывающая как потребности модернизации, так и возможности государства и народа воспринять их. Задача, прямо скажу, трудно выполнимая, требующая изощренной и гибкой политики, хождения, что называется, «по лезвию бритвы». Здесь важно было не только все решительно ломать, но и сохранять определенную преемственность с прошлым. Ведь демократия в России всегда гибла в силу своей неукорененности в традиции, резкого разрыва с прошлым. Так было в Феврале, так, похоже, происходит и сейчас. Короче, нужна была, как мне кажется, не ликвидация социализма, а его демократизация, т.е. его реформирование в направлении хотя бы той же социал-демократии, о которой сегодня так много говорит и которую пытается создать в России Михаил Сергеевич Горбачев.

Считают, что сделать это было невозможно, что строй не поддавался никакому реформированию. Если так, то перестройка с самого начала была обречена на провал, а все последующее надо признать неизбежным. Я так не думаю и пример Китая, пусть во многом не похожего на Россию, меня в этом убеждает. К сожалению, в силу российской привычки все вопросы решать революционным, силовым путем допустимая мера реформирования режима была нарушена, что дало эффект, прямо противоположный ожидаемому. К тому же переход к демократии наши радикальные либералы отождествили не просто с правовой и экономической (рыночной) реформой, что еще более или менее понятно, но с немедленным и повсеместным переходом к капитализму, о котором у народов России имеется весьма смутное представление. В итоге вместо модернизации мы получали демодернизацию - разрушение всего промышленного потенциала страны, вместо гражданского общества – подобие сословного, вместо демократии – разгул бюрократии и новый виток укрепления «вертикали власти». На смену социализму пришел не капитализм, а какая-то криминальная практика вне рыночного и вне правового захвата и передела собственности, причем не своей, а государственной.

Демократы, не желающие считаться с особенностями страны, с ее прошлым, действующие наперекор народным инстинктам и обычаям, рвущиеся к своей цели напролом, являются самыми опасными противниками демократии, ее губителями. Именно такие демократы в нашей истории обрекали демократию на поражение. Они всегда хотели больше того, что могла дать страна на данный момент, заставляя ее после всех произведенных ими разрушений возвращаться назад. Я еще в начале правления Ельцина

писал о том, что сплотившиеся вокруг него «демократы» дискредитируют в сознании людей саму идею демократии. Так оно и происходит. Отвергнув перестройку за ее якобы недостаточный демократизм, они менее всего руководствовались демократическими принципами при проведении своей реформы, предпочитая действовать революционными методами. В итоге они привели страну не к демократической трансформации, а к постепенной регенерации старого режима. Складывающаяся система власти если не во всем повторяет старую систему (в истории вообще ничто не повторяется), то очень близка ей типологически. Опять замаячил призрак однопартийной системы, в которой власть принадлежит не сменяющим друг друга партиям и движениям, а конкретному лицу, которому, естественно, «нет альтернативы». И, возможно, потребуется еще одна перестройка, чтобы, наконец, в России демократия стала не просто пожеланием, но и реальностью.

Барсенков А.С.

Отмечая актуальность темы нынешних горбачевских чтений — «Перестройка как опыт преодоления тоталитаризма: выводы для будущего» — хочу сделать акцент на том, что это была незавершенная попытка, которая привела к результатам во многом противоположным тем, которые замысливались вначале. В этой связи не могу не отреагировать на замечание Е.В. Яковлева, который упрекнул инициаторов преобразований в том, что они не имели плана реформ. Удивительно, что эта мысль в последнее время повторяется даже теми, кого ранее называли «прорабами перестройки». Это довольно странно слышать, если вспомнить, что М.С. Горбачев пришел к власти, когда политико-партийная схоластика по-прежнему играла огромную роль, а в Программе КПСС *еще* содержалось *уже* не реализованное обещание построить коммунизм к 1980 г. В этих условиях ожидать от новых лидеров развернутых «планов» коренной реконструкции сложившейся модели социализма было бы неисторично. Тогда речь могла идти лишь о самых общих контурах преобразований: изменении управления экономикой, активизации социальной политики, демократизации общественной жизни, преодолении конфронтации на международной арене.

Более того, существовавшие долгие годы идеологические ограничения препятствовали обсуждению рациональных предложений совершенствования советского общества. Поэтому одна из главных задач нового руководства состояла в раскрепощении общественного сознания, поскольку наличия одной политической воли для реформ было недостаточно для их успешного проведения: отказ от явно не оправдавших себя постулатов предстояло заменить идеями, соответствующими новой эпохе и воспринимаемыми населением. И здесь в начале перестроечного периода были самые большие трудности. На мой взгляд, ситуацию в идеологической сфере наиболее точно определил известный историк М.Я. Гефтер. Одна из его публикаций тех лет называлась «От анти-Сталина к не-Сталину». Здесь обращалось внимание на то, что сам по себе отказ от догм прошлого не ведет автоматически к искоренению их негативных последствий, но требует достаточно трудных «созидательных» интеллектуальных усилий.

В этом плане в период перестройки была проделана огромная работа, когда в результате процессов демократизации за несколько лет удалось выйти на такие подходы и решения, о которых в начале 1980-х гг. было небезопасно даже говорить. В то же время, реализация новых подходов оказалась сопряженной со значительными трудностями, отражавшими логику раскрепощения общества и поиски путей разрешения долго копившихся противоречий. На мой взгляд, в истории 1985—1991 гг. можно выделить четыре качественно отличающихся друг от друга этапа. В основе предлагаемой периодизации лежат два критерия: характер представлений о путях реформирования общества и соотношение сил, готовых или способных отстаивать ту или другую альтернативу. Первый этап охватывает 1985—1985 гг., начальная часть которого (до лета 1986 г.) проходила под лозунгом ускорения социально-экономического развития

советского общества, а вторая — с середины до конца 1986 г. — завершилась формированием у руководства более-менее цельного представления о том, что центральным звеном преобразований должна стать демократизация всей системы общественных отношений в СССР.

Второй период охватывает время с 1987 до середины 1990 года. В его рамках произошла не только радикальная демократизация общества в СССР, колоссальные изменения в идеологической сфере и начата реформа политической системы советского общества. На мой взгляд, не менее важным было то, что именно к весне—лету 1990 г. были разработаны конкретные пути движения от административной экономики к рыночной, а также намечены те меры, которые в перспективе могли существенно изменить к лучшему ситуацию в сфере межнациональных и федеративных отношений. Я имею в виду появление летом 1990 г. двух программ перехода к рынку (Л.И. Абалкина и С.С. Шаталина—Г.А. Явлинского), а также пять апрельско-майских законов 1990 г., где затрагивался широкий спектр национальных проблем. В целом же 1987—середина 1990 гг. прошли при определяющем влиянии инициатора послеапрельского 1985 г.) курса, и если говорить о «перестройке» как о системе преобразований, связанных с именем М.С. Горбачева, то этот термин в наибольшей мере применим именно к данному периоду. Настаивая на качественных переменах в жизни советского общества, Горбачев позиционировал себя с «социалистическим выбором».

Третий период приходится на середину 1990 — середину 1991 гг. На мой взгляд, это наиболее драматичный период перестройки. С одной стороны, было ясно, что нужно делать для реформирования экономики, совершенствования федеративных отношений, а с другой, — деятельность союзного руководства блокировалась лидерами крупнейших союзных республик, суверенизаторские устремления которых часто сводили на нет многие рациональные инициативы «центра» и в итоге вели не к ускорению реформ, а к дезорганизации экономической жизни, обострению социальных проблем и политической дестабилизации. Противостоящие Президенту и правительству СССР силы выступали под флагом либерально-демократического выбора, а, по сути — радикально-либерального, что также снижало шансы на компромисс. Возникавшие социально-политические конфликты уже трудно было разрешить путем обычного политического диалога.

Четвертый перестроечный период охватывает время с конца августа до конца декабря 1991 г. Дезорганизация и ликвидация органов управления СССР в это время позволяет говорить о том, что СССР де-факто «умер» вскоре после политического кризиса 19—21 августа, продолжая формально существовать до 21 декабря. Вследствие развала всех управленческих общесоюзных структур говорить о каких-либо реформах применительно к этому периоду уже практически невозможно, тем более что лидеры пока еще союзных республик почти не скрывали своих стремлений к политической и экономической независимости.

Я солидарен с теми авторами, которые полагают, что причины такого исхода перестройки связаны, прежде всего, с перманентным ухудшением социально-экономического положения в 1986—1991 гг., что явилось результатом неблагоприятного сочетания целого ряда обстоятельств. Однако форма, в которой произошел распад государства, была обусловлена комплексом межэтнических и федеративных противоречий, к актуализации которых союзное руководство во главе с Горбачевым оказалось неготовым. Касаясь этой темы в апреле 1990 г. инициатор перестройки признавался: «Раньше считали, что все вопросы решены, ими можно особо и не заниматься. Ваш покорный слуга на первом этапе перестройки искренне полагал, что здесь больших проблем нет. Так уж мы были воспитаны». Об уровне представлений о национальной структуре советской федерации красноречиво говорит такой факт: в сентябре 1989 г. лидер партии утверждал, что в СССР за пределами «своих» территорий проживают 50 млн. человек, в апреле 1990 г. — 60 млн., и только в феврале 1991 г., в период подготовки к референдуму, была озвучена реальная цифра: 75 млн. человек. Это

печальное свидетельство того, что даже первое лицо государства не располагало достоверной информацией о ситуации в этой сфере, не говоря уже о каких-то новых подходах или конструктивных заготовках. Во второй половине 1980-х гг. представления о сфере межнациональных отношений базировались преимущественно на большевистских догматах 1910-х — 1920-х гг., и здесь полученное М.С. Горбачевым тоталитарное «наследство» было особенно тяжелым. Специально подчеркну, что рудименты тоталитаристского мышления в сфере межэтнических отношений не преодолены и поныне, оказывая деструктивное воздействие на жизнь современной России. Отмечу наиболее существенные догматы.

Прежде всего, классики марксизма и их российские последователи преодолению национальных противоречий ставили в прямую зависимость от решения социально-экономических проблем, накопившихся в отношениях между народами. Недооценивалась самостоятельность, значительная автономность этнокультурного развития народов, которая в истории имела свою, несводимую к экономическим контактам логику. Классики полагали, что установление социализма быстро приведет к ликвидации межэтнических трений, и отношения между народами будут определяться лишь пролетарским интернационализмом. Тогда верили, что социализм победит в развитых странах и в обозримые исторические сроки.

В этой связи в начале XX в. многие социал-демократы были уверены, что целью национальной политики социалистического государства должно быть слияние наций. Тогда эта идея обсуждалась достаточно открыто. Большевики после прихода к власти пытались реализовать именно этот подход. Ленин последовательно противопоставлял демократическое (буржуазное) и социалистическое решение национального вопроса. Вождь подчеркивал, что первый путь ведет к установлению лишь формально-правового равенства между народами. Второй — предполагает достижение фактического равенства (в экономической, социальной, политической, культурной сферах). Достижение фактического равенства наций рассматривалось как обязательная предпосылка их слияния. Однако, курс на выравнивание уровней означал нарушение естественно-исторического развития народов, предусматривал перераспределение ресурсов, осуществляемое социалистическим государством. В условиях формировавшейся после октября 1917 г. в России политической системы такое вмешательство неизбежно приобретало совершенно определенные формы.

После революции в идеологии длительное время насаждалось противопоставление до- и послереволюционной истории России. Создание нового общества, по мнению победивших революционеров, требовало полного разрыва с прошлым. В сфере этнокультурного развития это привело к отсечению громадных пластов истории и культуры, не связанных с классовой борьбой, сопровождалось репрессиями против национально мыслящей интеллигенции, гонениями на церковь. Все это должно было привести к искоренению «национализма» и утверждению новой «интернациональной» культуры. И хотя официальным лозунгом в национальном вопросе был «пролетарский интернационализм», на деле проводился курс, которые современные исследователи справедливо характеризуют как великодержавный социалистический космополитизм. Стремление приобщить к «самому передовому общественному строю» как можно больше народов сопровождалось сугубо утилитарным отношением к судьбам отдельных национальных групп, которые рассматривались лишь в качестве объектов далеко не бесспорной политики правящей элиты. (Не случайно в период «перестройки» выяснилось, что все без исключения народы СССР имеют претензии к КПСС и советской власти, все в разное время и в разной форме испытали на себе негативное влияние ленинско-сталинской национальной политики).

Как известно, в СССР К. Маркс и Ф. Энгельс были, мягко говоря, неприкасаемыми для критики авторами. Между тем, на их далеко не всегда бесспорные теоретические идеи наложились и собственные национальные предпочтения классиков. Речь идет об

элементах славянофобии и русофобии Маркса и Энгельса. Формально характеристики, даваемые ими отдельным нациям, были связаны с уровнем социально-экономического развития и, следовательно, с их «продвинутостью» в направлении социализма. Фактически же некоторые высказывания классиков открыто отдавали расистским духом (мысль о необъективности классиков особенно трудно воспринимать и признавать людям, получившим образование в СССР в советское время).

Российские большевики во многом наследовали взгляды своих авторитетных предшественников. Негативное отношение к царизму они часто распространяли на все явления российской жизни и ее историю. В период первой мировой войны они оказались одной из немногих европейских партий, желавших поражения собственному Отечеству, поставив интересы абстрактной международной пролетарской солидарности выше интересов своего государства. Этот принцип — интересы мирового социализма выше национальных — нанес немало вреда России в XX веке.

Уже после октября 1917 г. большевики во главе с В.И. Лениным просчеты царизма в национальном вопросе экстраполировали на русский народ. Термин «бывшая угнетающая нация» доминировал вплоть до середины 1930-х гг. Не могу удержаться от классической ленинской цитаты, которая сегодня звучит явно дико: «Интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало был со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически». Для этого, полагал Ленин, нужно «возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством «великодержавной» нации». Поэтому «лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить». На деле это приводило к тому, что национальная политика определялась идеей «ликвидации несправедливости», «возмещения ущерба», русские же вообще выводились за скобки как положительный субъект национальных отношений. Партийное руководство при решающем участии Ленина в 1920-е гг. сознательно уклонялось от создания структур, способных артикулировать интересы и проблемы русских. И Сталин, и Бухарин, и Троцкий твердо стояли против создания русской компартии в ВКП(б). Русские, в отличие от других, не получили «своей» национальной государственности. Оставшаяся за вычетом Украины, Белоруссии, республик Закавказья и Средней Азии территория РСФСР также не рассматривалась как государственность русских, ибо сама включала «национальные» образования. В итоге в СССР была создана лишенная правовой (но не партийно-коммунистической) логики иерархия псевдофедеративных образований, которая рухнула, как только исчезла угроза репрессий.

В итоге русские в СССР оказались в двусмысленном положении. С одной стороны, все «национальные» республики (и союзные и автономные) выкраивались из территории бывшей Российской Империи, которую русские (как и многие другие жившие в ней народы) считали своим государством. С другой, — своей республики у русских не было. Это приводило к тому, среди них было намного больше, чем среди представителей других национальностей, людей, которые считали своей Родиной весь Советский Союз как государство, возникшее на месте исторической России. В национальных же республиках (преимущественно в союзных) это все чаще трактовали как проявление «имперских амбиций».

В итоге «большевистское творчество» привело к тому, что в период перестройки появились карты, на которых государственность русских обозначалась как часть территории СССР, оставшаяся после исключения из нее всех союзных республик и автономных образований. Выступавшие против такого подхода авторы справедливо называли созданную таким образом «Русскую республику» «сталинским обрубком».

Вызывало недоумение и то, что эту ленинско-сталинскую конструкцию поддержали те, кто называл себя «демократами» (некоторые их конституционные проекты прямо воспроизводили эту схему). В 1987—1991 гг. в условиях роста национализма и сепаратизма в среде союзно-республиканских элит руководство СССР оказалось неготовым противопоставить им интеграционный патриотизм русских. Мой личный опыт общения с представителями интеллигенции из союзных республик позволяет сделать вывод о том, что они сознательно уклонялись от дискуссий о национальных интересах русских, поскольку это ставило под сомнение большую часть националистических построений, взятых на вооружение лидерами «национального возрождения». Таким образом, тоталитаристская большевистская догма об отсутствии позитивного смысла в самой постановке «русского вопроса», в том числе в его территориальном контексте, была одной из главных причин дезинтеграции СССР.

В этой связи не могу пройти мимо замечания В.Л. Шейниса о том, что, оказывается, лишь современная Россия наконец-то обрела свои естественно-исторические границы. Хочу напомнить, что в профессиональной исторической науке давно и убедительно показано, что территория Российского государства складывалась на протяжении длительного периода при решающем воздействии трех факторов: задач социально-экономического развития страны (в условиях того времени — расширение территорий и выход к морям), интересов безопасности, а также конфессиональной солидарности. В большинстве случаев России приходилось отражать агрессию, в ходе чего складывались государственные рубежи. В итоге к началу XX в. оформилось территориальное пространство империи, в котором особняком (в силу разных причин) стояли Польша и Финляндия. Другие же приобретения относительно безболезненно интегрировались в российское геополитическое пространство. Хочу специально обратить внимание на большой позитивный опыт, накопленный российской бюрократией в управлении новыми, весьма разнородными территориями. (Эта сторона национальной политики сознательно замалчивалась в советское время. После 1917 г. разрешалось писать лишь об угнетении «инородцев»). Констатация этого факта не исключает наличия межэтнических (по форме же чаще межконфессиональных) противоречий, приобретавших порой достаточно острую форму. Следует заметить, что наиболее критические оценки национальной политики царизма связаны с рубежом XIX и XX вв., когда в кризисном состоянии находились все сферы жизни общества, нуждавшегося в глубокой модернизации.

Именно это, находящееся в состоянии кризиса территориально-политическое пространство и стало объектом «творчества» большевиков. Творчества, как показала история, неудачного, что в полной мере проявилось в период «перестройки». С одной стороны, на поверхность вышли многие замалчиваемые ранее проблемы в межнациональной сфере. С другой, — руководству СССР не удалось своевременно сформулировать принципы новой национальной политики и добиться их реализации. Все это привело к последствиям, которые в 1985 г. мало кто мог бы представить.

В результате распад СССР привел к возникновению новых межэтнических и межгосударственных противоречий, которые долгое время будут определять состояние евразийского пространства. Во-первых, оказалась нарушенной историческая парадигма развития России. В новых независимых государствах место человека стало определяться не просто гражданством, но принадлежностью к «государствообразующей» нации. Первая половина 1990-х гг. характеризуется взрывом национализма, объектами которого стали, прежде всего, «нетитульные» народы, в полной мере ощутившие прелести «малодержавного» шовинизма. Во-вторых, оказалось разорванным формировавшееся веками территориальное пространство, что осложняет решение проблем безопасности и экономического развития. Русские и русофоны по сути впервые испытывают дискриминацию по этнокультурному признаку, к которой оказались безразличны элиты СНГ и стран Балтии, а также так называемые «демократические» государства Запада. В-

четвертых, на территории неосуверенной России возникла качественно новая с точки зрения национального состава населения ситуация. По сути, наше государство никогда ранее не было столь этнически однородным. Ныне русские составляют до 84% численности населения страны, и с этой точки Российской Федерация может рассматриваться как национальная государственность русских.

В то же время, нежелание учитывать национально-культурную специфику страны в ходе «реформ» 1990-х гг. вызывает чувство протеста уже в среде и российской интеллигенции, которая в перестроечный период в своем большинстве не была замечена в особых симпатиях к «русскости». В печати чаще стали обращать внимание на то, что наблюдаемые ныне элементы экономического, социального, политического, культурного неравенства имеют этнический оттенок, что воспринимается как несправедливость. По наблюдению А.С. Ципко, сформировалась благоприятная почва для развития русского этнонационализма — явления, которое ранее в истории нашей страны всегда носило маргинальный характер в силу многонациональности ее состава и наднационального, «имперского» мышления ее элит. (Это относится как к дореволюционной России, так и к СССР). По мнению некоторых интеллектуалов, сложившаяся сегодня ситуация вплотную подводит страну к «русской национальной революции», которой одни боятся, а другие рассматривают как вероятный способ разрешения обострившихся за последние 15 лет противоречий. При этом одни полагают, что такая революция практически невозможна, поскольку ныне отсутствует реальный субъект ее осуществления. Другие исходят из того, что критическая масса недовольства приведет к тому, что такой субъект неизбежно появится, т.к. во всех случаях будет велико искушение использовать копящийся протестный потенциал.

После краха биполярного мира многих привлек вывод Хантингтона о том, что ныне на первый план выдвигаются цивилизационные различия между населяющими Землю народами. В этом смысле осмысление и усвоение особенностей российской православной цивилизации, начавшееся в 1990 годы и идущее по нарастающей, является обязательной предпосылкой успешного развития России в XXI веке в условиях глобализации.

Седов Л.А.

Я пришел сюда с социологической конкретикой, но прежде всего хочу сделать несколько общих замечаний по поводу услышанного здесь и того, как я сам себе представляю происходящее.

В каком-то смысле, мы присутствуем при «похоронах» либерального проекта. Я могу лишь подписаться под таким пониманием происходящего.

Дело в том, что западнические идеалы, подчас наивные, подчас радикальные и скороспелые, постепенно улетучиваются. То, о чем здесь с несколько восторженной интонацией говорил Даниэль — о правах человека, родившихся на традиционно русской почве — мне кажется наивным заблуждением. В русской традиции не было прав человека. Как правильно было сказано, был какой-то странный прорыв, выпадение звена из русской схемы, но на самом деле, мы наблюдаем как постепенно угасает выборная легитимизация власти и идет наступление традиционной русской системы. А в чем оно состоит?

Выступавшие уже обозначили много «крестов» России. Мне кажется, что к этому перечислению нужно добавить и «крест» русского менталитета. Может быть, опросы общественного мнения не дают возможности глубоко заглянуть в специфику русского менталитета, русского национального характера. Но мне представляется очевидным, что одним из мощных препятствий, которые несет в себе Россия, является ее менталитет.

Позволю себе сравнение. Мы, как муха, бьемся о стекло, хотим отлететь от «родной помойки» к «цветнику западному», а не можем. Природу этого стекла мы не понимаем — оно прозрачное, оно как бы невидимое.

Я не буду углубляться в тонкости и подробности, связанные с российским менталитетом. Скажу только, в чем я вижу выход. Здесь уже говорилось, что заколдованный круг русской истории можно порвать на путях встраивания в западный мир. И действительно, мне кажется, что у нас нет внутренних факторов для разрыва с этой исторической традицией, возвращающей нас от тоталитаризма к смуте, от смуты к новому тоталитаризму. Эту схему развития русской истории не победить и не разорвать без участия в процессе глобализации, который сейчас, с полной ответственностью и с риском для себя возглавили Соединенные Штаты Америки.

Удивляет непонимание Европой, и нашей политической элитой того, что речь идет о начале колоссального исторического процесса, который займет, может быть, 100 лет. Я называю этот процесс «японизацией». Японию заставили отказаться от своих милитаристских, традиционных схем – от ненависти к Западу и принять западные правила игры, сделаться другом Соединенных Штатов и одним из оплотов демократии. Постепенный процесс японизации будет происходить и в мусульманском мире. Россия должна в этом участвовать, если не хочет оказаться на обочине истории.

После этих общих замечаний, я хочу продемонстрировать на данных опросов общественного мнения те последствия, которые имели «прорывы» вестернизации для современного состояния нашего общественного сознания.

Сталина как человека, возглавившего и осуществившего террор против собственного народа, признают таковым 58 % опрошенных - то есть эта идея внедрилась. 32 % находят оправдание деятельности Сталина: 14% говорят, что репрессии касались только политических верхов, а не народа; 10% считают, что уничтожались реальные враги народа; 8 % полагают, что сталинский террор - миф, раздутый СМИ. Таким образом, 32% опрошенных, то есть треть находят разного рода оправдания. Мне думается, что и в сталинское время была примерно такая пропорция жертв, палачей, стукачей и т.д., потому что в репрессиях было задействовано огромное количество людей.

Когда мы спрашиваем, какие чувства испытывают люди при мысли о самом И.В.Сталине, то оказывается, что 58% признают его главой репрессий, а отрицательные эмоции, в совокупности, испытывают только 43 % : неприязнь и раздражение – 18 %, страх – 16 %, отвращение и ненависть – 9 % и еще 12% относятся к Сталину безразлично (похоже, репрессии для них - может быть, это представители более молодого поколения - не являются критерием для того, чтобы испытывать отвращение или страх). Положительные эмоции типа (уважение – 27%, симпатия – 7%, восхищение – 4 %) испытывают в совокупности 38 % опрошенных.

О динамике отношения к Сталину. 38% испытывают те или иные положительные эмоции, но только, примерно, 20% из них – твердые сталинисты. На сегодняшний день, отвечая на вопрос, кто из деятелей революции вызывает у Вас наибольшую симпатию, 22 % называют Сталина и 30 % Ленина. Для сравнения: в 1990м году – 8 % называли Сталина и 70 % Ленина. На вопрос о том, кто самый выдающийся политик нашего государства в XX веке, 19% называют Сталина.

Интересно, что современная левая коммунистическая публика – это люди, которых набирается тоже, примерно, 25-30 %. Таким образом, для них уже не социалистическая марксистская идея (Маркса эти коммунисты вообще уже давно забыли) имеет значение, а национал-патриотическая и государственническая компонента. Символом этой компоненты левого движения у нас является, конечно, Сталин, а не Ленин. «Рейтинг» Ленина снизился с 70% до 30%, а «рейтинг» Сталина поднялся с 8% до 22%..

И, наконец, последнее, о чем хотелось бы сказать. Десталинизация и борьба с тоталитаризмом – разные вещи. Хрущев развенчивал Сталина именно с целью укрепить тоталитарную систему. Ослабленный, размягченный, с какими-то там щелями, зазорами, но этот тоталитарный вариант оставался таковым вплоть до 1991-го года. На самом деле, Михаил Сергеевич Горбачев тоже пытался как-то спасти тот вариант системы и империи,

если угодно. И до сих пор наше тоталитарное прошлое не развенчано в глазах населения, а брежневский вариант тоталитаризма пользуется очень большой популярностью.

Когда мы спрашиваем, в какой стране вы хотели бы жить, 40% отвечают – при Брежневе, то есть в тоталитаризме; 3% при Хрущеве и 3% во времена сталинских пятилеток. Таким образом, 46% не имеют иммунитета против тоталитаризма. Им никогда не объясняли, что эта система была фундаментально порочна и не только во времена Сталина.

Тем же самым объясняется и отношение к революции. На вопрос, как относитесь к революции, 33% говорят, что она дала толчок к социальному экономическому развитию народов России; 27% – открыла новую эру в истории народов России; 60% относятся к Октябрьской революции вполне положительно. И только лишь 19% говорят, что Октябрьская революция затормозила развитие страны, и 9% - что она стала для страны катастрофой.

Это, конечно, важные характеристики состояния современного общественного сознания и они позволяют многое понять в российском менталитете.

Горбачев М.С.

Я хочу поблагодарить всех, кто участвовал в этой дискуссии на очень важную тему. Я думаю, что к ней мы должны будем еще не раз возвращаться. Хочу высказать несколько соображений.

Мне ближе та точка зрения, что режим, в котором мы жили накануне перестройки, это – тоталитарный режим. То, что не было репрессий, то, что были определенные декорации, не меняло сути - тоталитарного контроля одной партии.

Как-то на Съезде профсоюзов один инженер сказал: «Слушайте, раз у нас есть генеральный секретарь Брежнев, раз мы доверяем ему, к нему надо обратиться с замечаниями». Немедленно было собрано Политбюро: как могли допустить, что участник съезда высказал такое мнение? Я мог бы привести немало подобных случаев. Тоталитарный контроль, контроль одной партии, подавление всякого инакомыслия - можно высказываться только о том, как выполнить план.

А как мы голосовали? - Тоже под тоталитарным контролем. Все делалось, в значительной мере, «по товарищу Сталину»: не важно - как голосуют, важно - как подсчитывают.

В каком состоянии была религия в обществе? Ведь речь идет об отношении к человеку, о свободе совести, вероисповедания – о самых святых чувствах. Храмы продолжали разрушаться. В них действовали, в лучшем случае, архивы, а то и зернохранилища, хранилища для запчастей и все, что угодно.

Здесь говорилось о культуре. Существовала ли тогда свобода творчества, и какова была роль «бульдозеров» в свободе творчества? Я не думаю, что нам надо находить какие-то аргументы, а пытаться доказать, что это был смягченный, не столь репрессивный режим. Такой режим был отторгнут на уровне культуры. Большевики через культурную революцию, через развитие науки создали образованное общество, которое отвергло режим, при котором инициативам нет простора, подавляются мысль, действие, попытки организовать свое дело. Перестройкой надо было решать проблему выхода страны, граждан из тоталитаризма.

Была иллюзия, что это общество можно облагородить. Ею переболели многие – Хрущев, Косыгин и т.д. Я считал: я мог в Ставропольском крае сделать свою малую перестройку, а тут появились такие возможности... Иллюзия разбилась о то, что система не давала себя трансформировать. Надо сказать, что система была гениальная - это очень важное замечание. Поэтому приобретает огромное значение информация, что люди и сейчас хотят жить при брежневской системе. Я все-таки думаю, что это реакция на то, что произошло в 90ые годы.

До середины 1990-го года рейтинги Горбачева были очень высокими - где-то 60 %, доходили до 80%. Второй, кто шел по рейтингу за Горбачевым - Ельцин (12-14%). Все меняется к осени, а в декабре проталкивается предложение – освободить Горбачева от обязанностей президента. Потому что люди оказались в очередях, рынок был пустой. Мы повысили зарплату деятелям медицины, учителям, деятелям культуры, то есть тем категориям, которые всегда подпадали под остаточное финансирование. Увеличили пенсии - еще больше выросли доходы людей. Рынок расширился, но не настолько, насколько мы планировали. Больше того, когда Николай Иванович Рыжков в 1990-м году объявил, что мы будем все-таки повышать цены, начался ажиотаж. За 1990-й год закупили два годовых торговых оборота. Скупали все – от ценностей до гвоздя.

Главное, что я хотел бы сказать в заключение сегодняшней дискуссии - не нужно ограничиваться рамками чисто академического разговора. Перед нами реальный объект - страна, общество и жизнь людей. Люди поддержали перестройку как способ выйти на другую модель развития - демократического, свободного, уважающего человека и его достоинство. Гласность была великим достижением. Правда, сейчас уже говорят: ну и что в этой гласности и свободе? Если одна треть населения за чертой бедности, еще одна треть у черты бедности, то значит, две трети - в состоянии выживания. Это реальная жизнь и ее не могут не отражать опросы общественного мнения.

. Почему для нас важно обсуждение сегодняшней темы? Потому что мы стоим перед новым выбором. Мы попробовали модель коммунистическую. 70 лет ей отдали и пришли к выводу, что ее надо менять. Мы в течение десяти лет жили в условиях, когда радикальные либералы насаждали радикальную модель в стране, которая не была подготовлена к конкуренции. Больше того, провели приватизацию – и то, что принадлежит нации, дали проглотить группе людей, которая была близка к власти, обслуживала и обеспечивала, например, выборы 1996 года.

Думаю, что Путину надо воздать должное. Я не верил, что из него получится президент. Я голосовал за Примакова, но когда Примаков не выдержал испытания во время выборов в Думу и растерялся, я понял, что президента из него не получится. Президент должен уметь выдерживать колоссальные удары - особенно в такое время, когда происходят такие потрясения, когда весь мир меняется и ищет новую парадигму развития. Это сложнейшая ситуация.

Путину я знал немного и спустя какое-то время, увидел, что из него получается президент. Молодой, амбициозный, образованный, очень способный к самообучению, очень способный к работе человек - мне кажется, это самое главное, за что мы (я и социал-демократы) поддерживаем его и отстаиваем. Мы поддерживаем Путина, потому он разворачивает политику в интересах большинства. Главное - не продолжать инерцию предшествующих десяти лет, которая привела к поляризации, о которой сам Борис Николаевич Ельцин, покидая пост, сказал: выиграли только 12%, а все остальные оказались в тяжелой ситуации.

Путину удалось стабилизировать ситуацию и решить кое-что в социальной сфере. Ему удалось остановить региональный феодализм, который разрушал страну. Я не скажу, что все решено. Он и ошибки допускает, и просчеты, тем не менее, 75% населения поддерживают его. Я думаю, это тот человек, на которого сегодня надо делать ставку.

Мне говорили когда-то: «Мы Вас поддерживаем, но у нас ничего не меняется. Давайте что-то делать. Что дальше? Дайте команду ударить по штабам». Может быть, и надо было. Но это не укладывалось в мою стратегию – без крови, демократическим путем, без потрясений.

Никто из выступавших здесь не сказал о номенклатуре. Ведь именно она пожирает реформаторов. Она их смещает, она срывает процессы, которые в своей потенции содержали возможности для изменения ситуации к лучшему.

Номенклатура – это проблема. Борис Николаевич просто решил: отдал ей всё. Теперь бюрократия парализовала общество через коррупцию, бизнес и это самая больная

проблема для нас. Я сам столкнулся с ситуацией, когда не проходил ни один проект. Почему? Есть ясный, опробированный проект, есть нужда в реформировании - не проходит. Потому что требуют взятку в 20 миллионов, а весь проект – 1,2 миллионов...

Сейчас нужны ясные и четкие позиции. Я думаю, при нынешнем парламенте, при нынешнем правительстве, этого не получится. Поэтому стоят огромные задачи, но через наращивание авторитаризма в стране, через насилие ничего нельзя решить. Нужно выстроить политику, адекватную времени.

Я не думаю, что мы идем к власти одной партии, хотя это очень сильно обсуждается. Стоит проблема двух, максимум трех партий. Но сейчас в центре и по краям опять образовалось столько партий, что люди не могут в них разобраться. Идет партийное строительство и так или иначе, это приведет к тому, что отпадет то, что не имеет перспективы.

Я благодарю вас. Мне нужны такие обсуждения, поскольку я занимаюсь созданием социал-демократической партии. Это продолжение моего проекта, начатого перестройкой. Но главное - это нужно России. Я в этом уверен.

Материалы, подготовленные участниками проекта

Маслов Д.В.

Эволюция конкретно-исторического содержания тоталитаризма

Сама тема нашей сегодняшней дискуссии сформулирована так, что тоталитарность советского режима под сомнение не ставится. Думаю, что для полноты картины стоит кратко отметить узловые моменты в историографии данной проблемы как в России, так и за ее пределами.

Первый аспект состоит в признании или непризнании самого факта тоталитарности советского режима. Но даже исследователи, не отказывающиеся от использования термина, высказывают сомнения в его эпистемологической значимости. Так, С. Коткин считает, что властный контроль не вездесущ, даже при тоталитаризме отношения власти и подданных есть череда компромиссов. Д. Джоравски обращает внимание на большую опасность культа технологий по сравнению с культом личности. Он же отмечает наличие в действиях любой власти элементов случайности, непоследовательности, амбивалентности, поэтому тоталитарная власть даже при желании не могла контролировать всё. По мнению М. Дэвид-Фокса, партия выступает не только как субъект исторического процесса (инициатор), но и объект, ведомый результатами собственных усилий. Последнее, на мой взгляд, звучит актуально и в отношении партии не только сталинского периода, но и перестроечного.

Не остаются в стороне от проблемы и отечественные исследователи. Ю. Игрицкий считает, что события последних 10 лет (1988-1998) всё более свидетельствуют в пользу тоталитарного характера советского государства, а не общества. Идеология так и не стала единой для общества, и потому рухнула первой.

Второй аспект касается реального содержания тоталитаризма. О нем я скажу далее.

Третий аспект состоит в дискуссиях по вопросу о периодизации существования тоталитаризма в СССР. Основные версии сводятся к тому, что тоталитаризм закончился со смертью Сталина, либо он продолжался вплоть до перестройки, либо весь советский период рассматривается как тоталитарный вплоть до августа 1991 г. Упомянутый выше Ю. Игрицкий убежден, что концепция тоталитаризма применительно к СССР после 1985 г. - продукт идеологии. Сама слабость режимов в СССР и Восточной Европе, приведшая к

перестройке и «бархатным революциям», доказывает нетоталитарный характер власти этих стран.

Четвертый аспект выражается в дискуссиях по вопросу о возможности реформирования тоталитаризма. Полярность суждений здесь до сих пор не преодолена, что показывают, в том числе, и материалы дискуссий в Фонде.

Таким образом даже столь беглый обзор показывает, что практически каждый аспект общей проблемы тоталитаризма в СССР до сих пор представляет для исторической науки поле пересечения крайних суждений. Несмотря на то, что объем информации возрастает, на исследовательский консенсус это не влияет. Причин тому видится несколько.

Одна из самых очевидных заключается в том, что концепции тоталитаризма значительно ближе других научных концепций к реальной политике. Здесь всё ясно. Гораздо интереснее, на наш взгляд, причины иного порядка.

Хочу обратить внимание присутствующих на тот факт, что тоталитаристские концепции, рожденные на Западе, в годы перестройки были взяты на вооружение отечественными исследователями. Причем произошло это в тот момент, когда на самом Западе эти концепции стали по ряду причин терять популярность. Новое поколение советологов, объявившее себя русистами («ревизионистами», по выражению С.Коэна), перестало рассматривать тоталитаристские версии как основной способ объяснения проблем советской системы. Причина такого поворота видится в том, что сама возможность перестройки заставила зарубежных исследователей усомниться в прежних идеях.

Другая причина незатухающей актуальности дискуссий по тоталитаризму видится в своеобразии намеченного мной выше аспекта проблемы. Речь идет о конкретно-историческом содержании термина «тоталитаризм». С. Коэн рассматривал тоталитаризм как своеобразный «общественный договор», суть которого в том, что в обмен на ограничение политических свобод граждане получают защиту и гарантированный минимум обеспечения со стороны государства. На мой взгляд, чаще всего мы трактуем данный термин с позиций полувековой давности, вкладывая в него, главным образом, всеобъемлющий контроль государства над различными сферами общественной жизни. Но мы едва ли не повсеместно в последнее время наблюдаем, как даже во вполне развитых в демократическом отношении странах проявляют себя этатистские тенденции. И тот факт, что гражданское общество реагирует на это относительно безболезненно, может свидетельствовать в пользу того, что произошли сдвиги в шкале ценностей и шкале угроз. Их-то динамику и надо изучать историку.

Тоталитаризм в его историческом многократно описанном обществоведами виде себя, судя по всему, исчерпывает. Если говорить о таком, «классическом», тоталитаризме, то и он сегодня вырван из определенного идеологического контекста. С одной стороны, называются такие страны, как КНДР или Куба, а с другой - всё тот же Ирак. Исследователями истории современного Востока показано, что тоталитарная традиция в таких государствах подкрепляется традицией религиозной, культурной и поэтому не является доминирующей, т.к. происходит своего рода их взаимодополнение. В силу тех же причин такой тоталитаризм в основном не несет с собой внешней угрозы (иракская агрессия в Кувейт здесь скорее исключение, а уже давняя корейская война происходила в рамках одной традиции и ментальности). К тому же ареал влияния таких стран настолько мал, что не идет ни в какое сравнение с ожиданием цивилизационной миссии от бывшего СССР.

Другой аспект состоит в том, что тоталитарные тенденции есть в любом даже демократически развитом государстве. Есть они и в современной России.

Угроза же тоталитаризма тем не менее существует и даже, на мой взгляд, реализуется. Только в иной, нехарактерной для середины прошлого века форме. Тоталитарная традиция, как и положено историческому процессу, полностью не

прерывается. В ней сохранено главное - возможность всеохватного контроля над мыслями и делами людей в любой точке мира. И если раньше источником такого контроля являлась персонифицируемая государственная власть, то сегодня этот источник как китайское дао - везде и нигде. Тоталитаризм сегодня - это (в конечном пункте) тотальный страх обывателя перед терроризмом, войной, эпидемиями, экологией и неведомым чем еще. Такой страх не надо насаждать репрессиями, для этого вполне достаточно информационного воздействия. Неоднократно представленный в СМИ теракт заряжает людей бациллами страха на месяцы, а затем новое событие поддерживает впечатление от предыдущего. Если представить невозможное - сегодня Сталин был бы жив, ему не потребовались бы никакие репрессии, достаточно было бы воспользоваться возможностями информационного общества и держать в узде человечество с помощью не слишком дорогих, но чрезвычайно эффективных, а главное - с виду вполне гуманных средств. И такой тоталитаризм гораздо опаснее, т.к. с него могут начаться (и начинаются уже) попятные движения к тоталитаризму классическому. Именно в государстве, а не в развитом гражданском обществе, люди всё чаще усматривают надежду на будущее. И такие тенденции наблюдаются даже в странах с устойчивыми демократическими традициями.

Как бороться с этим тоталитаризмом? Беда в том, что как только наши теории общественного развития достигают зрелости, выясняется, что они отстали от жизни. На сегодня у нас, видимо, нет адекватного теоретического обоснования тех ответов, которые мы можем дать на принципиально новые вызовы современности. Даже на уровне высшей власти мы видим, что приоритетными по-прежнему являются научные разработки - технические, Прикладные и т.п. Понятно, что без них не обойтись. Но так же ясно, что без прорывных исследований в гуманитарной сфере человечеству придется трудно.

Попробуем положиться на опыт истории. Он показывает, что наиболее эффективен подрыв тоталитаризма изнутри, поскольку тем самым нарушается главное его свойство — его цельность. Но способен ли современный Запад выдвинуть антитоталитарного лидера, как это сделала советская система - также вопрос, достойный изучения. Нынешние имперские амбиции США, неизбежно воспроизводящие тоталитаризм как в самих США, так и в бунтующем мире, с точки зрения исторического опыта могут иметь только один - печальный - для самих же американцев конец. И в этом плане антитоталитарный опыт перестройки действительно должен быть востребован.

Конечно, перестройка - явление чрезвычайно многоплановое, и сводить ее лишь к преодолению тоталитаризма означало бы обеднение истории. Выделение такого перестроечного аспекта, как преодоление тоталитаризма, действительно, важно и в историческом, и в современном ракурсах. В обсуждаемой проблеме хотел бы выделить два направления исследований. Но оба они связаны с ответом на вопрос, что именно мы пытаемся преодолеть.

С какого момента началась борьба с тоталитаризмом? Хотя антитоталитарный червь уже задолго до перестройки проник в умы и души не только интеллигенции, но и представителей элиты, если судить по реальным действиям и документам, перестройка начиналась не как борьба с тоталитаризмом. И здесь важным рубежом стала гласность и разбуженные ею силы. Но сама по себе гласность в этом плане ничего не решает. Только однозначно заявленная в связи с письмом Нины Андреевой позиция самого высшего руководства катализировала антитоталитарный процесс и сделала его в итоге неуправляемым. И никто тогда не обратил внимание на исторический парадокс: борьба с тоталитаризмом власти 1930-50-х гг. велась в конце 1980-х, фактически против власти, которая хоть и мучительно, но начала отход от тоталитарных методов управления! Можно, пожалуй, сказать, что это была историческая месть общества власти, заранее гарантировавшей, что мстить теперь можно безнаказанно. Этот урок истории свидетельствует о том, что в обществах со сложным и «непредсказуемым» прошлым неконтролируемый антитоталитарный процесс чреват последствиями. Иными словами, преодоление тоталитаризма, чтобы быть менее болезненным, должно осуществляться при

непосредственном опережающем участии на всех этапах (не только вначале в порядке инициирования) самой тоталитарной власти, которая тем самым признает свою ответственность не только за прошлое, но и за дальнейшие судьбы своего народа. Другой вопрос, что практически это очень тонкая линия, по которой сегодня балансируют, например, те же китайцы.

С чем боролись непосредственно в годы перестройки? В ядро тоталитаризма в советском варианте входили не только репрессивные методы. Из приведенного выше суждения С. Коэна возникает вопрос: не получилось ли так, что в ходе реформации вместе с водой выплеснули — вольно или невольно — и «ребенка», что для таких процессов вполне характерно. Но если это так, то требуется более серьезный и многослойный анализ всего происшедшего даже в плане казалось бы хорошо изученной тоталитарной традиции, что позволит понять и современные проблемы.

Другим таким «ребенком» стала судьба союзного государства. Михаил Сергеевич неоднократно признавал, что распад Союза стал большой ошибкой. Думается, что при крахе той системы управления, которую и называют обычно тоталитарной, распад государства выглядит в итоге закономерно.

Бородич В.Ф.

Политическая трансформация в России и Китае и тоталитаризм: опыт сравнительного анализа

1. Завершение холодной войны стало результатом доказанных конкурентных преимуществ системы демократически организованных государств над системой тоталитарно организованных государств в мировом соревновании капиталистической и социалистической систем.

Фактор политического режима (тоталитарный – демократический) является стратегически важной, хотя и не единственной причиной исторического поражения системы социализма. Другим, внешним для нее фактором стратегического значения стало наступление «постиндустриальной», а затем и «информационной» эпох технологического развития общества.

Технически роль тоталитаризма сказалась в том, что в новых исторических условиях он вступил в противоречие с динамикой изменения технологической стороны жизни человеческого сообщества. Тоталитаризм «советской модели», адаптированный к условиям индустриального общества, оказался малочувствительным к вызовам постиндустриальной стадии общественного развития. Мир социализма благодаря тоталитарной организации оказался по сути «отгороженным» от процесса созидания. Социалистические страны, во многом благодаря тоталитарной организации, сократившие к середине 20 века экономико-технологический разрыв со странами демократического Запада, сохранением тоталитарного характера политических систем и режимов в постиндустриальную эпоху сами же поставили себя в положение догоняющих. Перед всеми социалистическими странами к началу 80-х годов стояла задача повторного проведения модернизации «догоняющего типа».

2. Советскую модель социализма с её тоталитарной «начинкой» к 80-м годам культивировали в чистом виде отнюдь не все социалистические государства. Китай еще при Мао Цзэдуне находился в поиске собственной модели социализма. После «культурной революции» (1966-1969 гг.) тоталитарное начало было предметом не только дискуссий внутри руководства правящей компартии, но и настоящей внутрипартийной борьбы. В декабре 1978 года 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва своими решениями положил начало своего рода «эре модернизации» страны, окончание которой недавно закончившийся 16-й съезд компартии Китая запланировал на середину 21 века.

3. Решением высшего политического руководства китайская - в конце 1978 и советская (СССР) в 1985 году – социалистические общественно-политические системы взяли старт на пути модернизации. За истекший период времени результаты модернизации, если их рассчитать исчисляемыми величинами, разительно отличаются в выгодную для Китая сторону. Не приводя широко известные цифры, достаточно назвать в сравнительном выражении следующие пары комбинированных объективных показателей:

- многократный рост совокупной национальной мощи КНР, с одной стороны, - и многократное снижение совокупной национальной мощи России, с другой;

- усиление международных позиций КНР, с одной стороны (одно из свидетельств этому – её принятие в ВТО), - и существенное ослабление международных позиций России, - с другой (принятие РФ в ВТО, при всей неоднозначности этого акта, ещё лишь возможная перспектива для России);

- неизменный рост экономических показателей при одновременной реструктуризации экономики КНР, с одной стороны, - и падение за годы реформ экономических показателей России при реструктуризации экономики, обеспечившей благополучие лишь некоторым её сырьевым отраслям;

- регулируемый рост населения КНР, с одной стороны, - и неуклонное сокращение населения России, с другой;

- эффективное масштабное привлечение отечественных и зарубежных капиталов в развитие современного сектора экономики КНР, с одной стороны, - и бегство отечественный капиталов из экономики России при отсутствии стратегических зарубежных инвестиций в российскую экономику, - с другой;

- привлечение «умов» в современные отрасли экономики и науку КНР, с одной стороны, - и утечка «умов» из России, в том числе и в Китай, - с другой.

Результаты политики модернизации нашли выражение в соответствующей трансформации общественно-политических и экономических систем двух государств. Анализ трансформаций позволяет получить ценные сведения о философии политик модернизации, стратегиях модернизации и механизмах их выработки и реализации, сделать прогноз на ход модернизации в будущем. В конечном счете, приняв поправку на принадлежность России и КНР к различным типам культур и цивилизаций, можно получить заключение о степени эффективности субъективных усилий руководства двух стран по трансформированию общественно-политических и экономических систем, использовать выводы не только в научных, но и в прикладных целях.

4. Из всех возможностей сравнительного анализа трансформаций России и КНР нас сегодня интересует сравнительный анализ того, каким представляется характер изменений тоталитарного наследия в политических системах двух государств.

4.1. За период с 1985 года субъективный фактор модернизации России (до 1991 года – СССР) имел три философии, каждая из которых связана с именем первого лица в государстве. Философию политики модернизации 1985-1991 годов точно передает термин «перестройка», который в части политического режима подразумевал выработку механизма его самоналаживания в условиях открытости и применительно к ориентации не только на строго очерченный социалистической идеологической доктриной круг ценностей, но и на «общечеловеческие ценности». Такое решение означало не что иное, как распространение принципа открытости на правящую партию и, по логике, на всю политическую систему СССР. Из политической системы *закрытого типа*, слабо связанной с внешней средой, мало восприимчивой к ценностям других систем, самодостаточной, политическая система СССР в ходе «перестройки» должна была по замыслу её инициаторов превратиться в *открытую политическую систему*, которая должна была в ограниченный срок

переналадиться за счет активного обмена с внешним миром ресурсами, критичного усвоения ценностей других систем, подвижности и динамизма.

Подобный замысел означал кардинальное политическое реформирование политического режима «сверху», что является одним из естественных путей развития политической сферы общества. В этом смысле представляются далекими от научности аргументы критиков, утверждающих, что «в опоре на тоталитаризм, ...партию нельзя с ними бороться» (1). Сам аргумент указывает на недопущение его авторами возможности реформирования в политике, на приверженность революционному пути политических перемен: или рвать с тоталитаризмом, или слыть утопистом. В конечном счете, аргумент критиков «перестройки» носит большевистский характер, не допускающий иных решений, кроме сиюминутных.

В этом смысле китайский опыт реформ демонстрирует ценность исторической выдержки власти при проведении глубоких преобразований, в том числе и в политической сфере. Только по прошествии 24 лет реформ, например, компартия Китая провозгласила курс на расширение её социальной базы за счет лиц, ранее относимых к числу «буржуазных элементов».

Как известно, в силу ряда причин исторического характера философия «перестройки» как градуалистского, постепенного реформирования общества не была реализована. Президентство Б. Ельцина связано с начала и до конца с философией «впрыгивания» в капитализм и демократию «одним махом». При ближайшем рассмотрении большевистского радикализма в такой философии больше, чем реформаторства. Это делает правомерным характеризовать не только философию модернизации при президенте Б. Ельцине, но и политическую практику как неототалитарную. Вот лишь некоторые из аргументов в подтверждение этого вывода:

- либеральная идеология получила при внешнем «равенстве стартовых возможностей» гарантированные властные преференции. Если при М.С. Горбачеве «общечеловеческие ценности» объявлялись некими ориентирами на пути реформирования, то в период с 1991 по 1999 годы либеральные ценности законодательно были превращены в нормы повседневной жизни неадаптированного к ним общества. Чего только стоит провозглашение Российской Федерации «правовым» и «социальным» государством! Забегание Основного Закона РФ оказалось столь далеким, что спустя почти 10 лет в России настойчиво говорят о необходимости переработки Конституции, причем не в сторону её дальнейшей либерализации, а в сторону придания отдельным статьям более умеренного, приближенного к действительности общества переходного периода характера;

- за счет властных преференций либеральная идеология при Б. Ельцине стала существовать во внеконкурентной среде. Это особенно наглядно проявилось в экономической сфере и в сфере манипулирования общественным сознанием. В экономике установился несостязательный и непрозрачный режим закрытого от общества принятия решений по важнейшим стратегическим вопросам. Общество лишь созерцает череду решений, с неизменностью ухудшающих его экономическое положение и не возводящих никаких перспектив для изменения положения в лучшую сторону. В такой обстановке средний класс, являющийся социальным каркасом гражданского общества, в России не формируется, а значит не формируется и гражданское общество. В этом – один из признаков тоталитаризма: предназначение гражданского общества, наряду с Конституцией, сдерживать государство. Если же значительная часть норм Конституции остается нереализуемой, а гражданского общества нет, то нет и сдерживающего государство фактора

Процедура демократических выборов, которая в норме также должна служить формой контроля общества за государством, при Б. Ельцине превратилась в поле

применения манипулятивных политтехнологий, позволяющих результаты выборов делать независимыми от интересов большинства избирателей;

- Еще один пример сохранения тоталитаризма в политической сфере России – отсутствие органичной для российского общества периода модернизации партийной системы. В отсутствие гражданского общества такая система создается самим государством и является еще одним орудием манипуляции общественным сознанием, а не служит ограничителем всевластия государства.

В целом при Б. Ельцине в России установился авторитарный политический режим с заметной тоталитарной составляющей и массой псевдодемократических характеристик.

После прихода к власти президента В. Путина отдельные решения, касающиеся, например, вертикали власти и отношений центра и регионов, ещё более усилили государственную власть. Принципиальных изменений по сравнению с режимом Б. Ельцина в части, указывающей на тоталитарный характер статике и динамики режима, не произошло. Понятие власть стало, однако, в большей степени, чем раньше, ассоциироваться с группами интересов, в первую очередь, олигархическими и бюрократическими группами.

Следовательно, очевидную антитоталитарную направленность за три периода политики модернизации России после 1985 года имела, судя по всему, философия «перестройки». Политика «перестройки», носившая реформаторский характер, сменилась революционной по характеру «шоковой» реформой в экономике, социальной и духовной сферах и псевдореформой в сфере политики. По всем из указанных направлений реформ ослабления роли государства в принятии и реализации решений не произошло.

4.2. Несмотря на то, что ход модернизации в КНР не был все 24 года гладким, процесс модернизации отличался активным поиском и поступательным движением по главным стратегическим направлениям, которыми стали реформы и открытость для внешнего мира.

В отличие от России, где после «перестройки» формирование правящей элиты носило во многом случайный характер, правящая элита КНР воспроизводилась апробированными путями. Это являлось одним из факторов, обеспечивавших стабильность политической системы и предоставлявших, поэтому, время и возможности вести исследовательскую работу по поиску оптимальной для КНР модели модернизации. Весь период реформ их философия была и остается предметом дискуссий в руководстве компартии и в обществе. Опуская известные в литературе по Китаю факты борьбы с «правыми» и «левыми» уклонами, борьбы «реформаторов» и «консерваторов», обратим внимание на тоталитаризм как объект политики китайского руководства.

Лишь однажды, во второй половине 80-х годов, руководство КПК открыто выступило за перераспределение политической власти внутри политической системы, а не внутри КПК. Результатом этого стало отстранение Генерального Секретаря ЦК КПК Чжао Цзяна от руководства компартией в 1989 году. С тех пор правящее положение КПК в политической системе КНР остается особо охраняемой ценностью. Данное обстоятельство можно квалифицировать как сохранение сильной тоталитарной составляющей в политическом режиме Китая.

Однако относительная малоподвижность политической сферы сопровождается высокой динамикой сферы экономической, в которой тоталитаризм заметно вытесняется демократическими институтами и практиками, которые обеспечивают экономике КНР большой динамизм.

Политическая реформа также не остановлена. На настоящем этапе она направлена на повышение технической эффективности института государства и на трансформацию компартии из партии рабочих и крестьян и интеллигенции в партию

рабочих, крестьян, интеллигенции и «передовых представителей других слоев общества», т.е. партию всего народа.

Принципиально важным отличием политических трансформаций России и Китая, касающемся допущения властью контроля над собой со стороны общества, является объявление компартией трех критериев, которым должны отвечать реформы: они должны обеспечивать рост производства, рост совокупной государственной мощи, и повышения уровня благосостояния населения. В целом все эти критерии в ходе реформ выдерживаются. При этом повышение благосостояния народа – критерий, который обеспечивает укрепление государство не прямо, а косвенно, через укрепление общества. При первом приближении это обстоятельство можно было бы интерпретировать как признак снижения тоталитарного начала в управлении государством. Китайцы же со времен Конфуция полагают, что истинное правление состоит в решении именно тех же трех задач «когда достаточно продовольствия, достаточно оружия и есть доверие народа» (2).

Если по тем же критериям оценить эффективность политики российских реформ, то такую политику можно было бы признать абсолютно неэффективной.

Критерии защиты свобод и частной собственности, которые время от времени упоминаются в неофициальном контексте представителями власти, как показывает действительность, обеспечивают защиту интересов меньшинства.

Сравнивая, в заключение, судьбу тоталитарного наследия России и Китая, любопытно определенная переключка приведенных выше рассуждений с выводами Сергея Аверинцева. В опубликованной в «Русском журнале» от 17 мая 2001 года статье он отметил два противоположных направления, где имеются препятствия к моральному преодолению тоталитаристского прошлого. С одной стороны – «реликтовые, но живучие воинствующие антилиберальные тенденции националистического и изоляционистского характера. С другой стороны, это склонность современного либерализма, взявшего на себя задачу перевоспитания народов, функционировать наподобие любой другой идеологии, редуцируя себя до лозунга, до примитивного жеста, навязывая эти лозунги и жесты как единственную возможность: это уже не столько защита свободы личного выбора, сколько отмена смысла такого выбора...» (3). Другими словами, тоталитаризм жив не только антилиберальной моралью, но и диктатом либеральной идеи. Именно такого диктата опасаются в Китае, именно он поддерживает ныне черты тоталитарности в России.

Литература

1. Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России. М., 1996. с.160.
2. Л.С. Переломов. Конфуций: Лунь Юй. М., 1998. с.382-382.
3. Аверинцев С. Преодоление тоталитаризма как проблема: попытка ориентации//Русский Журнал, 17 мая 2001.

Лукьянов Д.В.

Историографическая феноменология десталинизации в период перестройки.

В конце 1980-х гг. основной вопрос о возможностях и перспективах самовоспроизводства социализма в условиях перестройки получил дополнительное

звучание, когда в центре рассмотрения ученых оказалась незыблемость ленинской концепции партии. Общее требование решительного перехода от партии социальной революции к демократическому типу партии социальных реформ ознаменовался тогда не менее решительным поворотом к пересмотру и критике основных идей марксизма-ленинизма. Расширяющийся конфликт интерпретаций относительно качества реализовавшегося в стране марксизма, вопрос о роли и месте в советской истории «партии нового типа» на фоне снятия с нее на XXVII съезде КПСС «презюмции невинности» - вышли на первый план также и в меняющейся советской историографии¹. Крах всеединства объективной методологии марксизма дополнительно обусловил специфику дальнейшего развития научно-исторических исследований в 1990-х гг. и привел к изменениям в базовых основаниях профессиональной историографической культуры советских обществоведов.

Едва ли нужно прояснять известные в годы перестройки слова известного историка Ю.А. Полякова о том, что история становилась в тот момент болевой точкой общественного сознания. Со всей очевидностью в советском обществе, ориентированном на онтологию становления в рамках коммунистического проекта, растущее сомнение в его реализации было чревато утратой традиционных регуляторов обыденного существования людей в социалистическом настоящем. Постепенное преодоление марксистского историзма лишало текущую современность необходимых констант и универсалий, составляющих неразрывную темпоральную связь прошлого, настоящего и будущего. Вслед за этим становилось невозможным продолжать серьезно рассматривать и анализировать «эклетику» повседневных исторических явлений как единство процессуальности, последовательности и эволюционного динамизма целей, средств и исторических действий, направленных на осуществление социального идеала. Последовавшая далее девальвация марксистского историзма, как базового принципа историко-научных исследований в советское время, привела в целом и к деконструкции исходных способов историзации наличной современности в социальном познании.

Понять причины и оценить результаты произошедших социокультурных разломов, осмыслить феноменологию произошедшего *отчуждения* опыта прошлого целых поколений советских людей от его активных носителей-субъектов в «настоящем» конца 1980-начала 90-х гг., задача, безусловно, требующая долгих размышлений и многих сил. Здесь я собираюсь лишь затронуть некоторые аспекты данной большой темы, и рассмотреть, как на основе отчужденных «консервантов» недавнего прошлого (социально-политических и интеллектуальных итогов процесса десталинизации во времена оттепели) учеными и публицистами в конце 1980-х начале 90-х гг. выстраивалась новая стратегия историзации современности.

Как уже было сказано, возросший приток инноваций в плане реализации задач перестройки в сфере идеологии и социальной политики изменил прежнюю «темпоральную карту» текущего момента жизни советских людей. Немецкий философ Г. Люббе охарактеризовал данный феномен как «сокращение настоящего»², в условиях которого историческое сознание перестает компенсировать постоянно возрастающую утрату знакомых смыслов современности за счет опоры на ее прежний опыт в прошлом. Саморефлексию историков начального периода перестройки однако можно охарактеризовать как интеллектуальный поиск недостающих норм культурной регуляции исторической памяти на основе переработки прежнего опыта социалистического строительства.

Безусловно, главную роль в разворачивающемся процессе активной политико-идеологической инверсии социализма в перестройку сыграли дискуссии и обсуждения вокруг проблемы понимания и осмысления сущности сталинской модели социализма. Очень скоро первоначальная задача «революционной реконструкции возобновления социалистического строительства»³ редуцировалась в рамках «словаря нового мышления» до задач преодоления прошлого наследия «сталинизма»/«сталинщины». Это означало в

свою очередь признание первоочередной важности процесса «десталинизации» истории советского общества как наиболее приемлемого и эффективного с конца 1950-х гг. средства конструктивного преобразования советского социализма.

Налицо сходство и преемственность двух периодов десталинизации советской истории во времена «оттепели» и «перестройки». Во-первых, оно заключается в общем «смещении» исторической перспективы относительно анализа советского прошлого, которое и у Н.С. Хрущева, и у М.С. Горбачева выражалось через понимание своего времени как «переломного»⁴. Во-вторых, в историографическом плане оба периода имеют сходство в появлении различного рода «транзитивных текстов» («Дело Бурджалова» и «история с “Вопросами истории”»⁵) и «транзитологических концепций»⁶, которые названное «качество» непосредственно отражали и персонифицировали. Дополнительно глобальная «переходность в мышлении» у Хрущева и Горбачева воспринималась современниками как общий процесс детравматизации власти посредством преодоления различного типа «синдромов»⁷. В первом случае говорили о синдроме Сталина⁸, во втором – о неизжитости «синдрома хрущевского мышления»⁹ нынешним генсеком.

Вместе с тем, отмеченные периоды осмысления советской истории имели у обществоведов и ряд существенных интеллектуальных отличий. Немецкий историк Марк фон Хаген обстоятельно показал, что десталинизация Хрущева преследовала основную цель сбалансировать в конце 1950 - начале 60-х гг. *объективные* факторы конкретно-исторического развития советской истории с *субъективными* (личностью Сталина) для персонификации ответственности коммунистической партии за сталинские репрессии после 1934 г.¹⁰ Смысловое пространство формулировки «культ личности» подразумевало принципиальную открытость для различного рода «эвфемизмов» («серьезные нарушения социалистической законности», «искажение социалистической демократии», «массовые репрессии», и т.д.), которыми советские идеологи определяли негатив отклонений от благородного пути социалистической революции со времени Ленина¹¹. В итоге, не смотря на свою внутреннюю противоречивость, хрущевская десталинизация осуществлялась как первая компромиссная попытка «легитимизировать» сталинизм через официальное признание властью совершенных им преступлений против партии и народа. При этом сталинизм продолжал жить в социальной памяти советских людей как сложное явление социально-политической жизни социалистического общества, наряду с тем, что самого Сталина вытесняли из совокупности исходных конкретно-исторических оснований строительства «светлого будущего»¹².

Итоги относительной нормализации сталинизма в советской науке того времени можно проследить на материале стенографических отчетов при обсуждении очередных томов «Очерков истории исторической науки в СССР»¹³. Ключевая проблема *историзм и современность* привела советских историков к тому, что в освящении становления и развития советской науки изложение «проблемных» страниц ее истории сводилось лишь к показу *отступлений от ленинской концепции*. Последняя оставалась неизменно главным самодовлеющим «научно-политическим» критерием для воспроизводства наукой социального целого исторического развития СССР. Тем самым политико-идеологическая доктрина, которая обуславливала привилегию лидерства советской истории на темпоральном уровне всемирно-исторического развития, неизменно самоотождествлялась со своим «ленинским» будущим, и возможным это стало в конце 1950-х гг. за счет своеобразной «музеефикации» искажений сталинизма.

Как раз это в перестройку станет камнем преткновения для отечественных историков, которые сочтут недопустимым сохранение сталинизма в «музее» социализма в качестве «реликта культурной эволюции» (Г. Люббе) советского социализма. Задача естественной переработки/утилизации «сталинского» опыта прошлого, партийная оценка которого в 1950-х гг. в целом способствовала консервации социалистической доктрины, станет в перестройку в числе первоочередных для достижения целей изменения и обновления политической идеологии.

Необходимо назвать еще ряд обстоятельств, создавших в перестройку дополнительный контраст к *спасительной* формулировке «культ личности», которая служила историкам и идеологам после 1956 г. для решения большинства интеллектуальных дилемм строительства социализма. Наиболее яркое – это признание официальной власти, что коммунистическая партия Советского союза несет ответственность за приверженность административно-командной системе и отсутствие демократии. Далее, восстановление в 1988 г. процесса реабилитации партийных и государственных деятелей, осужденных на фальсифицированных процессах 1930-50-х гг.¹⁴, создание специальной комиссии по составлению новой истории партии¹⁵, образование неформальных организаций, приложивших немало сил для «реставрации истории сталинских преступлений в национальном сознании»¹⁶, - способствовали вместе тому, что дискуссия о Сталине перешла на другие позиции. Уже в 1988 г. В. Селюнин написал одну из первых статей, касавшихся вопроса об ответственности Ленина за трагедию советской истории¹⁷, а к 1989 г. и особенно в течение 1990 г., ученые настороженно замечали, что «стихийно совершающаяся десталинизация массового сознания все чаще стала выливаться в попытки его деленинизации»¹⁸.

Подчеркну еще раз особо, что в период «оттепели» процесс десталинизации фактически «эксплицировал» противоречия советской истории в формулировке «культ личности Сталина», выработав тем самым в качестве «компенсаторного механизма» стратегию осмысления *ленинской концепции социализма*. Одним из фактических результатов этого в 1960-е гг. стало складывание официальных представлений об «истории советской исторической науки» как особой научной дисциплины¹⁹. В специфике развития исторического сознания времен перестройки необходимо говорить уже о прямо противоположном эффекте - постепенно разворачивающемся обратном процессе *сознательной* «интериоризации» познающим субъектом противоречий социально-политического развития социализма в прошлом и настоящем. Весьма показательно в этом смысле замечание М.Я. Гефтера того периода о том, что Сталин становился необычайно актуален в двух смыслах: *в меру его присутствия в нас* и *в меру нашего освобождения от него* в будущем. Однако обе эти меры, отмечал тогда историк, одинаково неизвестны²⁰.

Парадоксально, но селекция прошлого в социальном познании конца 1980-х гг. вначале строилось учеными на основе прежней «оттепелевской» практики активной историзации «сталинизма» как своеобразного и уникального опыта непрерывности. Однако интеллектуальные поиски шестидесятников не закончились воссозданием индивидуальной идентичности советской истории, которая должна была быть транслирована на беспрецедентную историчность перестройки в поисках желаемого будущего социализма. Взамен этого социально-политический субъект советской истории был легитимирован через «травмированную» сталинизмом историческую идентичность, которую теперь нужно было *принять* и *понять*, но для того лишь, чтобы потом безотлагательно *преодолеть*.

Естественно, что общая девальвация «символов веры» советского общества происходила на фоне размывания пределов и границ советской историографической культуры. Перестроечные историки отчетливо осознавали, что советская историографическая культура неотделима от культуры политической. В свою очередь последняя была не возможна в новых условиях без «размежевания и плюрализма» (Л. Баткин) с советским политико-идеологическим наследием сталинизма в дискуссионном пространстве современности. Кризисные условия протекания исторических исследований обусловились тем, что подрывались стабильные условия воспроизводства социального целого марксистской наукой. А это во многом обуславливалась последовательной сменой ее определяющих интеллектуальных «знаков». Ими и становились в различные периоды перестройки «социализм», «сталинизм», «ленинизм», «марксизм», «советское общество»²¹. Со все более увеличивающейся критикой каждого из них к началу 1990-х гг. сама научная культура утрачивала свои прежние незыблемые качества системности и

определенности. В свою очередь плюрализация научного познания означала изменение представлений как о самой социально-исторической реальности, так и о теоретических и методологических постулатах, ее выражающих²².

За радикальной критикой базовых оснований советской историографии во второй половине 1980-х гг. последовала в начале 90-х гг. кризисная стадия процесса естественного «самоотчуждения» интеллектуалов от официальной научной идеологии. Во второй половине 1990-х гг. в контексте преодоления идентификационного кризиса в области теории и методологии она сменилась установкой на обретение научным сообществом нового качества историографической культуры. Общий результат произошедшего движения в профессии вполне очевиден. Осевым качеством российского интеллектуализма становится стремление к принципиальной «открытости» существования самой научной культуры. По существу за всем этим сегодня стоит признание инфляции представлений о современности как о вечной «содержанке» прошлого в рамках представлений традиционного историзма. На первый план выступает абсолютная самоценность изучения современности. Качество, смысл и образ исторической науки стал все больше зависеть от того способа восприятия прошлого, которое необходимо объясняет и оправдывает целесообразность восприятия настоящего, точнее – базовая историзация опыта прошлого стала определяться возможностями познания, интерпретации и переинтерпретации современности.

Чечель И.Д.

Заметки об исторической правде. «Сталинизм»

Начну с довольно любопытной, на мой взгляд, классификации. В выпущенном в 1992 г. (2-е расш. и доп. изд.) в Массачусетсе/Торонто политологическом сборнике «Европейская политика в переходный период» мне показался интересным подраздел «Почему сталинизм?». В нем содержится классификация «наиболее распространенных» на Западе и в тогдашнем СССР интерпретаций «истоков и причин сталинизма»³⁷ и рассматриваются предпосылки «сталинизации» революционной России. Автор классификации (Д. Дебарделебен) распределяет эти интерпретации по «секторам».

Сектор 1: «Экономическая отсталость».

Д. Дебарделебен описываются интерпретации сталинизма, усматривающие его корни в попытках насадить социализм в экономически отсталой стране.

- «Экономическая необходимость требовала брутальной коллективизации сельского хозяйства [...] Коллективизация была единственным эффективным средством, гарантирующим, что достаточные излишки могут быть выжаты из аграрного сектора с целью финансирования индустриальной гонки»³⁸.
- «Политические чистки середины – конца 1930-х гг. были призваны перенести внимание с реальных проблем (разрушительной и непопулярной аграрной политики) на воображаемых врагов; в то же самое время страх должен был ограничивать открытую оппозицию»³⁹ большевистскому режиму.
- Насильственная коллективизация не была единственным способом извлечения сельскохозяйственных ресурсов для обеспечения потребностей индустриального сектора («реалистичные альтернативы»⁴⁰ Н. Бухарина и Е. Преображенского).

³⁷ European Politics in Transition, Lexington, Massachusetts/Toronto, 1992, P. 537.

³⁸ Ibid., P. 537.

³⁹ Ibid., P. 538.

⁴⁰ Ibid., P. 538.

- «Сталинская аграрная политика едва ли сопровождалась успехом и процветанием. Наравне с человеческой, она имела и свою экономическую цену» (забой скота крестьянами, голод, отсутствие роста производства, неэффективность перекачки средств из сельскохозяйственного в производственный сектор и, в некоторых интерпретациях, существенное перераспределение в 1928 - 1932 гг. ресурсов не из сельского хозяйства в промышленность, а наоборот (Д. Миллар⁴¹))⁴².
- «Скорость индустриализации могла бы быть меньшей, но дистанция между режимом и аграрным населением – не такой значительной. Тогда, в свою очередь, драматичные политические репрессии середины-конца 1930-х гг. не представлялись бы необходимыми для поддержки стабильности режима»⁴³.
- «Экономическая отсталость породила деформацию (типа) лидерства, особенно вследствие угрозы международной изоляции, но она не являлась мандатом на чрезвычайные меры, избранные Сталиным как в экономической, так и в политической сферах»⁴⁴.

Сектор 2: «Ленинизм и сталинизм».

Эта «школа мысли»⁴⁵ находит корни сталинизма в ленинском интеллектуализме и ленинской политике, констатирует Д. Дебарделебен.

- Поскольку партийные лидеры воспринимали себя в качестве хранителей единственно верной теории, с их стороны было естественным отстаивать принцип исключения (уничтожения) тех, кто имел ложные или контрреволюционные взгляды, и оправдывать контроль над формированием сознания⁴⁶.
- И. Сталин встал во главе бюрократической иерархии вследствие опоры на партдисциплину и запрета в партии фракционной активности, тогда как В. Ленин, зачастую сам использовавший жесткие методы борьбы с оппонентами, поощрял в годы гражданской войны и НЭПа подавление даже и социалистически настроенных критиков режима⁴⁷.

Сектор 3: «Культурная преемственность».

Если предыдущая теория увязывает сталинизм и революционный ленинизм, то культурологическое объяснение делает акцент на преемственности сталинизма и царизма. Так, скажем, «культурная теория» задается вопросом не была ли коллективизация просто новой формой крепостного права, а сталинские чистки – новым способом утверждения государственного господства над влиятельной социальной формацией в лице интеллигенции? Круг этих идей узнаваем.

- «Многие элементы сталинизма напоминали традиционно русские модели правления»⁴⁸.
- «Сильная государственная власть имела издавна существующие прецеденты в русской истории. [...] Индивидуальная предпринимательская деятельность и культурный ренессанс 1920-х гг. в большей мере, нежели сталинизм, репрезентировали драматический разрыв с традиционной политической культурой. Определенно, возрождаемое в 1930-е и 1940-е гг. обращение к национальным ценностям очень походило на официальный патриотизм царистского периода»⁴⁹.

⁴¹ James Millar and Alec Nove, 'A debate on Collectivization: Was Stalin Really Necessary?'// Problems of Communism (July –August 1976), pp. 53-55.

⁴² Ibid., P. 538.

⁴³ European Politics in Transition, Lexington, Massachusetts/Toronto, 1992. P. 538.

⁴⁴ Ibid., P. 538-539.

⁴⁵ Ibid., P. 539.

⁴⁶ Ibid., P. 539.

⁴⁷ Ibid., P. 539.

⁴⁸ Ibid., P. 540.

⁴⁹ Ibid., P. 540.

Сектор 4: «Личность Сталина».

Этот подход (интерпретация) оставляет ключевое место в «оформлении советской истории»⁵⁰ за самим Сталиным. Сталин как индивидуальность; психологические причины поведения вождя; компенсаторность сталинского национализма - некоего варианта оправдания его нерусского происхождения; «малая подверженность» Сталина «западной культуре и идеям»⁵¹; психологическая потребность Сталина в доказательстве собственной проленинской революционности; возможная клиническая паранойя советского лидера - все это наметки для до сих пор не написанной психобиографии Иосифа Сталина и еще одна версия интерпретации сталинизма.

Сектор 5: «Сила обстоятельств».

«Обстоятельства работали сообща с тем, чтобы создать ситуацию, благоприятную для сталинского правления», - резюмирует идеи сторонников этой интерпретации Д. Дебарделебен. В почти конспирологической манере исследовательница сводит воедино факторы, определившие возвышение Сталина. В их числе - ранняя смерть Ленина; неудача партии в части демонтажа после гражданской войны «секретной полиции» (ЧК)⁵²; экономические проблемы конца 1920-х гг.; неспособность советских лидеров, воспитанных в царистском политическом и культурном окружении, на компромиссы и договорные отношения; структура партийной организации с ее *иерархичностью, секретностью и дисциплиной*; общий дефицит в стране демократических традиций; присутствие жесткого, пронизательного политика, не преминувшего воспользоваться выгодами своего положения (Сталин)⁵³.

Несмотря на очевидные изъяны изложения, стереотипность и даже поверхностность представлений Д. Дебарделебен о существующих направлениях исторического анализа сталинизма⁵⁴, сама ее классификация, группировка исследовательницей вариантов интерпретации сталинской эпохи представляется заслуживающей внимания. Дебарделебен предельно четко разграничивает целый ряд концепций – и тематически, и сущностно, и - отчасти - методологически (экономический, культурологический и психологический подходы).

Благодаря ее классификации вырисовываются *интерпретативные границы* современного прочтения сталинизма. Эту заслугу исследовательницы необходимо оценивать тем более высоко, что реализованная ею идея, казалось бы, элементарного сопоставления версий «сталинизации» - повод для размышлений о *дискретности «исторической правды»*, о зависимости наших трактовок истории от своеобразной «оптики» нашего видения прошлого.

Культурологическая, экономическая и иные интерпретации сталинизма, с одной стороны, не исчерпывают всех возможностей его освещения, а с другой – обладают тем характерным качеством, что каждая из них устанавливает для сталинизма *свою рамку «исторической правды»*. Этот тривиальный вывод выглядит не таким уж тривиальным в контексте отечественного интеллектуального опыта последних восемнадцати лет.

⁵⁰ Ibid., P. 541.

⁵¹ Ibid., P. 541.

⁵² Ibid., P. 541.

⁵³ Ibid., P. 541-542.

⁵⁴ См. анализ концепций «сталинизации» России, например, в статьях Н. Трубниковой, И. Олегиной, О. Никоновой в сб.: Исторические исследования в России – II: Семь лет спустя. М., 2003. См. также: Россия XIX-XX вв.: Взгляд зарубежных историков. М., 1996; Фон Хаген М. Сталинизм и политика в постсоветской истории// Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999. С. 12-43; Кобытов П.С., Леонтьева О.Б. Введение. Зенит прекрасной эпохи: сталинизм глазами американских историков// Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. М., 2001. С. 3-19.

Приведение Д. Дебарделебен в одном ряду различных трактовок сталинизма вызывает своеобразный «эффект последствия»: их несопоставимость; значимость в каждой интерпретации нюансов и акцентов; зависимость концепций от целей истолкования темы, стратегий интерпретаций, категориального аппарата, языка описаний и т.д. обнажает *функциональный характер* «правды» о сталинизме, не вмещающейся в представления о единственности, монизме «исторической правды» как таковой.

Дискуссия 4 марта в очередной раз это доказала. В докладах выступающих (В. Шейнис; В. Кувалдин, З. Серебрякова, В. Медведев, Е. Яковлев, Ф. Бурлацкий и др.) всякий раз порицался, описывался и изображался некий *свой* сталинизм. Сталинщина представляла в многочисленных обликах, примеряла неоднозначные маски. Она оказывалась одновременно и «Системой» и «Крестом развития» России, и «последним взлетом русского мессианства», и порождением единственно «злой воли» вставшего над партией «тирана», и «номенклатурной революцией», и «очень важным *пограничьем*» - не столько истории, сколько ее «осмысления», и исторической необходимостью, и акциденцией. В точности так же, как и в перестроечные годы, относительно консолидированные позиции докладчиков, экспансивное неприятие ими сталинских деформаций не обуславливали возникновения сколько-нибудь единого контура интерпретаций - контура, обрисовывающего (условно) *неоспоримую правду* о сталинизме.

Лично для меня в этом смысле очень интересным и вместе с тем провокативным стало выступление З. Л. Серебряковой и ее слова о том, что только возобновление широкого обсуждения сталинского периода – залог релевантности наших представлений о советской истории. Докладчица проводила четкую разделительную линию между дискуссиями о сталинизме втор. пол. 1980-х – начала 1990-х и конца 1990-х – начала 2000-х гг. Ее вывод заключался в том, что в годы перестройки вопрос о сталинизме дебатировался в стране более открыто и гласно, а значит и *продуктивно* в познавательном отношении. «Только новые факты, новые документы» вскроют *подлинный смысл* сталинизма и подтвердят намеренно замалчиваемую сегодня «правду» о нем, утверждала исследовательница.

У меня же этот тезис З. Л. Серебряковой вызвал недоуменный вопрос: какого рода «новые факты» необходимо открыть с тем, чтобы проанализировать сталинизм «объективно» и выяснить окончательную «правду» о нем?

Волна перестроечной десталинизации вызвала настолько много споров, что некоторые публицисты говорили о превращении «белых пятен» советской истории в «сплошь кроваво-красные» ... и даже этого оказалось недостаточно - только в 1996 г. вышли 3 монографии, возвращающие дискуссии о сталинизме вспять и вновь оценивающие сталинский период по типичному критерию «с одной стороны» - «с другой стороны»⁵⁵.

У меня (как представителя достаточно прагматичного поколения) в этой связи рождается то заключение, что восприятие «подлинного смысла» сталинизма в малой степени обусловлено разоблачением преступлений тоталитаризма в СССР. Вероятно, апологетика и отрицание сталинизма - результирующие факторов несколько иного плана, чем гласность и открытость обсуждений, фактическая полнота тех или иных данных. Это было явственно уже на примере Н.С. Хрущева, не раз заявлявшего после XX съезда КПСС о своем уважении к Иосифу Сталину.

Сама по себе историческая «правда ничего не *объясняет*» (Р. Рорти) и, считаясь с этим, на мой взгляд, необходимо избирать при анализе феномена «сталинизации» альтернативные - «экстенсивному» открытию фактов или, скажем, не

⁵⁵ См.: Разумов Е. Крушение и надежды. Политические заметки. М., 1996; Жухрай В. Сталин: правда и ложь. М., 1996; Волков Ф. Великий Ленин и пигмеи истории. М., 1996.

верифицируемому в качестве научно-аналитической категории «покаянию»⁵⁶ - исследовательские пути.

Первый из них, на мой взгляд, связан с тем подходом, который декларировался применительно к «разоблачению идеологий» К. Манхеймом. Важно рассматривать «функциональную зависимость каждой интеллектуальной точки зрения от различных общественных групп, в действительности стоящих за нею»⁵⁷, и подвергать анализу «общественную действенность идей посредством разоблачения функции, которую они выполняют»⁵⁸ (так могли бы рассматриваться, к примеру, концепции сталинизма и десталинизации, рождавшиеся в среде реформистского руководства и в консервативно-охранительных и националистических кругах в 1985 - 1991 гг.).

Этот подход фокусирует исследовательские внимание на складывании «вокруг» исторического прошлого групп интересов, на заинтересованности ведущих общественных сил в том или ином истолковании исторических событий⁵⁹, на видоизменении «образа прошлого» в зависимости от перипетий общественных интеракций и конкурентной борьбы.

Второй исследовательский путь может быть сопряжен с исследованием *конструктивной природы* «исторической правды»⁶⁰ или, иначе, с предположением о том, что «историческая правда» не только «множественна» (не конечна), но и представляет собой исследовательский *артефакт*.

Поясню свою позицию на конкретном примере. На протяжении XX в. об Иосифе Сталине писали очень по-разному. Но социальный заказ эпохи перестройки, порожденный трясущей политической властью, вызвал к жизни во многом беспрецедентный тип «исторического письма». В частности, он обусловил рост популярности в СССР *аусторического нарратива* «сталинизации».

Одним из образцов такого нарратива для меня является относящееся к 1989 г. рассуждение Д. Волкогонова: «Жизнь и смерть Сталина подтвердили ряд вечных истин. Пропасть истории, наверно, одинаково глубока для всех. Но эхо падения навечно ушедшего туда может доноситься как призыв и свидетельство Добра или Зла. Чем больше мы узнаем о Сталине, тем глубже убеждаемся, что ему суждено стать в истории одним из самых страшных олицетворений Зла. Никакие благие намерения программы не могут служить оправданием актов бесчеловечности. Сталин своей жизнью еще раз показал, что даже высокие человеческие идеалы можно вывернуть наизнанку, если политика отказывается от союза с гуманизмом. Сталин, при всей тотальности своих устремлений, выпустил из поля зрения главное – человека. Для него человек всегда был составной частью массы, статистической единицей, а это почти

⁵⁶ См. в этой связи: Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления: Опыт России и Германии на рубеже веков. М., 2002.

⁵⁷ Mannheim K. Essays on the Sociology of Knowledge. L., 1952. P. 190.

⁵⁸ Ibid. P. 141.

⁵⁹ Отметим, что для самих представителей этих сил такая заинтересованность – во многом «бессознательный процесс»: Ibid. P. 141.

⁶⁰ Термин «конструктивность» - отсылка к историографической традиции исследования интересующих составляющих исторического метода, уже не воспринимаемого в конце XX – начале XXI вв. как простое следствие обобщения фактов или, скажем, наличия в знании тех или иных операциональных методик; методологий экспериментальных проверок и проч. Современная историческая мысль нередко задается вопросом о научной рациональности как изначальном “конструкте” - разумеется, не абстрактном, а детерминированном профессиональными конвенциями - вызванном к жизни скорее моделированием, нежели “отражением” исторической реальности (См., например: Савельева И.М., Полегаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997; Зверева Г.И. Роль познавательных “поворотов” второй половины XX века в современных российских исследованиях культуры// Выбор метода: Изучение культуры в России 1990-х гг.: Сб-к науч. статей. М., 2001). С другой стороны, под воздействием “постмодернистского вызова” академическое историописание совершенно по-новому ставит вопрос о “социальной логике” (Г. Спигель) профессиональных исследований / исторических “текстов”, как правило, *конструктивно* (то есть структурно-содержательно) заданных языком социально-исторических представлений той или иной эпохи.

ничего. Жизнь и смерть Сталина подтвердили, что единовластие как выражение диктатуры одного лица исторически исключительно хрупко. Оно гибнет, исчезает вместе со смертью единодержца. Сталин никогда не мог и не хотел понять, что подлинно свободное общество – это не платформа для пирамиды, на вершине которой находится один человек, а ассоциация, где каждый волен принимать участие в выборе собственной судьбы. Жизнь и смерть Сталина показали, что отсутствие гармонии между политикой и моралью всегда, в конечном счете, приводит к краху. Исторический маятник событий в нашей стране поднял Сталина на высшую точку своих социальных колебаний и опустил его в самой низшей – у диктатора политические ценности имели абсолютный примат над нравственными. Жизнь и смерть Сталина рельефно высветили то, что судьба человека, верящего только в могущество насилия, может идти только от одного преступления к другому. Декорации, созданные диктатором из его славы, «мудрости», «прозорливости», почитания рано или поздно рушатся. Сталин своей жизнью и смертью показал, что его претензии на совершенство цезаристского управления оказались призрачными. Его способность овладевать сознанием людей, превращать их в бездумных исполнителей является грозным предупреждением о том, к чему может вести власть бесконтрольная, абсолютная, сконцентрированная в одних руках. История Сталина обвиняет. Смерть не стала его оправданием»⁶¹.

Дискриптивные модели Д.А. Волкогонова говорят сами за себя: достаточно обратить внимание на то, сколько раз историк возвращается к словосочетанию «жизнь и смерть», собственно упоминает «жизнь» и «смерть»; достаточно присмотреться к тому, как он обрисовывает «вечные истины», «высокие человеческие идеалы», «политику» и «гуманизм», «человека» и «подлинно свободное общество», «историю» и «мораль»; достаточно отметить, что в словах «Добро» и «Зло» автором используются заглавные буквы, тогда как сам И. Сталин оказывается в концепции то неким сверхчеловеком, отмеченным «тотальностью устремлений», то диктатором, существующим в «экстремальной» хронологической амплитуде «всегда» ~ (либо) ~ «никогда», то обладателем «абсолютной власти», верящим «только» в столь же «абсолютный примат» политических ценностей над нравственными.

Исследователем создано поистине уникальное пространство символов-универсумов. В режиме этих значений «политика» и «человек», «свобода» и «гармония» и даже сталинское (неимоверно жестокое, но и неимоверно конкретное) «насилие» – особым образом генерализированные категории, лишённые всякого исторического содержания и вытесненные в некое гротескно-неправдоподобное, скажем так, «авторизированное» пограничье истории.

Признаки последнего – абсолютизированность описаний («Исторический маятник событий в нашей стране поднял Сталина на *высшую* точку своих социальных колебаний и опустил его в *самой низшей*» и проч.); власть, трактуемая *исключительно* как экзистенциальная дилемма; «история», оказывающаяся судьбоносной и «над» – временной; «жизнь и смерть», «Добро и Зло», уравненные где-то вне/за сферой исторического; своеобразный метафизический экстремизм, благодаря которому автор «принимает» явления только в их идеальном – или инфернальном – воплощении, на грани их самоисчерпанности и «окончателности» смысла.

Такой «нарратив о Сталине» (а случай Д.А. Волкогонова – отнюдь не единственный в своем роде) чрезвычайно далек от традиционного историописания. В то же время наличие подобных интерпретативных моделей – наравне с точками зрения историков-профессионалов – в структуре перестроечного общественного сознания оттеняет семантические несовпадения и *конструктивную природу* разнообразных исторических практик и/или существование различных «реквизитов означющего

⁶¹ Триумф тирана, трагедия народа: Беседа с Д.А. Волкогоновым и Р.А. Медведевым// Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С. 291.

исторического письма»⁶². В этом и подобных ему случаях второй подход способствует разоблачению механизмов «созидания» «исторической правды» и, существенным образом, декодированию не только ее недостоверных (с точки зрения научного профессионализма), но и скрытых значений.

На мой взгляд, вопрос о «правдивом» анализе сталинского периода, так же, как и вопрос о преодолении сталинизма, сводится к исследованию технологий историописания – *в большей мере, нежели к исследованию фактических материалов сталинской эпохи*. В этом (характерном) плане сведений о сталинизме вполне достаточно для того, чтобы решиться на следующую рискованную констатацию: «правда» истории зависит от того, каким образом те или иные фактические данные будут транслироваться и ретранслироваться в обществе: какая идентичность в конечном итоге необходима российскому социуму, какой «правдивый» образ прошлого Россия примет и изберет.

¹ Наумов В.П., Рябов В.В., Филиппов Ю.И. Об историческом пути КПСС в свете нового мышления // Вопросы истории КПСС. 1988. №9-10; Келле В.Ж. История КПСС в системе обществоведения // Вопросы истории КПСС. 1988. №7. С.58-67.

² Люббе Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем // Вопросы философии. 1994. №4. С.94-113.

³ 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М., 1989. С.348.

⁴ Тернистый путь к политическому плюрализму: проблемы, конфликты, перспективы («круглый стол») // Вопросы истории КПСС. 1990. №8. С.15-25.

⁵ Об историках, группировавшихся вокруг журнала «Вопросы истории» (Э.Н. Бурджалов, А.М. Панкратова), которые, конкретизируя решения XX съезда, попытались вместе с критикой культа личности серьезно пересмотреть историю: Вопросы истории. 1989. №9. С. 81-96; №11. С.113-138; Вада Харуки. Наследство 1960-х годов // Россия как проблема всемирной истории. М., 1999. С.247-260.

⁶ Темкина А., Григорьев В. Динамика интерпретативного процесса: трансформация в России // Социальные исследования в России. Немецко-российский мониторинг. М., 1998. С.236.

⁷ Историки спорят. Тринадцать бесед. / Под общ. ред. д.и.н В.С. Лельчука. М., 1988. С.232.

⁸ Гефтер М. От анти-Сталина к не-Сталину: непройденный путь // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С.544.

⁹ Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997. С.6.

¹⁰ Хаген Марк фон Сталинизм и политика в постсоветской истории // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М. 1999. С.18.

¹¹ Всесоюзное совещание историков: Стенограмма. М., 1964. С.19.

¹² Показательна в этом смысле постепенная унификация формулировки «период культа личности Сталина» 1950-х гг. до абстрактного и не вполне определенного в конкретно-историческом аспекте понятия «культ личности» в 70-начале 80-х гг.

¹³ Сидорова Л.А. Указ. соч. С.163-217.

¹⁴ В комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х годов // Правда. 6 февраля 1988.

¹⁵ «Ты станешь самой точною наукой...» // Вопросы истории КПСС. 1989. №2. С.74.

⁶² Iggers Georg G. Rationality and History// Developments in Modern Historiography. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, 1998. P.29.

---

¹⁶ *Раскин Д.* Общество «Мемориал» и формирование архивного фонда по истории сталинских репрессий // Историческая правда о советском союзе 20-30- годов. Материалы международного симпозиума Лондон, 23-27 апреля 1990 г. М.; Алма-Ата, 1991. С.124-126.

¹⁷ *Селюнин В.* Истоки // Новый мир. 1988. №5. С.162-189.

¹⁸ *Скоробогатский В.В.* По ту сторону марксизма. Свердловск, 1991. С.191. Историография вопроса: *Котеленец Е.А.* В.И. Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография. М., 1999.

¹⁹ *Нечкина М.В.* К итогам дискуссии о периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1962. №2.

²⁰ Иного не дано / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1988. С.302.

²¹ Социализм: противоречия системы. М., 1989 *Капустин М.* Конец утопии? Прошлое и будущее социализма. М., 1990; *Лисичкин Г.С.* К. Маркс – злейший враг большевиков. Размышления о причинах кризиса в России. М., 1993; и др.

²² *Здравомыслов А.Г.* Социология российского кризиса. М., 1999. С.206.